

ЕЛЕНА КИСЕЛЕВА

**ТРОПИНКИ
СУХАРСКОГО
ЛЕСА**

Сыктывкар Издательство «Эском» 2009

КИСЕЛОВА Е. В.

К 44 Тропинки Сухарского леса: Роман. — Сыктывкар : Издательство «Эском», 2009. — 174 с.

Действие исторического романа Елены Киселевой разворачивается в 20-х годах XX века. В центре романа — фигура легендарного карпатского «Робин Гуда» Николя Шугая, его трудная жизнь, любовь и смерть.

Елена Киселева (Репинская) родилась в СССР, в Закарпатской области. Там же окончила среднюю школу. Живет на Севере с 1972 года. Окончила филологический факультет Коми государственного пединститута по специальности «Филология: русский язык и литература». Работала пионервожатой, директором Дома культуры, секретарем комитета комсомола, администратором на телевидение, инструктором отдела по связям с общественностью городской администрации. Печаталась в газетах, в коллективных сборниках «Авария» и «На изломе», в литературном альманахе «Лиловые чернила». Была редактором газеты «Украинский вестник» (на украинском языке), издававшейся Украинской национальной автономией в Коми. Ее авторские передачи на литературные темы звучали и на республиканском радио.

В настоящее время проживает в Сыктывкаре. Замужем. Имеет дочь и четырех внуков.

ОТ АВТОРА

События, описанные в романе «Тропинки Сухарского леса», происходят в двадцатые годы на территории нынешней Закарпатской области. Область лежит на юго-западе Украины и граничит с такими государствами, как Польша, Словакия, Румыния, Венгрия. Здесь живут украинцы, русские, венгры, чехи, словаки, немцы. Отчасти поэтому язык местного населения своеобразен. До сих пор здесь используются исконно старославянские слова: живот (в значении жизнь), перст, чело, очи, погань и др., но встречаются и иностранные — фертиг, анцуг, шпацир и т.д.

Главный герой — молодой крестьянин Никола Шугай. Это историческое лицо. Дезертировав из Австро-Венгерской армии, он оказался вне закона.

Сложное это было время — уже бродил по Европе «призрак коммунизма», а люди тяжело переживали последствия Первой мировой войны, распад великой Австро-Венгерской империи, в составе которой жили долгое время.

Никола Шугай следует собственным представлениям о справедливой жизни. Он воспитан на народных легендах о смелых опрышках* — и готов действовать...

* Опрышки — народные мстители.

Жандарм Новак крепко спал всю ночь, а проснулся будто от мягкого толчка в плечо. Он лежал на широкой мягкой кровати. В распахнутое настежь окно норовили заглянуть ветви дерева, наполняя комнату запахом ранних яблок.

Новак с удовольствием сделал глубокий вдох, радуясь душевному спокойствию. Он давно его не испытывал и уже начал было отвыкать от этого состояния. Подумал, как хорошо спится в этом доме, у Божены, и, быть может, права была его покойная мать, когда говорила: «Милый Франтишек, тебе нужна такая жена, как Божена!» «Почему Божена?» — недоумевал он. «Если не знаешь почему, значит, еще не бедствовал, как вдовец, еще не устал от одиночества», — со вздохом объясняла мать.

Божена была помоложе матери, но давно уже стала вдовой. Дети не обзавелась, поэтому всю душу вкладывала лишь в одно — наведение чистоты в доме. Каждый день она так старательно работала щетками, мылом, тряпками, словно этот труд предстоит оценить важным чином. «Ты помешалась на чистоте так, что и людей не замечаешь!» — не раз упрекал ее бывший муж. Доставалось и ему: не туда положил, не оттуда взял, ступил куда не следует. «Она довела его до могилы, — говорили ее враги, — теперь пусть поживет одна со своими щетками».

— Почему ты все время сватаешь мне Божену? — спрашивал Франта Новак у матери.

— Ну как почему? Ты нечасто убираешься в доме, рубашки тебе некому привести в порядок, не вовремя за стол садишься, — отвечала мать.

— Только поэтому? — смеялся он.

— Ты смеешься, сынок? Зря! — сердилась мать. — С тех пор как умерла твоя первая жена, ты похож на старого обленившегося холостяка. Не пора ли подумать о жизни да найти серьезную женщину по себе, а не заглядываться на молоденьких вертушек?

— На кого это я заглядывался? — продолжал улыбаться сын, давно привыкший к материнской прямолинейности.

— Видела я, как ты смотрел на Янушку.

— Мама, я смотрел просто так, ведь мы же все соседи. Любопытно стало, как быстро растут дети. Еще вчера Янушке нос вытирали, а сегодня она уже глазками стреляет.

— И я о том же. Молодой девушке интересно, сможет ли она понравиться мужчине, который старше ее. Но, когда она найдет себе молодого друга, оба они посмеются над влюбленным стариком.

Ох, и права была покойная мать! Именно так все и случилось, только уже после ее смерти. Теперь он все-таки с Боженой, которая старше его на пять лет.

Франта с удовольствием потянулся, он был доволен этой ночью, которую подарила ему хозяйка дома.

«Жениться мне, что ли? — мелькнула мысль. — Божена прекрасно ведет хозяйство и сама очень приятная женщина. У нее такие чуткие тонкие пальцы, они приятно скользят по телу, прислушиваются ко мне, стараясь угодить любому желанию. Встречаемся уже полгода, пора определиться. Мне пятьдесят лет, дважды был женат, довольно с меня глупостей. Сейчас встану с постели, приведу себя в порядок и скажу ей, чтобы переезжала ко мне».

Он посмотрел на часы и встал.

Божена ждала его в просторной кухне. Сидела за столом в светлой блузке в тонкую синюю полоску и узкой темно-синей юбке. Перед ней лежали теплые бутерброды с сыром, две пустые чашки стояли в ожидании кофе.

После смерти мужа Божена пожила какое-то время одна, потом сменила трех молодых любовников, которые с легкостью бросали ее ради сверстниц. Она с горечью думала, что пройдет еще несколько лет и мужчины вообще перестанут глядеть в ее сторону. А ей очень хотелось иметь мужа — не очень старого, но мало-мальски приятного, а главное — надежного. Такого, например, как капитан жандармов Новак. От мыслей она перешла к делу и однажды «случайно» встретила Франту на кладбище. Он ходил туда на могилу жены, а Божена — к покойному мужу.

Увидев друг друга, поздоровались, слово за слово — разговорились. Выпили немного, а домой пошли вместе. Ее дом был ближе, она пригласила его на чашку кофе, а Франта не отказался угоститься кофе и коньяком.

Так все у них и началось.

Только что будет дальше? Какие у Новака намерения?

Она сидела и ждала его, прислушиваясь к звукам воды в туалетной комнате. Вот-вот он войдет в кухню — по-утреннему свеж, чисто выбрит, сядет за стол, и они поговорят...

Франта появился в кухне с улыбкой, подошел к ней и нежно обнял вдову за плечи:

—Апо!*

—Апо! — улыбнулась Божена.

—Как тебе спалось, моя дорогая?

—Хорошо, — ответила она радостно и поцеловала его.

—Сегодня будет жаркий день, как и вчера, — говорит он.

—О, да! — согласилась она.

Он бросил короткий взгляд в распахнутое окно, за которым зеленели деревья.

—Какой порядок в твоём саду! Я восхищен кронами твоих яблонь! Кто тебе помогает делать такую красивую обрезку?

—Я все делаю сама! — ответила хозяйка весело.

—Умница!.. А я вот не умею этого делать. Не умею! — развел руками Франта. — Весной нанял Ференца Мицу.

Услышав это имя, Божена молча и неодобрительно покачала головой.

—Знаешь этого недобросовестного человека? — спросил Новак. — После него, милая Божена, ветки на дереве висели на одной коже!

—Деревья тоже живые, и они отвечают любовью за любовь, — откликнулась Божена, поправляя салфетку на столе, потом спохватилась: — Прошу за стол, кофе готов!

—Спасибо! — капитан сел на мягкий табурет. «Вот сейчас скажу ей, что пора нам жить вместе», — думал он, глядя на черную струйку кофе, которая наполняла его чашку.

Он поднял голову, глянул на светлое улыбчивое лицо Божены, ее белый высокий лоб, каштановые волосы. Кажется, вот-вот сорвутся с его уст заранее приготовленные хорошие слова, обрадуют ее, заставят улыбаться от радости. Но его взгляд неожиданно останавливается на ее седых волосах, которые упорно растут от самых корней, выдавая возраст женщины. Его настроение тут же меняется. Он уже ничего не хочет говорить.

—Какие планы на сегодня? — спрашивает Божена.

—Сейчас поеду в жандармерию, а там будет видно, — отвечает он серьезно и делает первый глоток.

—А я займусь цветником.

—Чудесно! Ты меня прости, Божена, я выпью кофе и побегу. Очень спешу на работу! Не обижайся!

— Не обижусь!

...Через час Франта Новак был у своего шефа. Багровые щеки главного полицейского жандарма и хмурые брови говорили, что

у шефа плохое настроение. Своему подчиненному он молча указал на стул, сухо спросив:

— Читали утренние газеты?

— Еще нет.

— Что же вы так? Жандарм должен быть в курсе всех событий. Разве нет?..

— Так точно, — согласился Новак.

— Ну, хорошо, вот послушайте, — голос шефа немного смягчился, он взял в руки газету и начал читать уже отмеченные ручкой отдельные строчки: « . В Подкарпатской Руси совершено убийство, которое потрясло всех жителей. Они с тревогой спрашивают себя, будет ли поймана шайка разбойников, которую возглавляет Никола Шугай... Шайка нападает на почту и грабит богатых торговцев. Чаще всего своих жертв подкарауливают в районе горного перевала, через который ведет дорога из Волового в Колочаву».

Шеф отложил газету в сторону и ударил кулаком по столу.

— Черт знает что! — воскликнул он. — На улице двадцатый век, расцвет литературы, Европа слушает Штрауса, а тут, почти в центре Европы, разгуливают разбойники! Это безобразие порождено дезертизмом!

Начальник жандармерии внезапно замолчал: к чему сейчас рассуждения о политике? Что это даст? Но резкая смена настроения изменила и выражение его лица. Оно сделалось очень грустным и задумчивым.

О чем он задумался в эти минуты? О неизвестном дезертире по имени Никола Шугай? Или о той войне, которая породила таких вот разбойников? Главный полицейский жандарм был старым солдатом. Он прекрасно разбирался в политике и чувствовал приближение войны еще задолго до ее начала.

Первая мировая война шла на европейской территории, но затронула большую часть мира. Поначалу все надеялись, что война не продлится долго, но она тянулась долгих четыре года, принесла с собой разруху, обнищание, смерть. Даже монархи устали от этого бедствия. Император Карл в конце войны заявил о своем «отказе от всякого участия в государственных делах», а на следующий день вместе с императрицей Цитой и свитой покинул Шенбруни. Они уехали на семи автомобилях во дворец в Эккартзау.

«Проклятая война», — подумал главный полицейский жандарм. Отложив в сторону газету, он поднял голову и посмотрел на капитана Новака:

—Вы уже слышали это имя — Никола Шугай? Конечно, газеты старательно об этом пишут!

—Так точно!

—И не вы ли называли этого Шугая «обыкновенным деревенским хулиганом»?

—Так точно!

—Вот вам и поручение. Вы срочно поедете в Подкарпатскую Русь, возглавите жандармский пост в селе Колочава и поймаете этого «деревенского хулигана». Вам все ясно?

—Так точно!

Пришлось спешно собираться в дорогу. Погожим летним днем капитан вышел из дома и направился на железнодорожный вокзал. Через три часа он уедет из Праги. Впереди его ждет Подкарпатская Русь.

Капитан прошелся пешком по Вацлавской площади, постоял несколько минут перед собором Святого Вита. Полуденное солнце заливало Прагу, где все еще заметны были последствия войны. Но люди приводили в порядок дома, палисадники, украшали фасады, и Новак подумал, что, когда он вернется, в городе будет царить безупречный порядок.

На людном перроне Франте вспомнилось, как во время войны здесь толпились мобилизованные. Рекруты — чешские, хорватские, словацкие, сербские и украинские — не хотели воевать. Они шли на призывные пункты с национальными эмблемами, словно это могло их уберечь, но иногда с траурными кокардами и флагами.

«Довольно нам терпеть Габсбургов, которые триста лет угнетали чешский народ!» — говорилось в одной чешской листовке. Славяне не хотели воевать против славян, но тех, кто отказывался убивать, ждала жестокая расправа. Только люди все равно сопротивлялись. Когда Одиннадцатый чешский полк отказался выступить против Сербии, он был подвергнут «де-цимированию». То есть расстрелян был каждый десятый солдат, а остальных погнали под артиллерийский огонь противника.

Новак поморщился. Чем предаваться грустным воспоминаниям, не лучше ли купить свежую газету? Но тут объявили о прибытии его поезда, и о газете пришлось забыть. Началась посадка. Капитан вошел в свое купе. Его соседи — две миловидные старушки — уже успели занять свои места.

Он поздоровался. Старушки, ответив ему тем же, продолжили свой разговор, не обращая на жандарма внимания.

«Вот и прекрасно, а я под стук колес прекрасно посплю», — подумал Новак.

Когда поезд набрал ход, а любимая Прага скрылась вдали, капитан с грустью подумал о том, что родной город и привычный образ жизни он оставляет на неопределенное время. Сегодня вечером он не придет в свою любимую пивоварню «У Флеков», не скоро теперь увидит старинные деревянные стены в любимом зале «Старочешской избы», не скоро сядет с друзьями за длинный стол в резное кресло. Никто не поднесет ему в ближайшем будущем кружку знаменитого флековского пива, не предложит отведать брамборовых кнедликов*. Всех этих удовольствий он теперь лишен. Новак вздохнул, пригладил ладонью лысеющий затылок и улегся спать.

Проснулся он на следующий день, когда поезд шел уже по территории Подкарпатской Руси. В районе Свалявы равнинный ландшафт плавно перешел в живописные горы. За одним из сел на опушке леса стояла группа подростков с корзинками в руках. Кажется, они собирались зайти в лес, но, услышав гудок поезда, остановились и начали радостно приветствовать его криками и жестами. Капитан улыбнулся: знакомая картина. Дети — они везде дети. Начинались Карпатские горы.

Карпаты — прямое продолжение Альп. Их склоны покрыты роскошным смешанным лесом. У подножия растут высокоствольные буки, дубы, клены, липы, а выше — ель, пихта и сосна. Из окна поезда изумрудно-зелеными казались полонины — ровные поверхности с пологими увалами.

До войны Подкарпатская Русь была в составе Австро-Венгрии. Но после крушения империи на европейской карте возникли новые государства.

Немалую роль в судьбе Подкарпатской Руси сыграл и тот факт, что начиная с 1870 года тысячи граждан из Восточной Словакии и Закарпатья уехали в США. Постепенно там формируются организации из эмигрантов из Закарпатья и Восточной Словакии. Так, эмигрантами из Закарпатья была образована «Американская Народная Рада карпатских русынов» во главе с адвокатом Григорием Жаткови-чем. Они проявили интерес к будущему государственно-правовому статусу закарпатских земель, их волновала «доля в/ти/вщини», и это сыграло свою роль в политической

* Брамборовые кнедлики — дрожжевое тесто с картофельной начинкой (чеш.). 9

жизни края. Итогом поисков в этом направлении стали переговоры с лидером чехов и словаков, известным профессором господином Масариком, который возглавлял «Средне-европейскую демократическую унию». В результате этих переговоров карпатские русины присоединяются к организации «Среднеевропейской демократической унии». Т. Масарик пообещал Карпатской Руси автономию и выгодные границы в случае слияния ее с Чехословацкой республикой.

«Центральна Руська Народна Рада» приняла решение о вхождении Закарпатья к Чехословакии на автономных правах. Об этом решении были информированы государства, которые собрались в Париже для установления нового порядка в Европе. Парижская мирная конференция, изучив этот вопрос, вынесла положительное решение. Согласно с Сен-Жерменским договором от десятого сентября тысяча девятьсот девятнадцатого года закарпатские земли вошли в состав Чехословацкой республики.

«Сейчас в Подкарпатской Руси строят мосты и дороги, укрепляют берега рек, — думал Новак, глядя за окно. — Наоткрывали бесплатных школ-восьмилеток. Учат не только русинских, но и немецких, венгерских, еврейских, чешских, словацких и румынских детей. Общественная жизнь бурлит — около тридцати партий действуют в крае. Конечно, и коммунисты не дремлют, — хмуро прервал ход своих мыслей капитан. — Это они плодят таких людей, как Никола Шугай. Да, да, они плодят босяков, амбициозных неучей. Ну а сам Никола Шугай, видимо, считает себя Робин Гудом. Ну что же, посмотрим».

II.

Так капитан Новак появился в Колочаве.

Это старинное село впервые было упомянуто в письменных источниках еще в 1463 году. Лежит оно в долине, в объятии зубчатых гор: Красной, Стрымбы, Барвинки и Дервайки.

Капитана встретил молодой рыжеватый жандарм, возглавлявший здесь пост, — он очень спешил уехать из Колочавы, а потому немедленно приступил к передаче дел. Вместе они поехали в контору, которая временно находилась в здании школы.

В большом кабинете сиротливо стояли в углу письменный

стол и старое кресло с синей обивкой. Вдоль стены в ряд выстроились выдавшие виды стулья. Из окна просматривался небольшой пустырь, где гуси щипали траву. За пустырем блестела на солнце горная речка, над которой чопорно возвышалась желтая скала, плавно переходящая в густой лес. «Да, в таком лесу одному человеку легко затеряться», — подумал Новак. Он сел за стол и попросил служебную папку: «Личное дело Николы Шугая». Молодой жандарм не заставил себя ждать и, вручив капитану увесистую папку, молча уселся напротив. «Никола Шугай родился в селе Колочава в 1899 году в многодетной крестьянской семье. Во время Первой мировой войны он был призван в Австро-Венгерскую армию, но дезертировал и был поставлен вне закона», — читал капитан. Но об этом он узнал еще в Праге. Сейчас его больше интересовало последнее преступление Шугая. Новак перелистывал страницы, пока не остановился на показаниях свидетелей убийства на перевале: на дороге, ведущей из Волово-го в Колочаву, были убиты купец Иван Бойко и коммунист Михайло Сятыня.

Капитан внимательно перечитал показания свидетелей.

Первыми были подшиты показания крестьянина из Волово-го. Он заявил, что в тот злополучный день все время был рядом с купцом. С утра помогал ему торговать, а после — переносить товар на телегу. Домой, в Колочаву, Бойко засобирался уже после полудня, так как торговля оказалась не очень прибыльной. Когда все мешки с товаром оказались уложены, их прикрыли старым плащом и, накормив лошадей, внимательно осмотрели колеса на телеге. Потом подошла сестра торговца, которая жила в Волово-м, и стала уговаривать заночевать у нее. Бойко отказался, отшучиваясь, что, мол, «в чужой постели очень злые блохи». Женщина ушла, но вместо нее появился мужик — знакомый купца. Он был не один. Рядом встал высокий и очень худой мужчина, который внимательно высматривал все вокруг себя. Знакомый попросил Ивана Бойко подвезти этого незнакомца до Синевира (это село находится на пути в Колочаву). Купец согласился, и попутчик энергично запрыгнул на телегу и, утонув в мягких купеческих тюфяках, воскликнул:

— Ну, спасибо!

Поехали.

Из Волово-го до Колочавы километров двадцать пять, но дорога извилистая и неровная: ведет по крутому горному склону. Не зря часть этого пути прозвана в народе «тещиным языком».

«Незнакомец оказался очень словоохотливым человеком и

говорил с такой жадностью, будто только что освобожден из тюрьмы (на самом деле так оно и было), — докладывал свидетель: "Как мне повезло, что я встретил вас! — говорил попутчик восторженно. — Давно я не был в родном Синевире. Что там новенького?" "Да вроде бы все тихо", — отозвался Бойко.

"Скажите, это правда, что Шугай стал разбойником?" — снова спросил попутчик с улыбкой. "Ну, для кого-то он разбойник, для кого-то — цимбора*. Не зря бедные вдовы ставят свечи в церкви за его здоровье". "Ого! Свечи?! — воскликнул попутчик. — Вот уж точно, религия— опиум для народа. Это же религиозный фанатизм!.. Ох, уж эти хитрые попы! Забивают головы всякой чепухой! Обрабатывают даже образованных людей. У меня был знакомый, которого все считали очень умным человеком. И вот встречаю его недавно и слышу в его разговоре после каждого слова "Бог": "Бог поможет", "Бог накажет" и все такое. Я просто его не узнал! Таким активным коммунистом был, и вдруг!.. Кто бы мог подумать! Правда, ему пришлось посидеть в тюрьме за свои убеждения, но разве только ему? Прав был великий мыслитель Ницше, когда говорил: "Человек — это Бог, только человек является творцом себя и своей истории, но если он религиозен, то это делает его несвободным". Вот и этого товарища религия сделала очень зависимым. Лично я всегда ценил в себе внутреннюю свободу. После стольких невзгод, которые пришлось мне пережить, надеюсь только на себя. Поэтому я выжил, да и еще поживу!»

Первый свидетель закончил свой рассказ такими словами: «Этот коммунист показался мне человеком ученым, но когда он начал выступать против Бога!.. Эй, думаю, что-то у тебя не в порядке с головой. Больше я его не слушал».

Вторым свидетелем оказалась почтенная дама. Она считала своим долгом высказать собственную версию убийства. По ее мнению, между убитыми была драка, так как они были заклятыми врагами. Объясняла она это просто и доходчиво. Когда-то она жила в селе Подгорном с мужем и сыном. Сына звали Мирослав. Он учился в гимназии, дружил со многими ребятами, но восхищался только одним, Михайло Сятыней. Родители попросили Мирослава познакомить их с этим другом. Очень скоро сын радостно сообщил домашним, что «сегодня к нам придет Михайло, но он пожелал познакомиться с молодыми сельскими ребятами». Он попросил разрешения у родителей пригласить в дом кое-кого из

* Цимбора — товарищ (диал.).

молодежи. Те согласились. По соседству как раз и жил купец Иван Бойко с матерью и младшей сестрой. В то время он купцом, конечно, не был.

«В день приезда этого друга мой сын волновался как дитя, — со слезами на глазах вспоминала свидетельница. — Глядя на него, волновалась и я. Но, слава Богу, успела приготовить ужин, и все у нас получилось по-домашнему, как на хороших посиделках. Наш гость приехал уже с темнотой. Это был худощавый высокий паренек с русыми волосами. Глаза у него были маленькие, серые и какие-то колючие. Я подала на стол рулет с черносливом со словами "для вах, кто прійшов", и мы с мужем, оставив молодых людей, пошли к родственнице. В доме остались наш сын, гость и еще человек семь, в том числе сестра Ивана Бойко. Ближе к ночи, когда мы вернулись домой, все уже разошлись. Наш гость тоже ушел, гулял где-то всю ночь. Появился на рассвете и, немного вздремнув, уехал в город.

А через три месяца разразился скандал. Оказалось, что сестра Ивана Бойко в помянутый вечер отправилась гулять вместе с нашим гостем и провела с ним ночь на каком-то сеновале. Выяснилось это после того, как обнаружилась ее беременность.

Ой, какой позор был для девушки! Сказать страшно. Ее бедная мать рвала на себе волосы, кричала на сына, что не уберет от позора свою сестру, оставив наедине с прохвостом.

"Прохвоста" между тем успели исключить из гимназии, обвинив в коммунистической пропаганде, а вскоре он оказался в тюрьме.

Сестра Бойко родила девочку и вышла замуж за старого вдовца, а Иван женился в Колочае и стал купцом. Он часто говорил, что еще встретит этого "борца за счастье" и отомстит ему за позор своей семьи... »

Третьим свидетелем был молодой пастух. В день убийства он отправился в село за продуктами. Возвращался в колыбу* уже вечером и через перевал. Внезапный порыв ветра сорвал с него шляпу, забросив ее на старую ель. Как раз в это время повозка с будущими жертвами злодейства двигалась через перевал. Хорошо, что никто не заметил пастуха, а вот он-то, спрятавшись за дерево, видел все. «Телегу остановили трое мужчин в масках с винтовками в руках. Невысокий плотный мужчина (это был купец Иван Бойко) начал уговаривать разбойников, в то время как его спутник начал бить себя кулаком в грудь и что-то кричать. Затем

* Колыба — шалаш для пастухов (диал.).

обоих с поднятыми руками увели в сторону леса. Спустя какое-то время разбойники вернулись к повозке, уже без жертв.

— Все в порядке? — спросил один.

— Следы на дороге останутся, — ответил второй.

— Следы? — повторил кто-то из них. Они дружно подняли головы вверх и посмотрели на дождевые облака в небе.

— Будет дождь и смоем все следы, — раздался низкий мужской голос. — Поехали!

— Постой, что-то упало на дорогу. Видишь?

— Да то коцованя*.

— Забирай ее!

Один из них поднял с дороги белый плед из овечьей шерсти и бросил на повозку.

— Н-н-о-о! — кто-то сердито хлестнул лошадь, и банда скрылась за ближайшим поворотом.

— Вот так оно все и было», — заключил третий свидетель.

Капитан вышел во двор. Летний день близился к вечеру. Глядя на окружающие горы, Новак предложил предшественнику подняться на холм, чтобы посмотреть на село с высоты. Тот согласился.

С холма село смотрелось бедным и смиренным. В ряду маленьких домиков гордо высились дома сельских богачей. Рыжеватый молодой жандарм показал рукой на небольшой дом Петра Шугая и сказал, что семья разбойника всегда была бедной, Никола был старшим из детей, остальные — совсем маленькие. Мать Николы, еще нестарая женщина, родила недавно еще одного малыша. Во время румынской оккупации Никола женился. Молодую супругу Эржику он привел в дом своих родителей, но сразу начал строить собственный дом. Успел сделать три венца, когда пришла новая власть — чешская. Кто-то в селе шепнул новому начальству, что в селе живет дезертир, на совести которого два убитых жандарма. Когда пришли за Шугаем, он успел сбежать в Сухарский лес. С тех пор его ищут.

«Повезет ли мне? — размышлял Новак. — Поймаю ли я "деревенского хулигана" или вернусь в Прагу с позором?»

Капитан полной грудью вдохнул чистый горный воздух, будто изготовившись к бою. Вдруг почувствовав голод, он вспомнил, что в его дорожной сумке есть курица в омлете, ветчина и немного коньяка. Предложил молодому жандарму поужинать вместе. Тот не отказался.

* Коцованя — домотканый плед из овечьей шерсти (диал.).

III.

Эржика копала картошку около дома. Ее босые ноги утопали в земле, как в мягкой теплой перине, но спина устала. Молодая женщина поправила платок на голове, выпрямила спину и, подтянув корзину поближе, продолжила работать. Нужно было много успеть: нарвать зеленых стручков к завтрашнему обеду, приготовить ужин, накормить скотину, подоить корову...

И так каждый день: куры, гуси, уборка, прополка... Так устанешь, что вечером не можешь и помолиться как следует. Разве это хорошо? Так и жизнь пройдет, будто и не было ее вовсе.

Эржика часто об этом думала и даже однажды отца спросила:

—Стоило ли родиться на белый свет только для того, чтобы кормить скотину да работать в поте лица?

Он удивился, потом задумался и, наконец, пристально посмотрев на дочь, ответил:

—Только Богу все известно, дочка. Наше дело — верить Ему, молиться Ему и душу свою в чистоте держать.

«Легко сказать, — думает Эржика, — душу в чистоте держать».

Нет ответа на ее вопросы.

Катится к закату ласковое солнце, да поскрипывает в руках небольшая тяпка. Отец в это время ремонтирует во дворе перелаз, забивая в землю толстый столб. Тут-то и появился жандарм. Поравнявшись с хозяином, он поздоровался и завел разговор.

Эржика, глянув на них, продолжила свою работу. Не хочется смотреть в сторону жандармов. Глаза бы их не видели! Она обходит их стороной с тех пор, как они стали преследовать ее мужа — Николу Шугая. Когда она жила с родителями Николы, а сам он уже прятался в лесу, от этих жандармов никому не было покоя. Они приходили в их дом каждый день с обыском и до смерти надоевшим вопросом: «Где Никола?» Но близкие Шугая не только не хотели отвечать, но и не могли. Они сами точно не знали, где Никола. Никто не мог сказать, где он спал сегодня, а где заночует завтра. Жил в лесу, а лес как море, и Никола в нем как ветер.

Эржика вновь посмотрела в сторону двора. Этого жандарма она видит впервые. Среднего роста, плотного телосложения, лысоват. Видно, недавно приехал. И говорит с отцом, конечно, про убийство на перевале. Сейчас все об этом и говорят, и думают, что Никола — убийца!

Бедный Николка! Никто не знает, какой он хороший, как хочет жить нормально, как скучает в бегах по дому и жене. Недавно не выдержал, пробрался к ней ночью, хотя знал, что за ним следят.

Когда это было? Ах да. В позапрошлый четверг. Эржика тогда не спала, вышивала полотенце в своей каморке. Полная луна смотрела в окно, шумели деревья в саду. Вдруг послышались знакомые шаги под окном. Эржика вскочила открыть дверь. О, с какой радостью Никола обнял ее горячее тело!

—Николка, как ты пришел? — спросила шепотом.

—Через чужие огороды, рыбонько, через огороды!.. Тихо, милая, ничего не говори! — попросил он шепотом.

От его одежды исходили запахи бука, сосны, ели. Пару часов они были мужем и женой...

Ее голова лежала на его крепкой мужской руке. Они тихо шептались, целовались и прислушивались к ночным звукам: не дай бог, кто увидел, как Шугай ползет на животе через картофельные огороды от самого леса к дому тестя только для того, чтобы приласкать свою жену.

Все это в прошлом. Когда он появится снова — неизвестно.

Солнце скрылось за горами, а Эржика — в доме. Нужно приготовить ужин. Печка гудит, закипает каша. С улицы доносятся звуки колокольчиков — это пастухи гонят скотину обратно в село.

—Эржико! — громко крикнул маленький пастух Илько, глядя на окна ее дома. — Корову встречай!

Но Петро Драч, опередив дочь, уже встретил пастушка и повел корову в хлев. Эржика с бадейкой в руках вышла из дома, чтобы успеть подоить корову до наступления полной темноты.

Когда стало совсем темно, стихли людские голоса, а собаки начали лаять в дальнем конце села, Эржика подала ужин.

Ели молча, под мягкий стук деревянных ложек.

Во время трапезы нельзя разговаривать, а Эржике так хотелось расспросить отца, о чем тот разговаривал с жандармом.

Но вот отец поднялся, стал благоговейно на колени перед иконой Святой Богородицы и осенил себя крестным знамением: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь». Потом шепотом прочитал «Отче наш» и устало опустился на дубовую лавку.

—И что так долго вы говорили с жандармом? — ласково спросила Эржика.

—О погоде, о ценах, — нехотя отвечал отец, — а ты думала о чем?

—Думала, что про Николу, — призналась она. — Сейчас все

об этом говорят и все думают, что это он убил купцов на перевале. Жандармы, думаю, даже и не сомневаются.

— Ты опять про свое, — с легким упреком сказал Петро Драч. — Конечно, жандармы расспрашивают, но это их работа. А шила в мешке не утаишь. Когда-нибудь все раскроется и они найдут убийц. Тебе, Эржико, об этом переживать не надо.

— Я и не переживаю, но мне обидно, что все подозревают Николу, даже вы, — с обидой в голосе сказала Эржика. — А он не виноват! Не знаю, за что так Господь наказал его?

— Он сам себя наказал, дочка! Нарушил долг.

— Какой еще долг?

— Почему сбежал от военной службы? Он не имел права так поступать! — сердито сказал отец. — Теперь страдает? Как он страдает? Бродит по лесу целыми днями с ружьем? Ты думаешь, что это нормально, Эржико? Другой бы мужик на его месте с ума сошел от такой жизни!

Эржика отвернулась к печке, смахнула набежавшие слезы, потом убрала пустые миски со стола и, достав корзину с кукурузными сухими початками, взялась их чистить. Ох и зашуршали они в ее руках!

«Рассердилась, — подумал отец с любовью и жалостью к дочери. — И когда она разлюбит этого бандита? Господи, помоги честным людям поймать разбойника».

Он бережно взял в руки Евангелие, которое хранил за иконой Иисуса Христа, уселся за стол, пододвинув керосиновую лампу, и начал читать.

Эржика быстро справилась с работой и, пожелав отцу «спокойной ночи», ушла в свою каморку.

Эта комнатка еще недавно служила обыкновенной кладовкой. Но Петро Драч построил кладовку побольше, куда перенес все припасы. Эржика побелила стены и потолок в освободившейся старой кладовке и попросила отца вырубить в стене окно. Получилась небольшая комната. По ее желанию туда принесли деревянную кровать на высоких ножках. Отец смастерил новый дубовый стол, который Эржика украсила белой скатертью с вышитыми ярко-красными маками, а в углу нашлось место для сундука с одеждой. Окропив комнатку святой водой, молодая женщина возвращалась сюда вечером, чтобы остаться одной. Перед тем как помолиться и отойти ко сну, она обычно вышивала. Вот и сегодня взялась за уставки* к своей новой сорочке. Порой она прислушивалась, что там происходит за стенами комнатки,

* Уставки — вышитые вставки на рукаве женской блузки (диал.).

но даже тогда ее молодые пальчики ловко сновали иглой по льняному белому полотну.

За окном стояла тихая летняя ночь.

Утихли дневные страсти, а мысли бегут вдоль и поперек ее воспоминаний.

Эржика вспоминала собственную свадьбу. Ее отец не хотел этого замужества. Он не уважал Николу. Когда Шугай впервые прислал к Эржике сватов, Петро Драч отказал им. На следующий день в дверь его дома постучал сам Шугай.

— Добрый вечер, пане газдо! Добрый вечер, Эржико! — поздоровался Никола, снимая шапку. Стал у порога, поклонился, бросив взгляд на иконы, даже перекрестился. Никола знал, что другое поведение хозяин ему не простит: Петро Драч — человек верующий, даже поет в церкви.

— Добрый вечер! — с удивлением в голосе ответил хозяин. Он сразу догадался, о чем будет разговор. Посмотрел на дочку, которая застыла у печки от волнения, и попросил ласково:

— Эржико, оставь нас!

Эржика вышла.

— С чем пришел, добрый человек? — строго спросил хозяин.

— Знаю, что мой приход не радость для вас, — ответил Никола, — но любое дело требует завершения. Ведь так?

— Так, — согласился Драч.

— Вчера приходили к вам от меня сваты, а вы им отказали. Почему?

— Были причины.

— Какие?

— Ты не готов к семейной жизни.

— Почему не готов? — удивился Никола. — Я не злодей, не вор, а дезертиров теперь полно. Крестьяне поняли, что они для пана как скотина, быдло, и только! И я это понял. Защищать богачей с ружьем в руках я не хочу!

— А чего же ты хочешь?

— Жениться и нормально жить. У меня уже есть дерево на постройку дома.

— Вот и строй свой дом, пока на свободе.

— Что значит «пока на свободе»? — сердито спросил Никола.

— Все будет хорошо. Ведь сказал уже: не я один дезертир — время такое. Но теперь все в прошлом. У нас новая власть, и никому я не нужен.

— Ты ошибаешься: тебя еще привлекут к ответу. Ты подумал,

какая участь ждет твою жену, пока ты будешь прятаться в лесу?

Никола, сжав губы, молча смотрел в лицо Петра Драча.

— Кто будет пахать, сеять, косить, дрова рубить? — продолжал отец невесты. — Жена? Разве ты не знаешь, что это мужская работа и не принято у нас, чтобы женщина выполняла ее? Ты должен...

— Никому и ничего я не должен! — резко сказал Никола.

— А Марту Гафычову забыл? — разозлился и хозяин. — Она давно ждет от тебя сватов! Всем говорит, что ты ее жених.

— Брешет! — вспыхнул Никола. — Никогда я и не думал на ней жениться! И не вам судить, что было у меня с ней! Вы нам свечку не держали!

— Не держал. Это правда, но Марта — сирота, а ты задурил ей голову. Не боишься Божьей кары?

Молчание.

— Иди себе с Богом! — заключил хозяин и стал во весь рост, как бы давая понять, что гостю пора прощаться.

— Значит, не хотите отдавать за меня Эржiku? — спросил Никола со злостью в голосе.

— Не хочу! — отрезал Петро Драч.

— А если она сбежит со мной без вашего согласия? — спросил Никола.

— Сбежит?! — удивился хозяин. — С тобой? — на губах Драча появилась усмешка.

— Со мной! — с уверенностью в голосе повторил Никола.

— Эржико! — крикнул отец, открывая дверь в сени. — Заходи в дом!

Эржика вошла в горницу, потупив глаза.

— Дочка, слушай, Никола утверждает, что ты и бежать с ним готова! Что скажешь?

Она молчала.

Ее молчание испугало отца.

— Что скажешь? — строго спросил он.

Эржика подняла голову, посмотрела смело в лицо отца.

— Я люблю Николу, — тихо ответила ему.

— Эржико!.. — простонал отец.

Эржика оторвала глаза от вышивки. Сундук, стоящий напротив, напомнил ей о недавнем замужестве. Там лежали вещи со свадьбы.

Ой, совсем недавно это было. Будто вчера ходила она с подружками по селу, приглашая людей разделить радость.

Нарядно одетые, с красочными венками на голове, они заходили в каждый дом. Низко кланялись хозяевам и говорили:

— Родители наши и мы, молодые, приглашаем вас на нашу свадьбу!

— В Божий час! — отвечали им.

Эржика была веселая, светилось от счастья.

Наступил день венчания. Молодые пришли в церковь и, встав перед аналоем, долго молились, повторяли за священником слова клятвы, потом целовали деревянное распятие. Голову девушки украшал свадебный венец, унизанный жестяными блестками. Помолившись, священник связал руки Николы и Эржики белым рушником, будто соединил две их судьбы в одну.

Вернувшись из церкви в дом Николы, молодые исполнили просьбу пройти под двумя связанными караваями хлеба, а землю перед ними сеяли овсом да кропили святой водой, чтобы достаток был в их доме.

Началось веселье. Когда в доме стало тесно и душно, музыканты, отдохнув немного, вышли во двор. Заиграли на скрипках, в такт которым бил бубен, а гости танцевали: кто-то притопывал новыми ботинками, а кто-то сверкал босыми пятками...

Ближе к полуночи, когда свадьба была в разгаре, Николке шепнули, что уже пора накидывать на голову Эржики платок — знак замужней женщины. В ожидании этого Эржика впервые в тот день загрузила: теперь не пройтись ей на людях с непокрытой головой. Стали бросать ей платок на голову, но она дважды бросила его обратно. В третий раз к ней подошла мать Николы. Лицо у нее было грустное, как на похоронах. Тут-то подружки Эржики спрятали толстые косы невесты под платком, а свекровь туго обвязала его концы на ее голове.

Теперь все. Больше не будет ветер играть ее волосами, а так привычно было подставить голову солнцу и воздуху. Обычай ходить с покрытой головой казался Эржике нелепым, угнетал и пугал ее. Вздрыгнув всем телом, она горько зарыдала. Глядя на дочь, Петро Драч молча глотал слезы.

Подружка гладила ее по руке, успокаивала:

— Эржико, не плачь! Радуйся: ты уже жена!

— Перестань, Эржико, — шептал Никола, — подумают, что ты вышла замуж не по своей воле!

Она поправила рукой платок на голове и, смахнув слезы, притихла.

Далеко за полночь дружки проводили молодых в спальню, пожелав им доброй ночи. Никола и Эржика переделались в новые

льняные одежды, сели на кровать и замолчали. Было слышно, что на улице поднялся ветер, запахло грозой.

Эржика смотрела на широкую кровать и чувствовала, что у нее портится настроение: что будет сейчас?

— Эржико! — тихо шепнул Никола и протянул к ней руки. Она не отвечала. Он сел ближе и нежно привлек ее к себе.

IV.

Никола вышел из леса и юркнул в лесной перелесок. Остановился в тени старых елей. Они растут по кругу, тесно переплетаясь одна с другой своими лохматыми ветками, образуя посреди просторную поляну. Земля здесь мягкая, прелая.

Село с этого места видно как на ладони, и Никола, тоскуя по родным, хотел посмотреть на свою хату хоть издалека. Село далеко, и дома кажутся маленькими точками, но сегодня у Николы есть бинокль. Он подносит его к глазам и смотрит. Теперь домики стали больше и ближе и он может разглядеть любой из них. Он узнавал каждую крестьянскую хату и, конечно, еврейские лавчонки. Сначала направил взгляд на дом своего тестя — Петра Драча. Интересно, чем сейчас занимается Эржика? Вдруг он увидит ее во дворе дома или на огороде?

Нет, не видно любимой. Никола направил бинокль на домик родителей. Старые яблони закрывают всю переднюю стену хаты, но хорошо видна ее крыша из почерневших драниц*. Благодаря сухой солнечной погоде крыша кажется светло-серой, но осенью, когда пойдут косые морозящие дожди, драницы намокнут и почернеют, а со стороны сада на крыше станут застревать желтые листья, падающие со старых яблонь.

Здесь он родился и вырос. Зимой грел озябшие ноги на теплой печке, слушал, как плачет ветер в дымоходе. В доме было всегдалюдно, галдели дети, а зимой туда затаскивали на время козу или отелившегося теленка.

Когда Никола приходит в этот перелесок, то всегда вспоминает тот день, когда он, самовольно оставив службу, пришел в Колочаву пешком. В тот день он был рад тому, что преодолел трудную дорогу. По пути ему не раз снились чистая постель и горячий фасолевый суп. Теперь он дома! Так пело сердце в груди, а он стоял, как и сейчас, в тени старых елей, которые скрывали его от людских глаз, и не мог нарадоваться

* Драница — покрытие из досок для крыши домов (диал.).

тому, что видел. Синели зубчатые горы, обильно росли золотые подсолнухи в селе. Побегать бы, обнять мать, отца и младших братьев, а после сесть на дубовую лавку, освободив ноги от грязных, рваных ботинок, а потом выспаться, наконец, в чистой постели.

«Но что скажет отец, когда увидит меня? — думал тогда Никола. — Что ответить ему на вопрос, почему оставил армейскую службу? Что сказать, чтобы не доставить ему боль? Объяснить, как было на самом деле?» А было так: при любом удобном случае бойцы бежали, и не только славяне. Однажды удача улыбнулась и им с сослуживцем, который был родом из немцев. Оба они — из крестьянских семей, а пахать лучше, чем воевать. Сбежали вместе и разошлись в лесу в разные стороны. Но поймет ли Николу родной отец, простит ли сына? Может, и нет. Его отец и сам воевал во время Первой мировой войны. На фронте был тяжело ранен, поэтому он знает, что такое солдатские будни. Порой рассказывал о войне. В доме Шугая знали, что там солдаты умирали не только от пули, но и от малярии, тифа и других болезней. Отец вспоминал, как часто они голодали, как раненым приходилось лежать в грязном и рваном белье, а больные малярией обнаженными ждали, пока постирают их лохмотья.

Война была ненавистна простым солдатам. Ее солдаты — чехи, словаки, венгры, немцы, сербы — в большинстве своем были крестьянами. Их руки тосковали о плуге, а вынуждены были носить винтовку и убивать себе подобных. «Ради чего воюем?» — спрашивали они друг друга. И по обе стороны фронта летели вверх солдатские фуражки и звучали братские приветствия измученных войной солдат.

Война не кончалась. После поражения Австро-Венгрии на итальянском фронте началась стихийная и беспорядочная демобилизация. Она приобрела угрожающие размеры. Поезда, идущие в глубь страны, осаждались рвущимися домой голодными солдатами. Домой! Домой! Крыши, ступеньки вагонов и паровозов были усеяны людьми. На полях сражений оставались тысячи раненых. Их некому было подбирать и перевязывать: санитарные части также бросали фронт.

В лесах скрывались десятки тысяч солдат, ушедших с фронта. В их руках было оружие: винтовки, пулеметы и даже пушки. Деревенские жители охотно помогали беглецам, поэтому многие из них годами прятались в лесах.

Но отец Николы Шугая не сбежал. Он не стал дезертиром. Что скажет старый солдат своему сыну? Что скажут люди, когда

узнают, что Никола оставил службу? Конечно, рано или поздно все узнают всё, но пусть эта новость придет к ним попозже. «Пожалуй, лучше прийти домой, когда совсем стемнеет, — решил Никола в тот раз, — а пока можно отдохнуть прямо здесь, в перелеске».

Он спрятал винтовку под корнями старого бука, снял ботинки, лег, подложив руку под голову, и впервые за многие недели крепко заснул.

Горы, как добрые молчаливые великаны, охраняли его сон, только в кронах высоких буков тревожно гудел ветер...

. Шугай спал долго. Когда проснулся, уже стемнело.

Теплый ветер дарил ему запах дыма из печных труб, запах горячего хлеба. Это волновало и будоражило его воображение. Он хорошо представлял себе вечерние хлопоты в каждом доме: коровы пришли с пастбища, звеня колокольчиками. Слышны голоса пастушков. Хозяйки с деревянными бадейками в руках спешат в стайню*. Начинается вечерняя дойка: первые упругие струйки теплого молока брызнули на дно посуды...

Никола облизнул пересохшие губы: голод давал о себе знать...

Когда Колочава утонула в ночи, он побежал домой. Во дворе — никого. Шугай осторожно подошел к окну и тихо постучал.

Мать вышла на порог и, узнав его, ойкнула, а потом упала перенцу на грудь:

— Сынок!

— Тихо, не плачьте, мамо!

Он терпеливо ждал, когда мать успокоится.

— Отец дома? — спросил Никола тихо.

— Нет его. Уехал на мельницу. Зайдем домой, Николко!

— Нельзя мне домой!

— Почему? — удивилась она.

— Не хочу, чтобы дети меня видели: проболтаются.

— Ты сбежал, Николко? — дрогнул ее голос в темноте.

— Сбежал.

— Боже мой, боже!.. Что теперь будет? — она обняла его как ребенка, будто хотела защитить от опасности, и снова заплакала.

— Хватит плакать, не я один такой!

— Ой, Николо, не будет нам добра, — продолжала плакать мать.

— Хватит! Хватит, мамо!.. Я устал и очень голоден. Давай поднимусь на чердак, там переночую.

— Поднимись, Николко! Отдохни, сынок, наверху уже есть сухое сено, а я тебе скоро принесу что-нибудь поесть.

— Добре, мамо.

* Стайня — хлев (диал.).

Когда мать поднялась на чердак с глиняным кувшином молока и лепешкой кукурузного хлеба, Никола уже спал и не мог увидеть, услышать, как она тихо села рядом и с любовью стала вглядываться в смуглое лицо сына, как шептала молитву: «Господи Боже наш, помилуй нас, грешных!»

Слезы капали на сено и тут же исчезали между сухими стеблями.

V.

И вот опять стоит Никола в своем любимом перелеске, смотрит вниз на село. Самый большой дом — у старосты села Вольфа Менделя — белый, каменный, с просторным двором. По утрам служанка варила там черный кофе. Хозяин просыпался первым и, выпив чашку, уходил по делам.

Его жена просыпалась позже и предпочитала пить кофе со сливками, лежа в постели. Правда, своей любимой кровати с красивыми ажурными спинками она к этому времени лишилась. Во время крестьянского бунта в Колочаве сельские бабы, ворвавшись к старосте, изрубили топорами почти всю мебель в доме, не пощадив и ложа хозяйки дома. Теперь она привыкала к новому дивану.

У старосты было двое детей — сын и дочь. Сына назвали в честь отца — Вольфом. Он был старше Николы. Мендель-младший был в детстве очень слабым и щуплым ребенком, любил играть в одиночку и большую часть времени проводил на берегу шумной горной реки.

Никола вспомнил случай, который произошел однажды ранней весной. На земле только что растаял ноздреватый снег, появились ярко-желтые одуванчики, прогремели первые весенние грозы. Вольф-младший собирал камушки на противоположном от села берегу реки и был так увлечен своим занятием, что не заметил, как сгущаются тучи. Когда увидел, поспешил домой: его мать всегда требовала от детей, чтобы во время грозы они были в доме. Но по дороге нужно было перейти через узкий подвесной мост. Ступив на него, Вольф увидел на другой стороне моста Николу Шугая и немного оробел. Он чувствовал, что этот хулиганистый крестьянский мальчик не любит его.

Это было чистой правдой. Никола добежал до середины моста и так сильно раскачал его, что Вольф чуть было не упал в шумную речку, но успел схватиться за боковой трос, заменявший перила. Реке досталась лишь жестяная банка с камушками.

А Никола все продолжал раскачивать мост, глядя в лицо Менделя. —Боишься!? Боишься! Во, как вцепился! — торжествовал крестьянский мальчишка, глядя на барчука.

—Думаешь, тебя боюсь?

—Меня!

—Я первый вышел на лавку*, — крикнул Мендель, удивившись своей смелости, — и ты должен мне уступить дорогу.

—Тебе дорога? — закричал Никола. — Я не виноват, что ты воды боишься! Не буду уступать дорогу!

Сверкнула молния. Ударил гром. Вольф ждал, а Николке все нипочем. Стоит и продолжает своим гибким телом раскачивать мост.

—Что ты хочешь? — кричал Мендель. — Драться со мной?

—Что с тобой драться? Все равно не победишь! Ты же дохленький! — кричал Никола.

И тогда Вольф от возмущения сжал кулаки и, забыв о страхе, смело побежал по мостику, прямо на соперника. Но подраться они не успели, только сцепились друг в друга, как показался слуга старосты. Он бежал к ним, размахивая кулаками, и кричал на Николу:

—А ну-ка, оставь ребенка! Такой маленький, а уже бетярем растешь? Мало тебя отец дерет за уши? Я сейчас добавлю!

Но никого он не побил, а только схватил за руки Вольфа и поспешил с ним в село. Слуга торопился, зная, что хозяйка волнуется о том, что может случиться с ребенком в такую грозу.

Через какое-то время Менделя-младшего отправили за границу. Кажется, в Будапешт, а может быть в Австрию. Там он лечился и учился. Когда вернулся в Колочаву, трудно было узнать в нем прежнего Вольфа, так он подрос и возмужал.

Для Николы самым неприятным было то, что его собственные родители, простые крестьяне, уважали его врага. Однажды отец, придя из церкви, с порога начал:

—Если бы вы слышали, как хорошо читал сегодня в церкви Псалтырь Мендель-младший!

—Что ты все хвалишь этого Менделя? — рассердился Никола.

—А то, что он Псалтырь читает, ума набирается, а у тебя одни гулянки на уме, да еще и родителей не слушаешь! — сказал отец.

Никола ничего не ответил, а начал тихо насвистывать какую-то мелодию, хотя знал, что такой свист приводит отца в бешенство. Так случилось и на этот раз.

—Сколько раз тебе было сказано: дома не свистеть! — рассердился отец.

—Да это же кто-то на улице свистит, — пыталась пошутить мать, чтобы уберечь от ссоры мужа и сына.

—А ты помолчи! — махнул рукой отец. — Говорил я тебе, что своим заступничеством портишь его! Видишь, какой бестолковый

* Лавка — узкий подвесной мост (диал.) растет.

...Сейчас Никола думал так: «Ну, учился Вольф, коптел над книгами, а что толку? Он, конечно, грамотный, а значит, читает газеты. Видимо, не раз читал о том, что в Воловском районе хозяйничает Никола Шугай. Тот самый, который не сидел над книгами, а жил просто, как и положено крестьянскому сыну. Интересно, знает ли Мендель, что простые люди уважают и любят Николу Шугая? А кто не любит и не уважает — тот боится».

Видимо, слышал Вольф и о том, что богачи и наглые чиновники с опаской ездят через перевал: вдруг встретят их разбойники и один из них, стройный брюнет с черной повязкой на лице, произнесет: «Руки за голову! Я — Никола Шугай!»

Неожиданно послышались чьи-то шаги. Никола стал за дерево и увидел между деревьями фигуру полного мужчины. Присмотрелся, узнал: это был лесничий по имени Штефан.

Шел лесничий вальяжно, не спеша.

—Агой, пан лесничий! — Никола вышел на тропинку навстречу старику.

—Агой, Николка! — ответил на приветствие лесник.

—Напугали вы меня, пан Штефан! — улыбнулся Никола.

—Николко, разве ты из пугливых? — рассмеялся старик. Он знал, что Никола всегда рад встрече с ним.

— Я, пан Штефан, не из пугливых, но из осторожных. Шугай действительно был рад неожиданной встрече. Он с детства любил этого добродушного толстяка, за щекой которого почти всегда гуляла конфетка или какая-нибудь сладость. Вот и сейчас пан Штефан достал из кармана жестяную коробочку с леденцами и открыл ее пеструю крышку перед Николой.

— Угощайся, Николко! Бери! Бери! — приговаривал лесник весело и все оставшиеся в коробочке леденцы вытряхнул в руку Николы. — В лесу конфеты не растут, а так — бросишь в рот сладость, и жизнь кажется слаще.

—Дякую, пане! — Никола принял с поклоном угощение. — Честно скажу вам, я так рад, что вижу вас! Несколько дней не встречал людей, а тут вы. Приятно мне, честное слово! Что слышно в селе?

—Новости хочешь знать? — на лице Штефана появилось сосредоточенное выражение. — Что тебе такого приятного сказать? Сегодня утром Эржику видел. Она жива-здорова. Гусей выгоняла к речке. Что еще? Ах да, в Колочаву прибыло еще пятьдесят жандармов. Назначен и новый их начальник — капитан, из самой Праги приехал.

—С чего бы это? — удивился Никола.

—Разве не понимаешь? Все из-за убийства на перевале! Жандармы приехали, и сразу начались в селе обыски да поиски не знамо чего. Говорят, жена покойного купца Ивана Бойко доложила

жандармам, что вместе с товаром пропал плед из овечьей шерсти, которым пан Бойко прикрывал ноги, когда ездил на ярмарку.

— Ну и что?

— Не знаю, теперь ищут в селе этот плед... Так говорят. Люди-то сами ничего не понимают: один что-то услышит краем уха, второй добавит, а третьему уже есть что сказать.

Потом пан Штефан пожаловался на начальство. Говорил о том, что не болит у чиновников душа за лес, за живое дерево, за будущее лесного богатства.

Никола молча слушал и кивал.

— Ну, я пошел, — спохватился с улыбкой лесничий, — забалагурился с тобой, а дел у меня еще выше крыши.

— До свидания, пан Штефан!

— Агой! — сказал лесничий.

Он уже пошел своей дорогой, но вдруг резко повернулся:

— Да, забыл тебе, Николо, сказать еще одну новость.

— Какую?

— Сына нашего старосты, Вольфа Менделя, назначили судьей в Воловом.

— Неужели?!

— Да, да, — кивнул головой старик, — стал судьей! Выучился, смотри-ка! Такой был слабенкий и хилый, а сейчас. Видел бы ты его! Солидный мужчина. Судить нас теперь будет.

Ушел лесничий. Стихли его шаги, снова наступила тишина.

Последняя новость особенно огорчила Николу. «Снова этот Мендель! — с возмущением подумал он. — Теперь он уничтожит меня, если попаду в его руки... Но уж нет! Не дамся так просто. Пусть не думает, что я его испугался. Фигу вам, богачи несчастные! . Н о почему мне не все равно, как живет Вольф Мендель? Почему?!»

VI.

Агафья, жена Василя Дербака, собиралась на сельский сход. Собиралась одна: муж и сын работали на сенокосе уже третий день. Там и ночевали.

Она одна осталась на хозяйстве, одна со своими мыслями. Подумать есть о чем. Главная мысль — что случилось с ее мужем? Почему приходит домой далеко за полночь? Она долго была уверена в том, что ее Василь нашел себе другую женщину. Даже обратилась к гадалке, которая сразу сделала выводы: «А как же! Пришла в дом беда: какая-то злодейка подвернулась мужику под руку — но я для чего? Я-то помогу! Для начала хорошо бы найти яйца ящерицы — очень помогают для присушки неверным мужьям».

Сказала так, будто эти яйца в любой лавке как соль лежат. Агафья только тяжело вздохнула. Гадалка, прочитав на ее широком нескладном лице недоумение, тут же успокоила ее: «Не переживайте. У меня есть заначка на такой случай».

Хотя эта ворожея была слишком молодой и практиковала сравнительно недавно, Агафье очень хотелось ей верить. Самое главное, можно было поделиться своими переживаниями. Она поведала, что уже два месяца ее Василь уходит поздно вечером неизвестно куда, а возвращается на рассвете. Рассказала чистосердечно о своих сомнениях, но почему-то промолчала про ту памятную ночь, когда совершилось страшное убийство на перевале.

Агафья тогда долго не могла уснуть, ночь была дождливой и тянулась до бесконечности. Вместе с бессонницей и пришла непонятная тревога. Женщина лежала и прислушивалась к каждому шороху. Далеко за полночь послышались под окнами знакомые шаги. «Василь!» — Агафья вскочила с теплой постели и прижалась лицом к окну. Да, это был Василь. Но почему-то он отправился в сарай, а не домой. Но хорошо, что хоть пришел.

Она вернулась снова в теплую постель и легла, дожидаясь мужа. Хозяин тихо вошел в дом и осторожно лег рядом с ней. Агафья молчала, не спрашивая ни о чем, но так и не заснула до первых петухов. Не спал и муж. Она слышала, как долго он еще ворочался. «Что-то его мучает, — думала она. — Мучится он, бедный мой Василько, но я еще больше, потому что ничего не знаю. Придется снова пойти к гадалке».

И пошла. Та учтиво выслушала ее и дала ей узелок со снадобьем. Агафья хорошо заплатила за ее работу и вернулась домой с надеждой на скорое семейное счастье.

Ну а сегодня, по совету ворожеи, она сварила с утра компот из яблок и, остудив его, перелила в глиняный кувшин. Потом разбавила в этом компоте какие-то маленькие сухие шарики величиной с горох, которые должны были посеять в сердце Василя любовь к жене. Нашептав над кувшином нужные слова, Агафья поставила его на окно (хорошо, что дома никого нет, никто не отвлекает, не смотрит). Кувшин с напитком готов.

Осталось сделать только еще одно дело: заговоренное гадалкой яйцо нужно закопать в землю где-то в саду.

Агафья направилась в сарай за лопатой. Лопаты на своем месте не было. Куда делась? Она прошла в глубь сарая, а точнее, в небольшую его пристройку, которую Василь сделал для сухого сена. Теперь эта пристройка была почти пустой. В ее углу лежал небольшой ворох сена, а под ним какие-то новые доски, которых Агафья раньше

не видела. Она подошла к ним ближе и, приподняв одну из них, увидела яму в земляном полу. «Тайник?» — мелькнула у нее мысль.

Женщина испугалась, но любопытство взяло верх. Она откинула доски в сторону и увидела перед собой неглубокую яму, где обнаружила коричневый чемодан и простой холщовый мешок. Агафья подняла чемодан и открыла его. Там было четыре бутылки вина, отрезки шелка, шерсти, сатина и даже нижнее женское белье. Она осторожно взяла в руки женскую ночную рубашку с красивыми оборками и задержала в своих руках: шелковая нежная ткань приятно скользнула по ее руке, будто ласкала ее огрубевшую кожу. Такую одежду она никогда не носила. Откуда все это? Чьи это вещи? Кто принес их сюда — Василь или Адам? Сейчас все говорят о национализации. Может быть, Василя попросили препятать это добро до лучших времен?

Женщина, теряясь в догадках, сложила вещи обратно в чемодан и, закрыв его, поставила на место. Потом развязала холщовый мешок, в котором была одна-единственная вещь: белый плед ручной работы из овечьей шерсти. На белом фоне длинной ворсистой ткани красиво смотрелись черно-красные ромбики. Края пледа украшала цепочка таких же мелких цветных ромбиков из шерстяных цветных ниток. Только в одном углу пледа было большое пятно уже высохшей личной грязи.

«Файна соцованя*, — подумала Агафья с тревогой. — Откуда все это? Вдруг это ворованное?» Женщина испуганно перекрестилась и завязала мешок.

В этот момент во дворе послышался мужской свист. Агафья посмотрела в широкую щель в стене сарая. Во дворе стоял стройный молодой человек в белой крестьянской рубахе. На узкой талии — широкий кожаный ремень. Волосы у него были черные и длинные до плеч... Да это же Никола Шугай!

Агафья наспех закрыла яму охапкой сена и вышла во двор навстречу гостю.

— Слава Иисусу Христу, Агафья! — поздоровался Никола с легким поклоном.

— Слава навеки! — ответила хозяйка и посмотрела по сторонам, нет ли посторонних глаз. — Тебя никто не видел, Николо? — спросила и его.

— Никто, не бойтесь! Где Василь? — спросил Шугай.

— На сенокосе он, вместе с Адамом. Придут послезавтра. Зайдем в хату — чего здесь светиться? — пригласила она Николу в свой добротный дом.

Вошли в просторную комнату.

—Николо, ты голоден, думаю я, — Агафья посмотрела гостю в лицо, и в ее светло-карих глазах он прочитал то ли доброту, то ли жалость. — Ты подожди меня, а я выйду в камору** да принесу для тебя кусок сала.

— Не откажусь, конечно!

Остался Никола один в светелке, поискал глазами ведро с водой — хотелось пить. И тут на глаза ему попался глиняный кувшин с приворотом. Он взял его в руки и прямо из кувшина напился досыта.

Вошла Агафья с большим куском сала в руках. Увидела кувшин в руках Николы.

— Ой, Николко, что ты сделал? — вскрикнула она. — Почему не дождался меня, не спросил?

— Пробачте!*** — виновато улыбнулся Никола. — Так пить хотел, не мог удержаться. Но я думаю, что вам не жалко?

— Нет, нет! Пей на здоровье, но...

— Раз уж нет хозяина — пойду я. Скажите мне только, есть новости в селе?

— Сельский сход собирают, — отвечала хозяйка. — Приехал в село новый капитан, хочет с людьми поговорить.

— Пусть говорит, а я пойду! Спасибо за все, Агафья. Василю скажите, что я приходил, что очень мне надо с ним поговорить!

Никола направился к дверям.

— Все передам, передам, Николко! Сало возьми, да еще хлеба сейчас. — она достала паляницу хлеба, белого, мягкого, душистого. — Возьми, пригодится!

— Еще как! Спасибо, Агафья! — Никола поклонился и ушел.

Женщина заглянула в кувшин, он был почти пустым. «Что теперь будет? — запричитала она. — Покарал меня Бог за эти воровки!.. Прости меня, Господи! Но все равно дело надо довести до конца да закопать в землю это заговоренное яйцо, а то, упаси Господи, кто-нибудь съест! Где же эта лопата?»

Она вышла во двор и увидела у своих ворот трех жандармов.

«Ну и везучий этот Никола!» — подумалось Агафье.

* Файна коцованя — красивый плед (диал.). ** Камора — кладовая (диал.). *** Пробачте — извините (укр.).

VII.

Да, вовремя ушел Никола из дома Василя Дербака. Он добежал до лесистого холма и остановился за старой раскидистой лещиной. Оттуда было видно, как во двор Дербака заходят жандармы. Один из них, как показалось Николке, пристально посмотрел на то место, где стоял Шугай, второй — осматривал дом и пристройки, а третьего что-то заинтересовало в углу двора.

«Правду говорил лесничий-чех, — подумал Шугай, — жандармы работают. Они будут рыскать в каждом дворе до тех пор, пока чего-нибудь не найдут».

Все жители в Колочаве находились сейчас под присмотром жандармерии, в том числе и друг Николы Василь Дербак. «Но ведь можно было сообщить мне об этом, — подумал Шугай. — Был между нами твердый уговор: раз в неделю, в понедельник, в условленном месте будет для меня весточка. Но где же она? Сколько времени прошло, а друзья молчат».

Шугай постоянно думал о том, что происходит в селе. Как живет Эржика? Как его родители? Вот и сегодня он не выдержал, сам наведалься. Накануне он, как ему казалось, неплохо продумал эту вылазку. Дом Василя стоит на возвышенности, дорога в село хорошо просматривается. Если возникнет опасность — можно успеть скрыться в лесу, а там — поминай как звали, около каждого дерева жандарма не поставишь. Не рассчитал только, что хозяина не окажется дома, что в одиночку он проглядит появление полиции. «Но все равно мне повезло! Главное — я свободен! — подумал Никола. — В сегодняшней удаче был уверен с самого утра, по-моему и вышло. А теперь — бежать».

Настроение улучшилось, и Шугай, насвистывая свою любимую коломыйку, отправился дальше:

*Ой, т'ду я у катуни,
Люба моя мати, Кому
будеш от'вноч/Двер/
в/дмикати?..*

Никола поднимался на полонину. Там, далеко в лесу, у него есть землянка, а в ней кое-какие вещи и съестные припасы. Но это так, на всякий случай. В землянке он не живет, не любит спать под землей, не любит жить как земляной крот, должен видеть небо и солнце, чтобы не затосковать. Бывает так, что приходится ночевать и под деревом, но приятнее всего спать в обороте*.

Вот придет он скоро к месту ночлега и с помощью длинного шеста легко поднимется на самую макушку стога, под крышу. Сделает там

«нору» и упадет в сухое сено. В обороте как в натопленной горнице. Тепло разливается по всему телу, и можно долго смотреть на ночное небо, на яркие звезды, слушать лесную тишину, которую изредка нарушает крик совы. Ветерок доносит до ночлега далекий запах дыма. Никола долго будет думать о своей молодой жизни и мучиться какими-то сомнениями, о которых днем даже не вспомнит.

Скорей бы дойти до безопасного места. Почему-то хочется полежать. Откуда такая тяжесть во всем теле? Ноги не слушаются, и голова тяжелая. Никола присел. Отдохнул. Поднявшись, закинул торбинку** с хлебом и салом на плечо, пошел дальше. Неожиданно закружилась голова и сильный приступ тошноты заставил его остановиться. Он снова отдохнул в надежде, что вот-вот ему станет легче и можно будет продолжить путь. Когда поднялся, понял, что сил не прибавилось: «Что за напасть? Похоже, отравился. Однажды со мной такое уже было. Но сегодня с чего? Утром съел кусок черствого хлеба и запил его родниковой водой... Ах да. потом был компот у Агафьи. Ну и что, компот как компот. Что же делать? В землянке нет никакого лекарства, и до оборота еще далеко. В село бы сейчас, но об этом нельзя даже думать. И что теперь? Умирать? Есть, правда, недалеко отсюда один хутор — Зворец. Может, туда пойти?

Хутор был затерян в горах, и люди из села всегда удивлялись обитателям Зворца, смотрели на них с некоторым любопытством. Почему эти чудачки живут на отшибе? Конечно, они так же пахнут землю, сеют зерно, держат скот, ходят в церковь и в лавку, но дается им все это намного труднее.

Николе же сейчас существование Зворца пришлось очень кстати. Главное дойти, а там пусть попробуют не приютить его!

Он заставил себя подняться и пошел вперед. До хутора добрался уже к ночи, когда хозяйева накормили скотину и заперлись на засовы, но в окнах еще горел свет.

Никола подошел к ближайшему от леса дому и слабо постучал в дверь.

— Кто там? — послышался мужской голос.

Никола молчал: ответить не было сил. Он ждал, когда кто-нибудь выйдет за порог и увидит его.

И правда, открылась тяжелая дверь, откуда пахнуло тушеной капустой и укропом. Появился рослый крепыш, похоже сам хозяин, с любопытством взгляделся в лицо Шугая и спросил настороженно:

— Кто ты?

— Никола Шугай, — послышалось в ответ.

Хозяин молчал. Он с недоверием смотрел на молодого человека,

* Оборот — стог сена с деревянной крышей наверху (диал.).

** Торбинка — пастушья сумка из домотканого полотна (диал.).

который опустился на порог дома, обеими руками держась за живот.

— Что молчишь, газдо? Я — Никола Шугай! Или не знаешь такого?

— Как же!.. Наслышаны! — со злой иронией в голосе ответил хозяин и строго спросил: — Зачем пришел?

— Заболел я... Пустите хоть переночевать.

Хозяин медлил с ответом, и Никола, преодолевая боль, яростно прошептал сквозь зубы:

— Если не поможешь — спалю весь Зворец. Места живого не останется!

— Чего пугать сразу?.. Что мы, не люди? Или боимся пустить в дом человека? Давай держись за мое плечо, пойдем в дом, — смягчился хозяин.

Они вошли в просторную комнату. Ярко горела керосиновая лампа на столе. За столом сидели две женщины с шитьем в руках.

Увидев незнакомца, они с удивлением подняли головы. Вытянутые тени от их фигур боязливо дрогнули на стене.

— Що ся стало, Михайле? — спросила та, которая была постарше, видимо его жена.

— Не спрашивай, Евко!.. Помоги уложить в постель больного человека!

— Добре! — ответила она. Бросив шитье, подбежала к кровати, что-то поправила на ней, хлопнула по подушке:

— Сюда!

Когда Никола упал на кровать, она сняла его обувь и укрыла тонким одеялом.

— У него горячка, — сказал хозяин. — Я поеду привезу сейчас врача, а вы никому ничего не говорите. Никто не должен его видеть, никто не должен о нем знать! Поняли? — строго спросил он.

— Все буде добре, — ответила ему жена.

VIII.

В первую ночь, проведенную в Колочаве, капитану спалось очень хорошо, вот только под утро, перед самым пробуждением, ему приснился странный сон.

Увидел он покойного уже прадеда — Вашека, который лично явился в Колочавскую жандармерию и, став у порога, сказал:

— Иди ко мне, я научу тебя делать хорошую лучину. Она будет светить очень долго.

— Зачем мне лучина? — удивился капитан. — Я люблю электричество!

— Электричество — это темнота! — отвечал старик. — Ты посмотри сюда, на деда! — попросил он ласково и, чтобы показать работу налицо, взял в руки топор, низко согнулся над маленьким чурбанчиком и начал расщеплять его на длинные щепки... Закукарекал петух...

Проснулся капитан, открыл глаза:

«Вот это да! Вот это сон! Да такой явственный!.. Кажется, дед Вашек только что был здесь».

Капитан вспомнил столярную мастерскую прадеда, где на полу всегда валялась свежая стружка. Старик выглядел точно так, каким запомнил его капитан при жизни: маленькие пронизательные глаза, до плеч свисают длинные седые волосы, смазанные жиром. Даже запах пота, кажется, почувствовал. Капитан задумался. «Зачем приходил давно умерший старик? Что хотел сказать? Он сказал, что принес мне лучину, а лучина — это свет.

И что теперь — я должен научиться разгадывать сны? С каких это пор я стал верить снам?» — рассердился на себя капитан.

Он встал с постели, распахнул окно и полной грудью вдохнул утреннюю свежесть.

Село уже проснулось. В соседнем доме женщина поднимала воду из колодца. Маленький полусонный пастушок с торбинкой на плече лениво плелся за резвой темно-коричневой коровой, на шее которой звенел колокольчик. В горах кто-то играл на сопилке*... Слышался гогот гусей, которые через пустырь спешили к речке.

Проснулись и жандармы. Они выскочили во двор, начали брызгать друг друга холодной водой и громко смеяться. День начался.

IX.

На сельский сход жители Колочавы собирались во дворе школы. Люди стекались небольшими группами, оживленно переговариваясь. Издали людская толпа напоминала разноцветный ковер.

Молодые крестьянки были одеты в белые домотканые сорочки, на рукавах которых пестрели вышитые уставки. На женщинах были темные юбки с повязанными на них спереди катранами**. Обуты они были в постолы***. Замужние шли в платках. Мужчины надели узкие полотняные гачи**** и сорочки, подпоясанные широкими кожаными ремнями. На голове — кресани*****, иногда украшенные павлиньими перышками.

Люди догадывались, о чем пойдет речь, и, когда на крыльце жандармерии появился капитан с помощниками, все притихли.

Франта Новак, примерившись, поднялся на ступеньку выше и, посмотрев на толпу, почему-то повторил слова своего пражского шефа.

— Уважаемые панове! — обратился он к притихшей толпе. — Идет двадцатый век, Европа слушает Штрауса, идет невероятный расцвет литературы, искусства, а здесь, почти в центре Европы, орудует шайка разбойников!

Люди слушали внимательно, и капитан решил перейти к существу дела:

— Я скажу вам прямо. Никола Шугай — наша общая с вами беда. Он позорит ваш край, ваше село, мешая честным людям спокойно жить и работать. Сегодня хотелось бы послушать каждого из вас на этот счет.

— Этот разбойник забыл Бога! — писклявым голосом крикнула старушка в центре толпы. — Как может нормальный христианин выйти на дорогу и грабить людей?! Это безбожник!

— Во всем виноваты коммунисты, — категорично заявил рослый мужик с короткой бородой. — Это они, безбожники, подстрекают молодых людей на бунт и непослушание!

— Слушай, Федор, — возразил ему густым басом коренастый мужик, — никто бы не слушал этих коммунистов, если бы не наша бедность. Наша бедность...

— Иван, ты утопишь всех в словах и ничего толком не скажешь, — прервал его еще один мужик, стоявший в первом ряду. — Дело в том, что Никола так распустился, что его боятся и простые люди. Я не уверен, что он остановится перед тем, чтобы отнять последние деньги. А вы знаете, как трудно нам все дается? Мы работаем в поте лица, не иначе, а разбойник приложит винтовку к твоей голове и — давай выкладывай все, что есть. Так убили людей на перевале. Не хотели отдать деньги — отдали жизнь!

— Говорят, что их убили топором! Но не мог Никола убить топором людей, как диких кабанов! — заступился чей-то женский голос.

— Не мог, не мог! — поддержал другой женский голос в центре толпы. — Никола бедным помогает!

— Помогает бедным?! — переспросил мужик из первого ряда, выразив удивление всем своим широким лицом. — Неужели только бедным? У него друзья не очень бедные! Еще неизвестно, кому сколько перепадает!

* Сопилка — пастушья свирель (диал.).

** Катран — передник, составная часть национальной одежды (диал.).

*** Постолы — легкая обувь из кожи (диал.). **** Гачи — мужские брюки из домотканого полотна (диал.).

***** Кресаня — мужская шляпа (диал.).

—Шугай не убийца! — послышался звонкий голос. Это сказала молодая женщина лет двадцати пяти с большими голубыми глазами и ярко-красными губами. На ней были васильковая камазолька*, белая сорочка и черный катран.

Капитан задержал на ней свой взгляд: она напомнила ему Ружену, его вторую жену, с которой он был в разводе.

— Пан капитан, это Марта Гафычова, бывшая любовница Шугая, — шепнул капитану его помощник. — Говорят, что он не хотел на ней жениться, а вот, сами видите, защищает его!

—Что вы так на меня смотрите? — с возмущением спросила Марта очень высокого и худого мужика, стоящего напротив. — Я не разбойница и никого не ограбила! Моя камора не ломится от всякого добра. Живу, как все бедные люди.

— В камору, милая, добро само не залетает, — крикнула какая-то старушка. (По ее взгляду было видно, что не любит она Марту.) — В камору, — продолжала она, — надо что-то положить да сберечь. С неба ничего не падает тем, кто только в зеркало посмотрится да брови красит...

Толпа гудела: вот-вот вспыхнет скандал.

—Прошу тишины, панове! — громко крикнул капитан в толпу.

Притихли все.

— Спасибо всем, кто пришел сегодня к нам! Благодаря вам мы поняли главное: вы хотите спокойной жизни и не одобряете разбойничьих действий кого бы то ни было. В дальнейшем мы будем работать с каждым из вас по отдельности. Думаю, что мы объединим наши усилия против всякого рода беззакония! Напоминаю, что убиты два человека. Жандармерия обязательно найдет преступников! Запомните еще: кто будет помогать бандитам, того будем судить как сообщника! У меня все.

Люди стали расходиться по домам. Но еще долго по дороге домой о чем-то говорили, энергично жестикулируя.

Х.

В пятницу с утра Петро Драч ремонтировал свой амбар. К вечеру работу закончил. Убрал инструменты в деревянный сундучок с железной ручкой, произнес вслух: «Слава Тебе, Господи!» — как говорил всегда, когда удавалось совершить задуманное, — и сел на деревянную скамейку, что стояла во дворе. Теперь можно было немного отдохнуть.

* Камазолька — короткая безрукавка (диал.).

Завтра, в субботу, у его соседа-еврея — молитвенный день, а потому нежеже поблизости его дома стучать топором, забивать гвозди и пилить доски. Пусть люди спокойно пообщаются с Господом.

Послезавтра будет воскресенье. Этот день Петро Драч посвящает Богу. С утра натошак он прочитает утренние молитвы, а после, нарядно одевшись, пойдет в церковь. Уже много лет он поет на воскресной литургии. «Вы еще не устали петь?» — спросила его однажды женщина, посмотрев на него как на человека, которому приходится много лет выполнять какую-то однообразную скучную повинность.

Прости ее, Господи, но если бы она знала, с каким счастливым волнением он поет на литургии, когда душа твоя взлетает к Богу. Что это за светлая радость — церковное пение! Ее можно сравнить только с большой любовью.

Земную любовь он познал — взаимную, нежную и заботливую. Любил он только свою жену. Все годы, прожитые с ней, были счастьем.

Боже, как давно это было... В молодости Петро был похож на беспечно веселого цыгана: черные как смоль волосы, а на смуглом лице светились темные веселые глаза.

Дом свой Драч построил еще до женитьбы. Жил ожиданием семейной жизни и уже тогда был счастлив, что вот-вот придет его молодая жена, станет хозяйкой этого дома, а потому все должно быть красивым и добротным.

После Покрова они обвенчались.

Осень была холодной, стыла земля от осенних заморозков, оголились деревья, а для Петра не было милее погоды, чем эти холодные дни: новый дом радовал чистотой и теплом, молодая жена — вниманием и лаской, а ночь дарила сладкую радость любви. Через год родилась Эржика. И потекли дни за днями, год за годом. И пролетели они быстро, как один день.

Жена очень любила и его, и дочку. Любила этот дом. Весной сажала под окнами цветы и подсолнухи. Умерла от воспаления легких, сгорев быстро, как свечка. Эржике было всего десять лет, когда она осиротела.

День был на исходе. Солнце еще бросало ярко-огненные лучи в вершины далеких синих гор, а в долине и в ущельях уже стояли сумерки. Тихий южный ветерок, похожий на нежное прикосновение женских рук, ласкал грустное лицо Петра. Он закрыл глаза, прислушался к окружающим звукам: лай собак, детские голоса, скрип ведер у колодца...

Будто ничего не изменилось. Но не было рядом его милой жены. Осталась в сердце только тоска. «Господи Милосердный! Помилуй мя, грешного, и прости меня за уныние! Знаю, что это грех! — он вытер

непошенные слезы. — Опустел мой дом без моей милой хозяйшкн, опустел весь мир без нее! Внновен я перед ней: не уследил за дочерью. Она вышла замуж за разбойника. Господи, настави ее на путь заповедей Твоих, меня, грешного, помилуй!»

XI.

После сельского схода капитан пригласил в кабинет ефрейтора Богумила.

Вошел молодой человек среднего роста очень приятной наружности. Плотнo сжатые тонкие губы и строгий подбородок придавали лицу строгость. Умный взгляд серых глаз вызывал доверие. Жандармская форма эффектно оттеняла его светло-русые волосы.

— Скажите мне, ефрейтор, вы давно в Колочаве?

— Три недели, пан капитан!

— Вы уже, видимо, многих знаете в селе?

— Да, конечно.

— Семью Шугая тоже знаете?

— Знаю.

— Что скажете о них?

— Как вы знаете, Никола в бегах, а его жена, Эржика, теперь живет у своего отца, Петра Драча. Дом их стоит в центре села, недалеко от нас. Петро Драч — человек набожный и довольно зажиточный. Вдовец. Его жена умерла, когда Эржика была еще девочкой. Петро растил ее один и не хотел выдавать замуж за Николу Шугая...

— Ну, это знают все, — перебил его капитан.

— Скажите мне, пожалуйста, у вас есть невеста? — спросил капитан после долгой паузы.

— Невесты у меня нет.

— Вот это правильно, — одобрительно сказал капитан и постучал кончиками пальцев по столу. — Это хорошо, очень хорошо. Ну а кто, по-твоему, Никола Шугай? Какой он из себя?

— Никола? — начал медленно Богумил, видимо подбирая слова. — Никола, конечно, дезертир. Думаю, что сбежал по глупости. Многим сходило с рук, вот и надеялся он, что все обойдется. Мне много рассказывали о нем здесь, в Колочаве. Говорят, что рос хулиганистым парнем, безо всякой причины ненавидел богатых людей. У местного богача Менделя есть сын Вольф. Говорят, они частенько дрались.

— Я думаю, — твердо сказал капитан, — что Никола — деревенский хулиган! Вы не согласны со мной? Извольте узнать почему?

* Бойки — этническая общность славян, проживающих в Карпатах.

— Как мы знаем, много лет этот край был в составе Австро-Венгрии. Здесь хозяйничали капиталистические кланы Телеки, Шенборны, Перени и другие, а бойки* не были хозяевами на своей земле, поэтому...

— Стоп! — рассердился капитан. — И это говорит чешский жандарм?! Еще немного, и вы мне будете рассказывать, какой геройский парень этот Никола Шугай! Я же вам сказал, что он обычный деревенский хулиган! Так что не будем сочинять легенды про опрышков! Тоже мне — Робин Гуд! Советую и вам запомнить, что Никола — дезертир и грабитель. Вы забыли, ефрейтор, что он уже убил двоих жандармов? Можно мне, конечно, возразить, что это было в целях самообороны. Но это еще надо доказать!

Вы, ефрейтор, похоже, симпатизируете ему. Это просто смешно. Слышал, что история и этнография — ваши любимые предметы, но прошу вас не забывать, что вы на службе. Запомните — в первую очередь служба, а потом уже ваше собственное хобби. Что касается Шугая, я думаю, что этот парень стал жертвой революционной заразы. Эти бредовые идеи сеют коммунисты. Зараза пришла из России. Я помню, как известие о победе революции в России было встречено рабочими заводов в Австро-Венгрии. Рабочие поддерживали революцию.

Богумил внимательно слушал начальника, хотя прекрасно знал об этих событиях.

Знал, что победа революции в далекой России была встречена с радостью даже в правящих кругах Австро-Венгрии. Они надеялись, что революция ослабит военную силу России и центральным державам удастся навязать ей сепаратный мир. Только позже стало понятно, что русская революция влияет на трудящихся других стран. Рабочие стремились теперь не к победе войне, а к тому, чтобы последовать примеру русских. Австрийским властям пришлось принимать ответные меры.

— Рабочие фабрик и заводов восторженно встретили революцию, — продолжал капитан. — Это была настоящая зараза. Вы знаете, что на фронтах коммунисты-агитаторы достигли больших успехов. Многие крестьяне поддались их влиянию. И если бы вы знали, как меняется крестьянин после того, как побратается с солдатами врага! А я знаю! Видел своими глазами! Эти люди, вернувшись в родное село, не просто выпендриваются перед односельчанами, но считают себя спасителями и вождями народных масс. Показательный случай был в селе Великие Лучки (это на Мукачивщине). Как-то раз там начался стихийный крестьянский бунт: видите ли, крестьяне решили распределить между собой панскую землю. Вначале они просто шумели, галдели, но ничего не предпринимали по существу. Просто

«выпускали пар». Все бы обошлось, но, к несчастью, между ними оказался революционно настроенный солдат Иван Габовда. Он стал подстрекать мужиков на противозаконные действия, а потом поднял толпу на разбой. Крестьяне даже захватили земли графа Шенборна, но ненадолго: полиция подросла вовремя и навела порядок. Восставших жестоко покарала, а их предводителя казнили... Вот вам и бунтарство! Как видите, это дело добром не кончается. Итак, продолжим наш разговор.

— Слушаю, пан капитан!

— С женой Шугая вы знакомы?

— Так, издалека.

— Познакомьтесь поближе. С сегодняшнего дня будете вести за ней наблюдение. Держитесь осторожно: бабенка молодая и, говорят, любит мужа. Все поняли? Тогда действуйте, ефрейтор!

После ухода Богумила капитан подумал, что есть смысл побеседовать с Мартой. Говорят, она любила Шугая. Вдруг что-нибудь полезное скажет. Да и отчего не познакомиться с такой очаровательной молодой женщиной?

Он распорядился, чтобы Марту вызвали в жандармерию.

XII.

Марта была приглашена в жандармерию во второй половине дня. Предстоящая встреча с капитаном взволновала ее. Этот лысеющий крепкий мужчина в жандармской форме с первого взгляда вызвал доверие у нее. Сегодня они впервые поговорят наедине.

Конечно, капитану шепнули, что она — первая возлюбленная Николы Шугая, и он хочет побольше узнать про Николу. Но Марта все равно верила, что капитан приглашает ее потому, что она ему понравилась, а Шугай лишь повод. Молодая женщина была уверена, что, когда жандарм увидит ее поближе, она понравится ему еще больше. Ему было на что посмотреть: у нее упругое молодое тело, белая кожа, волосы, как лен, крепкие ровные ноги, глаза ясные, как небо.

Марта собиралась на встречу очень тщательно. С утра помыла волосы ромашковым настоем, высушила и расчесала их. Был только полдень, и она в ожидании встречи решила не заниматься прополкой на огороде, а взяла в руки вышивку и села с ней у окна. Взгляд упал на двор Петра Драча.

Марта увидела, как Эржика вышла из дома с большой корзиной в руках и, повесив веревку между двух яблонь, начала развешивать влажную одежду. Странно, именно сейчас Марта не испытывала к соседке никакой ревности. Наоборот, даже пожалела ее. «Бедная

Эржика! — подумала она. — Нет и ей покоя из-за этого бетяра». Это раньше, когда Никола только женился на ней, ой как страдала Марта. Но сейчас все прошло. Может быть, Марта еще будет благодарна судьбе за то, что Шугай отвернулся от нее.

«Вот уже кое-что меняется», — подумала Марта, вспомнив о капитане.

После часа-другого, проведенных за вышивкой, она начала собираться в жандармерию. Еще раз посмотрелась в небольшое старое зеркало и стала протирать лицо холодной водой до тех пор, пока не появился румянец на щеках. Подхватив с печки уголек, она заострила его ножом и аккуратно подвела брови. Губы подрумянила свежей свеклой. И лишь тогда, оставшись довольной собой, не спеша отправилась на деловую встречу.

Дежурный жандармского поста вежливо проводил Марту в кабинет шефа.

Увидев ее на пороге, капитан резко встал, галантно поздоровался, жестом широкой ладони показав на стул:

—Пани Марта, садитесь, прошу вас!

Сам он тоже уселся, не спуская глаз с Марты.

—Дякую, пан капитан! — ответила она весело. Еще бы: Марта видела, как строго капитан разговаривал с мужиками, но с ней он — сама любезность.

Какое-то время они молчали, глядя друг на друга.

Женщина дружелюбно и откровенно смотрела на капитана. Он был хорошо сложен, с приятным лицом, и только лысеющий затылок выдавал его возраст. Для Марты это не имело значения, капитан ей нравился все больше.

Новак испытывал те же чувства. Как он уже заметил раньше, Марта своей внешностью напоминала ему бывшую жену — Ружену. Ту самую, которую так ненавидел его взрослый сын Мирек, рожденный от первого брака. Женитьбу на молодой женщине он не простил отцу до сих пор. А как же иначе? Свою покойную мать сын уважал больше, чем живого отца, которого назвал «hlupak»* за то, что тот решил снова жениться. Но капитан был так влюблен, что это не остановило его.

Первое время он был счастлив: вставал пораньше, чтобы успеть до ухода на работу приготовить завтрак молодой жене. Потом приносил еду на второй этаж, в спальню, и будил жену, ласково шепча:

—Дорогая, я принес тебе завтрак.

Она нехотя открывала глаза, зевала или с наслаждением

* Hlupak — глупец (чеш.).

потягивалась. Короткая пижама обнажала ее красивый животик, который он нежно целовал.

— Милый, — щурила она сонные глаза, — а пирожное ты забыл?

Он вскакивал и бежал на кухню, чтобы исправить оплошность. Когда возвращался, ей уже хотелось холодной ветчины. Но муж с радостью угождал любимым капризам.

Через три месяца все произошло как в анекдоте. Темной октябрьской ночью капитан вернулся домой из трехдневной командировки. Чтобы не беспокоить супругу, он отпустил машину далеко от дома и пошел пешком, предвкушая радостную встречу.

Тихо открыл входную дверь и на цыпочках поднялся в спальню. Еще на лестнице он услышал смех Ружены и незнакомый мужской голос, а приоткрыв дверь в комнату, увидел на полу женское нижнее белье и мужские брюки.

Мысли о прошлом уже не тревожили капитана. Сейчас он с улыбкой вспоминал свою женитьбу и сам себя называл тем словом, которое однажды сын бросил ему в лицо: «Нипрак!» Конечно, он был дураком. Например, с уверенностью утверждал, что «старый конь борозды не испортит» и все такое. Но второй раз он не попадет на этот крючок. Молодые женщины выходят за мужчин старше себя не по любви, а чтобы кататься как сыр в масле, да еще заводят для полноты жизни молодых любовников.

А капитан знает, что ему нужно от жизни: чистый дом, свежий кофе по утрам, вкусные кнедлики, отбивная с пивом и хорошая хозяйка в доме. Такая, как Божена. К тому же она женщина бездетная и все тепло своей души будет отдавать ему, капитану, да разве что еще своей маленькой собачке. Вечерами он сможет посидеть часок-другой в кафе «У Флеков», а потом возвращаться домой, где его будет ждать прекрасный ужин. Да, мать была права. Ему нужно жениться на Божене.

Одно плохо: рядом с Боженой он ощущал себя стариком. Это портило ему настроение, и тогда Новаку хотелось бежать от нее. Впрочем, разве это причина отказаться от такой женщины?

«Милая Божена, — подумал капитан сейчас с нежностью. — Впрочем, куда она денется, Божена?»

Сейчас он в командировке, далеко от Праги. К черту возраст! Так хочется понравиться женщине молодой и красивой, такой, как эта девушка. У нее нежный взгляд и глаза, как синие озера. Как приятно смотреть на нее!..

За окном кабинета догорал летний день, закат играл огненным

заревом, из окна дул теплый ласковый ветерок. Можно бы и расслабиться капитану после трудного дня, глотнуть коньяку, прикоснуться к женской руке, но.

— Побеседуем, пани Марта. — сказал он, и на его лице появляется серьезное выражение.

— Спрашивайте, пан капитан!

— Пани Марта, имейте в виду, что я — жандарм. Если мои вопросы вам не понравятся — прошу не обижаться.

— Хорошо, — пообещала она.

— Пани Марта, вы хорошо знаете Николу Шугая? Марта подумала немного, вздохнула и ответила:

— Пан капитан, когда-то Никола любил меня. Это было так давно, что уже неправда. В таком селе, как наша Колочава, очень много сплетен, — она вопросительно посмотрела на капитана. — Может быть, вам уже все о нас рассказали?

— Что вы, что вы! Я не слушаю сплетен!.. Меня интересуют только факты, — успокоил ее капитан.

«Что сказать капитану?» — задумалась Марта.

То, что она была любовницей Шугая, — он уже знает. Но сплетники могли нашептать жандарму, в какой семье она родилась. Хотя и семья-то не было. Но разве она, Марта, виновата в том, что ее мать — женщина одинокая, которая (Царство ей Небесное!) открывала дверь всем тем, кто желал немедленной любви? Так что Марта даже не знает, кто ее отец, и привыкла ловить на себе неодобрительные взгляды. А одна баба вообще не выдержала и закричала в ее сторону: «Яблоко от яблони недалеко падает!»

Детские годы Марты — незаживающая рана. В доме не было еды, а мать приходила пьяной и, упав на кровать, засыпала. Еще хуже было, когда она затягивала пьяным голосом свою любимую коломыйку:

*Напилам-ся паленочки, Любку, не
ганьби-ня, Взьми мене пот'д-
ручку, Спати поведи-ня. Ой, до
дому поведи-ня, Поклади — ня
спати. С/дай, любку, коло мене —
Будем ф/гельовати.*

Ночью, бывало, кто-то тихо стучал в окно. Если мать не спала, она выскакивала на улицу, а Марта, оставаясь одна, прятала

голову в какие-то старые тряпки и старалась поскорее заснуть.

Особенно не любила она осень, когда деревья сбрасывали листья и стояли после этого голые и черные, напоминая каких-то чудовищ. В доме было голодно, на улице холодно. Темнела озябшая в ожидании снега земля, моросил холодный дождь. Марта мечтала об одном — скорее вырасти.

—Пани Марта, — мягко продолжил беседу капитан, — если Никола был влюблен и нравился вам, почему вы не поженились?

—Потому, пан капитан, что одних любят, а на других женятся. Так получилось и со мной. Никола взял в жены Эржику.

Капитан ненадолго задумался.

—Вы давно живете без родителей, пани Марта? Расскажите мне немного о своей жизни, если хотите, конечно.

—Спасибо, что спрашиваете. Хочу рассказать, пан капитан, очень хочу, потому что моя жизнь здесь никому не интересна. В нашем селе думают, что каждый человек на виду и все о нем знаешь. Но это не так. Никто не знает, что у соседа на душе. Когда умерла мама, моя тетка, жившая в соседнем селе, взяла меня к себе. Но у нее уже были свои дети. Пятеро. Сами понимаете, я была там чужой и в пятнадцать лет вернулась в Колочаву. Побелила свою старую хатку и стала наниматься к людям на любую работу, лишь бы дали кусок хлеба. Скажу вам честно, пан капитан, не знала я в то время, как опасно молодой девушке жить одной. Тогда-то и появился в моей жизни Никола Шугай. Я надеялась, что он женится на мне, потому что в селе люди осуждают парня, который обидит сироту и не возьмет ее в жены, — Марта вдруг почувствовала волнение, ей стало так жалко себя, что она заплакала.

—Что вы, что вы, пани Марта! — капитан вскочил с места, налил из графина стакан воды и подал его женщине. — Простите, что я потревожил ваши чувства, пани Марта! Значит, неправду говорят, что Никола вам до сих пор помогает вещами и деньгами?

—Неправда, неправда! — ответила Марта, вытирая ладонью слезы. — Ничего он мне не дарил, кроме полевых цветов... Правда, однажды кто-то подбросил мне пятьсот крон в дверную щель. Думаю, что подбросили ночью, потому что я нашла их утром. Но я не уверена, что это Никола.

—Почему вы не уверены, что это был Шугай?

—Зачем ему деньгами бросаться? Он женатый человек!

—Припомните, пожалуйста, когда это было?

—Это было три недели тому назад, — ответила Марта.

— А купюры были старые или новые? — спросил капитан.

— Купюры были старые и мятые.

— Может быть, Никола все-таки хотел вам помочь?

— Не знаю, что он думал, но бабам я нарочно похвасталась, что Никола мне подбросил деньги. Я даже сказала, что несколько тысяч.

— Зачем? — удивился капитан.

— Знаете, пан капитан, мне было очень стыдно, что парень бросил меня. Будто я уродина какая-то. Конечно, если бы у меня были родители или братья, то заступились бы... А так, что я ему сделаю? Правда, когда в селе узнали, что он отказался жениться на мне, собрались сельские парни и побили его. Но это не помогло.

— Вы любите Николу до сих пор?

— Как вам сказать? Никола женат на моей бывшей подруге. Я его не люблю, но видеть их вместе мне очень неприятно, — честно призналась Марта.

— Я вас понимаю! — кивнул головой капитан. — Но со временем это пройдет, поверьте мне!

Они замолчали. Наступила та глубокая тишина, которая сблизила их.

— Самое грустное, — вздохнул капитан, — что здесь некому оценить вашу красоту, а женская красота — все равно что быстрая вода. Пройдет несколько лет, и вы будете замечать, что мужчины все меньше смотрят на вас. Пока, пани Марта, вы молоды и красивы, устройте свою жизнь! Еще непоздно это сделать! На меня не обижайтесь за то, что так откровенно говорю, но я очень хочу, чтобы у вас все было хорошо.

— Спасибо, пан капитан, но как я могу здесь устроить свою жизнь? Вы на что-то намекаете? — Марта посмотрела жандарму в глаза.

— Вы знаете, что тот, кто поможет жандармерии в поимке Шугая, получит хорошее вознаграждение?

— Слышала.

— Стоит вам только шепнуть несколько слов, где Никола будет, например, сегодня ночевать или куда собирается идти, — и вы получите такую сумму денег, что сможете сразу купить себе новый дом.

Марта задумалась.

— Пани Марта, — продолжал капитан, — подумайте сами, кто для вас сейчас Никола Шугай? Между прочим, вчерашняя любовь легко переходит в открытую вражду. Очень часто мужчины ненавидят своих прежних подруг. Подумайте об этом. Любите ли

вы настолько Шугая, чтобы портить себе жизнь из-за него? Вы согласны со мной? — он ласково ей улыбнулся.

— Согласна, — ответила она.

— Я не буду торопить вас с ответом, обдумайте все, как следует. Если будет что сказать — сразу ко мне! Вас-то я приму с особым удовольствием! — улыбнулся он.

Бывает же так, что встретишь незнакомого человека, поговоришь с ним, в глаза его посмотришь, и сердце вдруг встрепенется от непонятной радости, и родится какая-то надежда, а жизнь покажется светлой и радостной. Так случилось и с Мартой после того, как она побеседовала с капитаном наедине. Все время, пока капитан был рядом, Марта чувствовала себя как за каменной стеной. Ей было спокойно и приятно с этим человеком.

Она вернулась домой с уверенностью, что понравилась ему. Образ капитана занял главное место в ее воображении. Марта все чаще задумывалась о своей судьбе, о будущем.

В одну из ночей, в полнолуние, Марте все не спалось. Постель у нее была горячая, горячие руки, горячие губы. Все тело изнывало от жажды горячих поцелуев, тосковало по сильным мужским объятиям. Ой, капитана бы сюда! Но разве можно ей мечтать о таком муже? Он знает о ее любви к Шугаю. Только в чем вина Марты? Разве не хотела она любить всю жизнь только Николу? Разве не хотела быть ему верной женой? Только теперь девушка поняла, что чистая, искренняя любовь отпугивает мужчину. Как она любила Николу, как хотела всю жизнь ему принадлежать, а он вдруг сказал: «Зачем на тебе жениться, если ты так быстро ноги раздвинула?» Обидели ее эти слова, обожгли ее бедное сердце, но, увы, прав был Никола. Теперь она твердо знает: мужчине нужна женщина неприступная, как крепость, как горная скала, как вершина Говерлы. Но как сделать, чтобы капитан полюбил ее, чтобы поверил в ее порядочность, убедился, что Марта может быть хорошей и верной женой? Нужно, чтобы он почаще видел ее то за стиркой, то за любой другой работой. А главное — убедился в ее неприступности. Так она решила, и решила твердо, как ей казалось.

XIII.

Солнечным утром Никола проснулся в чужом доме. Давно не спал он на чистой постели. На раскаленной печке в черном чугушке булькала картошка. Никола был один в доме. Где домочадцы? Тихо. Прислушался к себе: кажется, выздоровел, осталась лишь небольшая слабость, но это пройдет. Пока никого нет, надо одеться. Одежда лежала рядом с кроватью, на дубовой лавке.

Встав с постели, Шугай оделся и сел ближе к столу, рассматривая чужую хату. Стены ровно побелены, дубовые скамейки вдоль стен накрыты чистыми половиками, на деревянной полочке — чистая посуда. И все это пронизано ярким солнечным светом. Приятно жить в таком милом и опрятном доме. Видать, хозяйка — очень аккуратная женщина. Даже уходить не хочется! На стене с правой стороны висели иконы Богородицы и Иисуса Христа. Образа были украшены белыми вышитыми рушниками и пучками вербовых веток. Солнечный луч играл на их почках. Вербы напоминали Николе родной дом и то время, когда он был еще ребенком и ни от кого не прятался.

Вспомнилась Пасха. Всегда приход Пасхи в доме начинался с Вербного воскресенья, когда семья после службы в церкви дружно возвращалась домой. Зайдя в хату, мать ласково обращалась к детям: «Постште хвилинку! Треба вас побити прутиками, щоб ви були слухняними и чемними!» Дети нарочито визжали, а она слегка хлопала каждого по отдельности и приговаривала: «Недалечко красне ячко! За тиждень уже Велик День!»

Пасха... Велик День. Задолго до этого праздника в доме рассказывали, как много лет тому назад ходил по земле Христос, как Иуда предал своего Учителя и почему в Чистый Четверг нужно везде в доме прибраться и помыться самому.

Готовились к празднику заранее. Задолго до Чистого Четверга по селу распространялся запах свежей побелки. Чистоту наводили везде: в домах, во дворах, в хлеву.

В один из таких дней, когда Никола проходил мимо дома Петра Драча, он и увидел Эржику, которая, низко согнувшись, подметала двор. Работала она очень увлеченно. Две тугие черные косы вздрагивали от ее энергичных телодвижений.

— Слава Иисусу Христу! — поклонился Никола девушке.

— Слава навеки! — отвечала она, оторвавшись от работы. Никола остановился как вкопанный и стал откровенно рассматривать Эржику.

Почувствовав его взгляд, она выпрямилась во весь рост, ловко поправила широкую юбку, которая была спереди заткнута за пояс, открывая ее стройные ноги, и спросила строго:

— Чего смотришь?! Ты поздоровался — я ответила. Теперь иди своей дорогой!

— Хочу спросить, придешь ли ты в Пасху на луг?

— Тебе это зачем?

— Будем играть крашанками*, — ответил он.

— Не знаю, но ты мне работать мешаешь! Уходи! — Эржика снова стала подметать, но Никола заметил, как она покраснела. Парню это так пришло по душе, что он рассмеялся.

* Крашанка — пасхальное яйцо (укр.).

— Не гони меня, а то не посватаю! — сказал он весело.

— Я за тебя и не пойду! — ответила девушка. — Пряткий очень!

На Пасху любое село в Подкарпатской Руси напоминает цветной ковер, только выткан он живыми цветами и нарядными людьми. Ранним утром небольшими ручейками стекаются к церкви жители окрестных селений. Они несут в руках корзины, прикрытые нарядными салфетками или вышитыми полотенцами. В корзинах лежат пасхальные куличи, домашняя колбаса, сало, пасхальные яйца, сыр, вино, яблоки. Чаще всего идут семьями, небольшими кучками, при встрече с односельчанами радостно приветствуют друг друга:

— Христос воскрес!

— Воистину воскрес!

Утро ясное, теплое. Хорошо кругом: бьют церковные колокола, и плывет серебряный звон над весенней землей, над зазеленевшими лугами.

В церкви идет молитва, потом будет освящение куличей.

— Христос воскрес! — слышится в чистом солнечном воздухе торжественный голос священника, и капли святой воды падают на праздничную снедь, на горящие свечи, на радостные лица.

— Воистину воскрес! — отвечает людская толпа. Все расходятся по домам разговеться.

После обеда сельская молодежь выходит на зеленый луг.

Так было и в тот раз. Парни и девушки собрались вместе, расхваливая свои крашанки, хотя все пасхальные яйца были покрашены одинаково — луковой шелухой. Вдруг кто-то крикнул:

— Смотрите, кто идет!

Все посмотрели на тропинку и увидели молодого человека в темно-сером костюме и белой рубашке.

— Да это же Вольф Мендель! — произнес Игнат своим басом. Да, это был он. Веселый, красивый, он подошел к молодежи и поздоровался:

— Христос воскрес!

— Воистину! — громче всех ответили девушки.

— Ну что, будем крашанками играть? — спросил Вольф.

— Будем! — бойко ответила Эржика и с готовностью потерла в руках пасхальное яйцо.

— Эржико! — строго обратился к ней Никола.

— Что случилось, Николо? — спросила она. — Если хочешь играть — присоединяйся к нам!

Никола замолчал.

Вольф задержал на Эржике доброжелательный взгляд. Нет, он не был влюблен в Эржика, он просто хотел понять, в чем секрет ее

обаяния. Как ему показалось, оно таилось в ее темных глубоких глазах. Они манили к себе, притягивали, завораживали.

—Что так вылупился на Эржику? — грубо спросил его Никола.

—Давно ее не видел!

—Ну и что? Нечего на нее смотреть? Ты иди к своим панянкам! Там тебе место, — сердито говорил Шугай. — Или приехал развлечься? Хочешь сельских девушек портить?.. Тоже мне, фраер*.

На какое-то время все замолчали.

—Кого это я испортил? — Вольф прищурил глаза и посмотрел каждой девушке в лицо: — Девушки, признавайтесь!

Девушки только молча улыбались.

—Говорите, не стесняйтесь! Если кого-то испортил — сразу женюсь!

Одна из них громко прыснула от смеха, прикрыв рот широким рукавом нарядной сорочки, а после нее засмеялись все.

— Эржико, он готов на тебя надеть чадру! — сказал Вольф. Слово «чадра» Никола слышал впервые, и это незнание, да еще в глазах образованного Менделя, привело его в бешенство.

— Что ты сказал?! — Никола вплотную подошел к Вольфу и тут же схватил Менделя за грудки.

Началась потасовка. Девушки стояли, ойкали, вздыхали. Парни быстро растащили драчунов по разным сторонам. Земля была влажная. Никола поскользнулся на сырой земле, увлекая за собой Вольфа. Оба упали на землю, испачкались, особенно пострадала белая рубашка Вольфа. Девушки бросились к Менделю, чтобы почистить его костюм, а Шугаю никто не стал помогать. Даже Эржика.

...В сенях послышались чьи-то шаги. Вошла худощавая женщина с охапкой дров. Хозяйка. Сейчас Никола вспомнил, что часто видел ее в селе, улыбнулся и поздоровался:

—Добрый ранок!

—Добрый ранок! — ответила женщина приветливо, с любопытством посмотрев гостю в лицо.

—Как здоровье?

—Как видите, здоров. Жду хозяев, чтобы поблагодарить. Вы простите, что напугал вас своим приходом. Сами понимаете, кругом лес, а вы ближе всех оказались.

Хозяйка сложила дрова под печкой и сказала:

—Ты и на мужа не держи зла. На днях он был в Колочаве, на сельском сходе. Пришел домой и рассказал нам обо всем. Одним словом, Никола, — тяжело вздохнула она, — очень ищут тебя жандармы. Говорят, что в селе обыски в каждом доме. Людей зовут на

допросы. Главный жандарм так сказал: «Кто станет помогать Шугаю — того будем судить очень строго».

Только мы поговорили об этом, как ты появился. Конечно, муж испугался за нас, но он же потом и поехал ночью за врачом.

—Врач приходил сюда? — удивился Никола и только сейчас увидел на подоконнике маленькие аптечные бутылочки. — Что он сказал?

—Сказал, что у тебя отравление от какой-то еды. Оставил микстуру, — она кивнула в сторону окна, — надо ее выпить, чтобы долечиться. Я сейчас дам тебе ложку, — продолжала она и, отодвинув чугунок на край печи, взяла деревянную ложку и осторожно налила в нее микстуру:

—Выпей, Николо, и не болей больше, а то Эржика переживать будет.

—Да, будет, — улыбнулся он и принял лекарство.

—Я была в церкви, когда ты венчался с Эржикой. Была... Видела... а Эржика, боже мой, как голубка, такая молодая, такая красивая... Не дождала ее мать до вашей свадьбы, не увидела свою дочку под венцом, — голос женщины дрогнул, но она продолжила: — Я заплакала тогда.

—Почему женщины так часто плачут на свадьбе? — спросил Никола.

—Как не плакать? Не знаешь, что тебе уготовано судьбой, не знаешь, как сложится жизнь с мужем. Как могла твоя жена знать, что не дадут тебе покоя эти жандармы?

В дом вошла девушка-подросток и, посмотрев на Шугая, тихо поздоровалась:

—Слава Иисусу Христу!

—Навеки слава! — ответил Никола, улыбнувшись. Хозяйка заметила его улыбку и нахмурилась: очевидно, ей это не понравилось.

—Иди, Маричко, на чердак, сними чистую одежду для детей, — сказала она дочери.

—Одежду, которая нам завтра нужна будет в церковь пойти?

—Да, да.

—Она еще не высохла. Только вчера стирали.

—Не перечь матери! Иди и посмотри сначала, что там высохло, а что нет, потом будешь говорить! — строго заметила хозяйка.

—Иду, иду! — девушка вышла.

—Какой сегодня день? — спросил Никола.

—Суббота! Сам знаешь, в субботу всегда полно работы, чтобы в Святое воскресенье уже не гневить Господа.

Пришел хозяин. Никола поднялся ему навстречу. Поздоровались за руки.

— Как самочувствие? — спросил крестьянин.

— Уже хорошо, — ответил Никола. — Попрощаться хочу и отблагодарить вас, — Шугай достал из кармана пятьсот крон и протянул их хозяину.

— Что ты, что ты?! Ничего не надо, — замахал мужчина руками.

— Возьмите, а то обижусь!

— Ничего не надо!

Никола незаметно оставил кроны на подоконнике под стеклянной банкой.

Тем временем хозяйка подала на стол завтрак: горячую кукурузную кашу, соленые огурцы и вареную картошку.

— Садись, Николо, за стол и покушай!

— Не откажусь! — ответил Шугай.

Ел он быстро и жадно. Потом вздохнул и, посмотрев на хозяйку, произнес:

— Красно дякую!* Давно не кушал я такой свежий токан**!

— На здоровье! — вежливо ответила хозяйка.

— Видите, как я набросился на еду? — стал оправдываться Никола. — Одичал немного — сам знаю. Вы меня простите!.. А теперь пойду я. Оставляйтесь с Богом!

Ушел он сразу в горы, в свои любимые Карпаты. Постоял на вершине горы, оглядевшись. Этот лесной океан внизу — его дом, а сам он только его частица. Только здесь Никола по настоящему счастлив. Только здесь не просто свобода, здесь — ВОЛЯ.

Он больше не будет болеть, потому что его лекарство — пьянящий горный воздух, целебные источники и чистые лесные дары.

XIV.

День начинался густым туманом, который таял на глазах, открывая голубой купол чистого неба. Все обещало погожий летний день.

Никола сидел на лесной опушке, поджидая младшего брата. Обычно Юра приходил сюда по средам. С утра.

Шугай всматривался в глазок бинокля, наблюдая за тропинкой, ведущей из леса в село. Он нервничал. Что происходит? Смотришь на

* Дякую — спасибо (диал.).

** Токан — кукурузная каша с молоком (диал.).

село, — кажется, все в порядке, а что на самом деле — неизвестно. Это неведение приводило беглеца в бешенство.

Солнце взошло высоко, еще немного — и наступит полдень, а Юрки все еще не было.

Наконец на нижней поляне появился человек. Это брат. Никола узнал его по долговязой фигуре, стремительной походке, худым рукам, свисающим вдоль туловища. Издалека казалось, что Юрка совсем не смотрит по сторонам, но Никола знал, что зеленые глаза брата при одном взгляде на любой предмет запоминают его до мельчайших подробностей.

Шугай расхаживал по поляне взад-вперед до тех пор, пока не услышал два коротких свистка. Это был условный знак. Значит, за Юркой нет «хвоста», и Никола может выйти смело ему навстречу.

Братья встретились. Обменялись рукопожатиями.

— Иди за мной! — весело сказал Никола. Юра молча пошел следом: для него старший брат много значил. Это понимали все соседи, знали все домашние. Юрка не скрывал своего восхищения перед смелостью Николы, размышляя так: «Разве трусливый солдат оставит военную службу? Никогда в жизни! А Никола сбежал, потому что он смелый!» Для него дезертирство брата было почти геройством. Он гордился Николой и старался во всем подражать ему.

И вот они идут рядом. Никола не скрывает своей радости. Он проводит Юру под тот самый бук, под которым недавно сам сидел.

— Давай, братишка, сядем, поговорим! — он сел на землю и показал брату на место рядом с собой.

Юра сел и сразу начал развязывать небольшую торбу, которую принес на спине.

— Ты голодный, Николо? — спросил он брата.

— А то! Но сперва рассказывай!

— Новости хочешь услышать?

— Хочу!

— Так слушай. Жандармы ходили по селу, все подряд обыскивали. Говорят, в одном доме нашли большой тайник с целой кучей всякого добра, — Юра прищурил свои зеленые глаза и хитро посмотрел на брата.

— Да ну! — удивился Никола. — Чей это дом?

— Тайник нашли в доме Василя Дербака.

— И что там было?

— Точно никто не знает. Говорят люди, что нашли золото.

— Золото? У Василя? — удивлялся Никола. — Дербак, конечно, человек зажиточный, но я не верю, что у него есть золотой тайник. Ну и что сделали жандармы?

—Арестовали Василя.

—Арестовали?.. Его увезли из Колочавы?

—Да нет, тут сидит, в жандармерии, — равнодушно ответил младший брат. Он извлек из торбы три лепешки домашнего хлеба и зеленый лук.

—А что это за вещи нашли у Дербака? — поинтересовался Никола.

Юрка взял в руку лепешку и впился в ее сухой край крепкими большими зубами:

—Давай перекусим сперва, я умираю с голода.

—Давай! — согласился Никола и принялся за зеленый лук, который захрустел у него во рту. Не успел Юрка прожевать свою корку хлеба, брат задал ему новый вопрос:

—Как дома?

—Дома? — переспросил Юра. — Дома все нормально, дома уже пусто.

—Да что ты такое говоришь? — рассердился Никола. — Типун тебе на язык!

Он перестал жевать, внимательно посмотрел в глаза младшему брату.

—Рассказывай, Юрко, все подряд! Что дома случилось?

—Ничего особенного. Мама с детьми ушла в горы, к пастухам. Пока тепло, она будет там поварихой, а ближе к зиме вернется домой.

—С чего бы это она просто так оставила дом? — удивился Никола.

—С чего бы? — в голосе брата чувствовался легкий упрек. — Потому что от жандармов не было покоя! Каждый день приходили домой, замучили обысками и допросами. Какой-то жандарм даже побил отца! Ему показалось, что отец обманывает власти и где-то прячет тебя. Сколько можно терпеть?!

Замолчали братья. Юра продолжал жевать, а Никола, отстранив от себя еду, задумался.

В небе плыли беззаботные перистые облака. Глядя на них, он думал о матери. Он четко представил себе картину, как она с грудным ребенком на руках медленно поднимается в горы. Малыши постарше держатся за ее юбку, а самый старший из них ведет на веревке корову... Боже мой! И все это произошло вчера!

—А что отец?! — воскликнул он.

—Отец в Румынию сбежал, — спокойно ответил Юра.

—Как это «сбежал»? Когда? — удивился Никола.

—В тот день, когда в Колочаву прибыл новый капитан из Праги.

Вот это да! Никола расстроился не на шутку. Самое противное, что все случилось по его вине! Если бы не дезертирство Николы, никто бы не преследовал ни его, ни его семью. Все было бы мирно и спокойно. Кажется, впервые Никола осознал свою ошибку, и чувство глубокой вины обожгло его. «Дурак я! Какой же я дурак!» — воскликнул он и ударил себя по лбу.

— Ты чего? — удивился Юрка, который уже вытряхивал остатки еды из своей торбы.

— Ничего! — ответил со вздохом Никола. Он прилег на землю, подложив руку под голову, и снова замолчал...

Тишину летнего дня нарушали легкий шум ветра и шепот листвы.

— Что отец сказал на прощанье? — спросил Никола упавшим голосом после долгого молчания.

— Сказал, что вернется живым и здоровым, да еще с деньгами, — ответил брат.

— Да уж, с деньгами он вернется! — скривил лицо Никола. — А когда он вернется?

— Он вернется, как только здесь поменяется власть, — ответил младший брат.

— Поменяется власть?! — удивился Никола. — Как же!

— А тебе, Николко, не все равно какая власть? — спросил с удивлением Юра.

— Нет, мне не все равно! Хотя я знаю, что какая бы власть ни пришла, не будет от нее проку простому человеку.

— Но ведь ты не простой человек, — заметил Юра.

— А какой же я? — удивился этим словам его брат.

— Заговоренный. Говорят же бабы в селе, что пуля тебя не берет! Значит, ты не простой.

— Ты повторяешь бабскую брехню, — рассердился Никола.

— Я самый обычный человек. Просто пока мне везет. Только не знаю, долго ли так будет? — вздохнул Никола. — А ты вроде как завидуешь мне, Юрко?

— Завидую!

— Ну и дурак! Чего хорошего в моей жизни? Ты думаешь, приятно бегать с ружьем по лесу и прятаться от людей?

— Зато ты свободный человек и делаешь все, что тебе хочется!

— Ребенок ты еще, Юра, тебе всего четырнадцать лет, жизни ты еще не видел, но запомни: лучше всего жить по-людски, в доме своем, среди людей. Если бы ты знал, с какой радостью я достроил бы свой дом, как тоскую по работе — просто руки чешутся!

— Зачем тебе дом? — снова округлил глаза Юрка. — Неужели опрышки имели свои дома? И тебе не надо: ты — опрышек, ты —

бетяр! Люди тебя уважают и даже боятся, а бедняки молятся в церкви за твое здоровье, — с восхищением и завистью говорил младший брат.

— Ладно, Юрко, глупости говорить, — махнул рукой Никола, — скажи лучше, как там Эржика?

— Что Эржика? — нахмурился тот. — Ты знаешь, что я не люблю о ней говорить.

— Ты опять за свое? Любишь не любишь, а придется. Она моя жена, и ты обязан ее уважать! — строго сказал Никола.

— Хорошо, отвечу. Твоя жена живет хорошо: гусей пасет, на огороде работает да на сенокосе с граблями мается...

— Когда вернешься в село, зайди к ней. Помогай Эржике по хозяйству, а то вся тяжелая работа на ней, — снова вздохнул Никола.

Юра молча кусал губы. Видно, что-то хочет сказать и собирается с духом.

— Что еще случилось, Юрко, почему молчишь? — Никола тронул брата за плечо, заглянул в лицо.

— Я не вернусь домой! — вдруг заявил брат и посмотрел в глаза Николы.

— Это почему же?!

— Не хочу жить один в пустом доме!.. Вот пришел к тебе!

— Ко мне?! — еще больше удивился Никола. — Куда ко мне? Здесь у меня дом, что ли? — он кивнул головой в сторону леса. — Что ты будешь здесь делать?

— Я хочу с тобой... разбойничать!

— Что?! — закричал яростно Никола. — Не надо! — замахал он руками на Юрку. — Смотри, что придумал!.. Молокосос! Иди, иди отсюда!

Юра и не думал обижаться на старшего брата.

— Почему так сердиться? — спокойно спросил он Николу. — Не сердись, я тоже умею сердиться, а если прогонишь меня — буду жить разбоем в одиночку!

Никола внимательно посмотрел в глаза брату. Их взгляды пересеклись. Зеленые глаза Юры казались стальными.

— А ты упрямый! — сказал старший брат и задумался. А Юра, глядя на него в упор, продолжил:

— Одного меня жандармы скушают! Куда я пойду? Не прогоняй меня! Прошу тебя!

Никола пристально посмотрел в лицо брата. Только сейчас он заметил синие круги под его глазами. И лицо у Юрки было бледным, исхудавшим. Взгляд Николы смягчился. Брат, заметив искру жалости, воскликнул:

— Ты меня не прогонишь!

Детская радость отразилась на его лице. Так обрадовался, что резко встал и запрыгал на месте.

— Только на пару дней, — уточнил старший брат. — Считай, что ты у меня в гостях. И должен помнить, что здесь я тебе вместо отца. Понятно? Оставляю тебя потому, что один в селе ты совсем отобьешься от рук.

— Добро! — послушно ответил подросток и улыбнулся. Юрка был счастлив. Его мечта почти осуществилась: он станет разбойником! Это значит, что он может теперь остановить любую повозку, на которой сидит чопорный богач, приставить дуло двустволки к его лбу и гордо сказать: «Стой! Я — Шугай!»

Никола молчал, думая, каково сейчас отцу с матерью в разлуке друг с другом.

Еще он думал о том, почему арестовали Василя Дербака. Если уж он попал в руки жандармов, то они вытряхнут из него все, что хотят.

Жандармы усилят слежку. Что делать?

«А что если завтра же я пойду в Хуст, к Степану? Как-никак он мой родственник. Однажды уже хотел присоединиться ко мне. Может быть, еще не передумал? Хорошо бы. Люди мне нужны. Да, пойду в Хуст, а на обратном пути переночую в селе Нижний Быстрый, — размышлял Никола, — а Юрку на пару дней нужно отправить в Колочау. Пусть харчи принесет да Эржику ко мне проводит».

XV.

Дербака вызвали на допрос перед обедом. В кабинете сидел только капитан.

Василь вошел и остановился посреди кабинета. На вид ему лет сорок пять, не больше. Он был среднего роста, краснощекий, коренастый и подвижный. Прищурившись, спокойно смотрел капитану в глаза.

— Пан Дербак, в вашем сарае нашли мешок, в котором был овечий плед из белой шерсти. Жена убитого купца подтвердила, что это ее плед. Она ткала его своими руками для мужа, он всегда брал его с собой в дорогу. Скажите, почему эта вещь оказалась в вашем сарае?

Василь даже не удивился этому вопросу. Наоборот, он будто ждал, что именно об этом его спросит капитан, и ответил сразу:

— Да потому, что я нашел этот плед на дороге, пан капитан!

— Расскажите, как это было?

Василь рассказал. По лицу капитана он понял, что тот ему не поверил.

— Вы принимали участие в грабежах в компании Николаы Шугая?

— Нет, не принимал, — последовал ответ.

— Пан Дербак, говорят, что недавно вы обратились в жандармерию и предложили свою помощь в поимке Шугая. Правда?

— Правда.

— Вы хотели помочь? Но где результат вашей помощи? Шугай гуляет до сих пор!

— В чем моя вина, пан капитан? — спросил Василь. — Если уж жандармы не могут поймать, то что можно требовать от такого простого человека, как я?

Под капитаном скрипнул стул.

— Дело в том, что Никола хорошо знает каждую тропинку, а нюх у него прекрасный, как у лисы. Он никогда не ночует на одном месте, у него нет постоянного пристанища, — продолжал Василь.

Поймав на себе недоверчивый взгляд капитана, Дербак сменил положение ног и перевел взгляд в окно:

— Вы мне не верите?

Капитан задумался:

— Хорошо, пан Дербак, я дам вам еще один шанс: поверю вам и отпущу вас домой. Вы отдохнете, все обдумаете, а потом придете к нам и все скажете...

— Что скажу? — оживился Дербак.

— Вы узнаете, где и с кем встречается Никола. Приходит ли к жене. Где чаще всего ночует в лесу. Кто продает награбленные им вещи. Когда будет что сказать — сразу приходите ко мне.

— Но. — начал было Дербак.

Капитан продолжил:

— И не затягивайте это дело, постарайтесь все сделать как можно быстрее, а если сбежите, то вместо вас я привлеку к ответственности вашего сына. Вы поняли?

— Сына — за что?! — вскрикнул Василь, и страх мелькнул в его голубых глазах. — Прошу вас, не трогайте его!

— Теперь все зависит только от вас. Идите домой. Вы свободны!

Дербак ушел. Он спешно покинул жандармерию и направился домой.

Его задержали как подозреваемого. Впервые в жизни его подозревают. До чего же это неприятно! Надо все забыть как дурной сон.

Но, как только он вышел из двора жандармского поста, почувствовал сильное сердцебиение. Пришлось остановиться на обочине дороги, даже присесть на землю, чтобы передохнуть. «Теперь я на свободе. Надолго ли? Но разве это свобода?

— спрашивал он себя. — До чего же хитрый капитан — сразу нашел мое больное место, как стрелу в сердце: "Вашего сына...". А за что можно наказать моего сына, моего Адама? Хотя, конечно, если полицейский хочет упрятать человека в тюрьму — всегда найдется причина».

«Боже праведный, храни моего сына! — вздохнул Василь.

— Не дай этому случиться! Костями лягу, а не позволю этого сделать! А Шугая надо выследить и отдать в руки жандармам. Так дальше продолжаться не может. Думаю, Никола и сам устал бегать. К тому же он совсем испортился. Еще на военной службе наслушался всякого дерьма о русской революции и вообразил себя народным мстителем. Для пущей убедительности стал отнимать у богатых имущество и подкидывать беднякам: кому корову, кому лошадь, кому-то денег. Там немного взял — туда немного положил. Но по-настоящему он не умеет ценить трудолюбие. А когда видит работающего человека, называет его куркулем. Я для него тоже куркуль. Он мне вслух этого не говорит, но я по глазам его вижу.

Молодой он еще, не знает жизни этот парень. Угроздило меня, дурака, связаться с ним! Эх, Николо, Николо, как это все началось?»

А началось так. Сбежав из армии, Никола какое-то время открыто жил в селе. Была у него надежда, что слуги порядка махнут на него рукой: живи, солдат. Ты не один такой. Власть тебя прощает.

Но власть не простила. Пришли в дом Шугая полицейские, чтобы арестовать его. Хорошо, что в это время он работал в лесу и младший брат успел предупредить.

С тех пор Никола прятался в Сухарском лесу. Однажды случайно встретился со своими друзьями. Они косили сено на небольшом участке Василя Дербака. Хозяин тоже там был.

— Сервус*, хлопцы!

— Сервус, Николо! — парни с удивлением переглянулись. Беглец пожал руку Ивану — другу детства, у которого, как утверждали многие в селе, «было ангельское лицо». После подошел к Игнату, который стоял немного в сторонке, и было непонятно: то ли тот чем-то недоволен, то ли просто слишком устал. Поздоровался с Данилом, на лице которого играла лукавая улыбка, а после пожал руку Василя Дербака.

— Не ожидали встретить меня здесь? — спросил Никола. Он был оживлен. Видно было, что встреча с односельчанами его обрадовала.

* Сервус — приветствие (венгер.).

— Что молчите? Думали, что зароюсь в землю, как червяк, и побоюсь выйти к людям?

— Да, это. как его, — начал Иван, — мы только вспоминали тебя, а ты будто снег на голову. Конечно, удивились. Правду говорю, хлопцы? Все заулыбались и закивали: так, мол, так. Дербак посмотрел на исхудавшее и давно небритое лицо Николы и подумал: «Голодает парень. Надо его накормить».

— Давайте, хлопцы, присядем немного, поговорим с Николой, — предложил он косарям.

— Давайте!

Все дружно сели в тени раскидистого дуба. Василь взял в руки торбу и достал из нее еду: яйца, сало, хлеб, банку золотистого меда.

— Угощайся, Николо!

— Вот это да! — у Николы загорелись глаза. — Давно я не видел такого добра! Честно говорю!

— Ешь на здоровье! Что не съешь — возьми с собой. Мы уже обедали, а сейчас воды холодненькой поьем. Верно?

— Верно, — ответил Иван, — уж Василь всегда накормит своих работников.

— Василь всегда накормит, — повторил кто-то.

— Как дела в селе? Власть еще жива? — поинтересовался Никола, намазывая на кусок хлеба тягучий золотой мед.

— Жива власть! Куда она от людей уйдет? Мы подохнем — власть останется! — ответил Василь.

— Это точно! — согласился Иван.

Помолчали.

— Василь, что так рано ты начал косить? — спросил Никола.

— Успеть бы сено увезти: землю у меня отбирают, — ответил Дербак и тяжело вздохнул.

— Уже землю отбирают? — спросил Никола. — И кому она достанется? Неужели крестьянам?

— Еще никому ничего не дали, но национализация идет, — ответил Дербак. — Национализирован пивзавод графа Шенборна, лесохимические заводы в Сваляве и Турье-Быстрой, мебельные предприятия, банки, спиртзаводы, а теперь взялись за крестьянскую землю. Скоро сюда придут — заберут и этот участок. Вот и я спешу сено скосить... Корову-то надо кормить зимой...

— Землю забирают, — повторил Никола как бы про себя. Он вытер ладонью крошки на губах и добавил: — Раз забирают, значит, ее должны распределить поровну между бедняками! — и снова принялся за еду.

—Кто сказал, что должны? — рассердился Дербак. — Вот увидишь, Николо, какая смута будет. И нищих станет еще больше. Как не понимают коммунисты, что люди не могут одинаково работать? Кто-то будет работать за двоих, а кто-то и положенного не сделает. Так всегда было, так и будет! Начнутся обиды, трения. И это справедливость?

—Успокойся, Василию, еще никому ничего не дали, — не хотел спорить Никола.

—Это коммунисты воду баламутят, — вмешался Данило. — Они хотят, чтобы их партия была самой большой.

—А потом они поведут людей, куда им надо, — сказал Дербак. — Это же политики! Разве можно им верить? Политик — все равно что зверь в человеческом облики.

—Ну, зачем так говорить, Василь? Говорят, есть и хорошие звери, — возразил с горькой усмешкой Никола. — А люди сами должны думать, куда им идти.

Мужики снова замолчали.

—Что, не согласны со мной? — спросил Никола.

—Куда могут пойти простые и темные крестьяне? — произнес Иван. — Помнишь, когда был в Колочаве бунт?

—Помню, и что?

—Помнишь, как колочавцы удачно захватили власть в селе? Захватили власть, даже выставили посты на дорогах вокруг села и несколько дней держали его в руках. Богачи испугались, попрятались. А на четвертый день пришли солдаты и тут же навели порядок: обыски, аресты, побои. И стало крестьянам еще хуже. Потом в сельской лавке конюх Вольфа Менделя часто говорил: «Что взять с темного мужика? Все равно что малое дитя! Ничего хорошего он не может придумать».

—Малое дитя! — хмыкнул сердито Данил.

Никола не отвечал. Уже давно так сытно он не кушал и теперь испытал блаженство. Утолив голод, он переменял тему разговора:

— Слушайте, хлопцы, а помните, как славно мы когда-то гуляли на сельских свадьбах? — и он стал тихо насвистывать знакомую всем коломыйку:

*Люба моя мати,
Кому будеш от'вночи
Двер/ в/дкривати?*

Он допел, вздохнул, скользнул взглядом по лицам товарищей.

— Погуляем ли еще, как раньше? — произнес с грустью в голосе. — Неизвестно, что будет завтра.

— Что с тобой, Николо? — спросил Василь. — Грех унывать. Надо жить с радостью и закончить все дела, которые задумал в своей жизни.

— Надо.

— А ты, Николо, еще не выдал замуж Марту Гафычову, — с веселым озорством в глазах сказал Иван, и все засмеялись.

Никола смеялся со всеми, а потом сказал, обращаясь к Дербаку:

— Ты еще можешь себе помочь.

— Как?

— Откупиться от властей или убежать за кордон. Что же ты так переживаешь?

— Переживаю, конечно, потому что денег у меня нет. Мое богатство — это мое хозяйство, нажитое трудом. До сих пор не верю, что выбрался из нищеты, а стать снова нищим не хочу!

— А если все равно тебя раскулачат, что будешь делать?

— Воровать буду, — то ли в шутку, то ли всерьез ответил Василь.

— Воровать или голодать? — переспросил Игнат (он был немного глуховат).

— Зачем голодать? — поддержал разговор Данило. — Недалеко отсюда стоят полные бочки свежей брынзы.

— Ну и что? — удивился Никола.

— Ничего. Просто так говорю. Брынзу всегда можно продать — будут деньги.

— И ты предлагаешь украсть, а потом продать? — уточнил Никола. — Ну и шутки у тебя!

Все засмеялись и тут же замолчали, будто испугались чего-то.

— Почему шутки? Между прочим, хозяин не заплатил работникам. Пастухи очень обижаются, даже перестали на него работать. Такого бессовестного пана надо наказать.

— Как?

— Просто отобрать у него брынзу, продать ее, а выручку отдать пастухам.

— Так просто? — переспросил Василь и продолжил: — Между прочим, я слышал, что этот пан своих слуг палкой бьет, как бешеных собак!

— Вот как!

— Такого хозяина и не грех ограбить, — сказал один из косарей.

— Такого не грех, — послышался другой голос. Воцарилось молчание.

— Ну, хлопцы, я пойду, — поднялся Никола. — Вам работать надо — не буду мешать. Спасибо за все!

— Мы будем косить на этой поляне еще два дня, — сказал Василь. — Приходи, Николо!

— Спасибо! Я приду!

Потом была вторая встреча, за ней третья... После этого Никола предложил, наконец, начать борьбу против богачей. С ним согласились. Скоро перешли к действиям.

Началось с той самой брынзы, о которой говорили. В этом деле помогли пастухи, получившие часть денег за вырученный товар. Остальное друзья поделили между собой.

Потом напали на «нечестного купца», который недовешивал, обманывал и подсовывал недоброкачественный товар.

Первые, добытые таким образом деньги Никола держал в руках торжественно, глаза его радостно блестели, и он вдохновенно говорил: «Раз уж мы стали на этот грешный путь — не будем забывать о вдовах, о бедных и многодетных».

— О себе тоже, — шепнул кто-то из его товарищей.

Сейчас, сидя на обочине, Василь вспоминал прошлое и винил во всем только себя.

Немного отдохнув, он побрел дальше. Стояла нестерпимая жара, на небе ни тучки. Чудесная пора для сенокоса, вот почему большая часть крестьян отправилась на свои луга. Это было хорошо, Дербаку не хотелось, чтобы к нему приставали с расспросами. Он вообще никого не хотел видеть.

Наконец показался дом — добротный, с дубовыми стенами и большими окнами. Все сделано на совесть, чтобы служили эти стены многие годы не только ему, но и его единственному сыну Адаму и его внукам. Василь замедлил шаг и посмотрел на дом с любовью. Растроганный, он открыл калитку, вошел во двор. Агафья с Адамом на лугу сено сушат, а без них не хочется в дом заходить. Лучше посмотреть, что творится в хозяйстве.

Маленькими солнышками смотрели на него с огорода подсолнухи, шумела листва в саду. Молодая трава под старыми стволами яблонь была сочной и зеленой. Господи, как хорошо дома!

Если бы не Шугай — все было бы прекрасно. Как он, Василь Дербак, такой осторожный и уже немолодой человек, мог связаться с этим вертопрахом? Неужели Бог хотел за что-то наказать его и потому лишил разума? Нет теперь покоя. Еще недавно ничто не предвещало беды. Василь был счастлив и уверен, что впереди у него много безоблачных лет. Старался, как умел, сохранить нажитое добро. Правда, в последнее время у него начал портиться характер. Дербак стал раздражителен, часто ворчал на Агафью:

«Опять сливы гниют на земле!.. Не следишь, не убираешь вовремя... Помои не так вылила, снова мимо корыта, а свинья

осталась голодной. Сколько раз тебе говорил: "Спину ниже наклоняй! Ниже! Так нет, брякнешь кое-как, а свинья от жадности опрокидывает все на землю...".

Ну и зачем он так с женой?

Разве Агафья не любит его? Любит, конечно. Но у него на первом месте было только хозяйство. Всегда работал, все время добро копил, копил. Может быть, что-то делал не так?

«Господи боже мой! Но как надо было жить? Ладно, потом разберемся. Главное сейчас — выследить Николу».

XVI.

Никола пришел в город Хуст, чтобы встретиться с родственником, но ему не повезло. Оказалось, что Степан уехал на лесосплав и вернется домой не раньше чем через неделю.

Жена хозяина — толстая разговорчивая женщина — накормила гостя яичницей и напоила свежим молоком. Отдохнув немного, он попрощался.

День выдался теплый, но дождливый. С утра дождь лишь накрапывал, а после обеда пошел густой ливень.

По дороге в Колочаву Никола зашел на ферму к своим старым знакомым. Ферма была приземистая и стояла вблизи густой рощи. Здесь трудилось пять человек.

Никола обрадовал женщин леденцами и угостил всех вином, которое так понравилось старшему конюху, что он взял в руки скрипку. Играл самозабвенно, страстно, как умеют играть только одаренные музыканты-самоучки.

Внезапно Никола почувствовал, что в него вселился бес веселья.

— Девчата, давайте потанцуем! — воскликнул он так повелительно, что никто не посмел отказаться. Да и зачем отказываться от приглашения самого Николы Шугая? Он такой молодой и такой приятный: стройный, широкоплечий, черные волосы до плеч, а тонкая талия подпоясана широким кожаным ремнем.

— Давай, Николо, потанцуем!

Музыкант крепче сжимает в своих руках смычок, а скрипка плачет и смеется.

— Ты сегодня в ударе, Николко!

— Ты никогда так не танцевал!

— Что с тобой, Николо?

— Хочу погулять: вдруг меня пристрелят!

— Да типун тебе на язык!

Когда Шугай покинул ферму, уже вечерело.

Все осталось за его спиной: город Хуст и маленькая ферма.

Но сегодняшним днем Никола был доволен, хорошо отдохнув после однообразных и тревожных дней.

Он шел в Колочаву, а точнее, в Сухарский лес, где ждал его брат. Дорога неблизкая, так что ночь застанет его в пути, но ему есть где переночевать: в селе Нижний Быстрый живет человек, который всегда даст приют. Это был староста села, многодетный и хлебосольный. И жена у него приветливая, печет вкусный хлеб, а дом у старосты, что немаловажно, стоит рядом с лесом.

Предвкушая горячий ужин и сон в чистой постели, Никола спешил. Шел он тропинкой вдоль берега реки. Дождь не прекращался. Когда совсем стало невмоготу, Никола встал под старую ель и долго смотрел на чудные узоры, которые рисовали капли дождя на поверхности реки. Жаль, что они сразу исчезали.

Постояв немного, Шугай вновь энергично зашагал по размытой дороге. Пахло сырым лесом и крапивой. И хотя уже совсем стемнело, молодые глаза Николы помогали не сбиться с пути.

К селу Нижний Быстрый он пришел уже за полночь. Там все было тихо, только изредка раздавался собачий лай. Уже близко его ночлег. Никола остановился под деревом и посмотрел на знакомый силуэт дома, где жил староста. Чтобы попасть туда незамеченным, нужно ползком добраться до дровяника, потом перескочить низкий забор — и ты в безопасности. Так Никола и сделал, но в горницу войти не успел, неожиданно столкнувшись в сенях с хозяином.

— Добрый вечер, пане газдо*1! Вы меня встречаете? — спросил он весело.

Староста, узнав его, испуганно закрыл рот нежданного гостя ладонью.

— Тихо! Жандармы здесь, — прошептал хозяин.

— Как?! Они здесь? — удивился Никола.

— Здесь, — зашептал староста. — Пришли за тобой. Кто-то им сказал, что бываешь ты у меня. Допрос мне устроили. Беги, Николко, пока они спят.

— Крепко спят?

— Крепко: устали и промокли до нитки.

— Сколько их?

— Человек двадцать.

— Дом осматривали?

— Каждый уголок осмотрели.

---

*Газда — хозяин (диал.).

— Чердак тоже?

— Тоже!

— Да не дрожите вы как осиновый лист! Вы меня не видели!.. Правда? Я сейчас поднимусь на чердак, а вы лестницу уберете после меня! Только держите язык за зубами, а то. Вы меня знаете...

— Знаю, знаю! — кивнул головой староста.

— Все будет хорошо! — тронул Никола дрожащего хозяина за плечо, а сам юркнул на чердак.

Староста вернулся в дом. Там, прямо на полу, крепко спали уставшие, промокшие во время дождя жандармы.

— Кто там? — тихо спросил капитан сонным голосом.

— Это я, — шепнул хозяин. — Выходил по нужде. Все спокойно.

Спите, пан капитан.

Никола лег на чердаке, вытянув уставшие ноги. Хотелось отлежаться хотя бы полчаса. Сейчас полночь и сон у жандармов крепкий. Всю дорогу он надеялся, что ему здесь удастся хорошо поспать. Но теперь сон, конечно, пропал. Стоит кому-нибудь из жандармов подняться на чердак — и спастись будет нелегко. «Неужели я попался?» — спрашивал себя Никола. Но страха не было. Беглец чувствовал, что сегодня Госпожа Удача на его стороне. Впрочем, однажды она его крепко обманула, вот так же, как сейчас, посулив безопасность. Это случилось после того, как он сбежал из армии и прятался в лесу. Вахмистр Колочавы Ленард Бела прилюдно пообещал толпе, что Николе от него не уйти. Однажды Шугай, забыв об осторожности, пришел к Эржике на поляну, где она сушила сено. И только молодая парочка уселась под густой лещиной, чтобы помиловаться, как из ущелья появилась незнакомая толстая баба. На ней висело крестьянское платье, а платок на голове был повязан как-то набок. В руках баба держала грабли и почему-то спешила в сторону молодых.

— Кто это? — насторожилась Эржика.

— Баба какая-то, — ответил Никола, мельком посмотрев на незнакомку. Не видя никакой опасности, он пытался покрепче обнять жену, но Эржика оттолкнула его и сказала испуганно: «Никола, беги! Это за тобой!»

Он бросился бежать.

— Стой! — крикнула баба грубым мужским голосом и направила на Шугая ружье. Он узнал голос вахмистра и побежал еще быстрее. Неожиданно из леса выскочили четыре помощника вахмистра, они набросились на Николу и связали его.

— Теперь ты в наших руках! — торжествовал вахмистр, яростно сбрасывая с себя женское платье.

—Еще неизвестно! — шипел от злости Никола. — Рано радуешься, а нарядился ты бабой потому, что не смог меня поймать как нормальный мужчина!

—Молчи, бетяр!

Николу отвезли сначала в Хуст, после отправили в Балаш-дерьмат, в маршевую роту.

Вахмистр торжествовал. Теперь он с особым удовольствием заходил в торговую лавку и корчму. Ему было что сказать. «Вот как получилось! Не я вахмистр Бела, если бы не поймал этого дезертира! Вахмистр Бела честно служит своему правительству. Карольи узнает и будет мной доволен!» — повторял он слова, растягивая рот в довольной улыбке. Но Никола Шугай сбежал из маршевой роты и снова скрылся в лесу, а вахмистр так и не дождался благодарности от буржуазного коалиционного правительства Венгрии во главе с графом Карольи.

...Никола лежал на чердаке, а в избе спали его враги. Он чутко прислушивался к малейшим ночным шорохам. Где-то поблизости был курятник. Слышно было, как курица слетела из жердочки и сердито закудахтала. Никола замер: не проснутся ли жандармы от этого шума? Вдруг начнут обыск в доме заново? Впрочем, староста сказал, что жандармы спят как убитые.

«А может, уйти от них подальше, пока еще темно? Зачем мне этот чердак? В лесу надежнее».

Решил — сделал. Осторожно спустился по косяку, тихо прошел через сени, очутился в дровянике, выскочил из него, перепрыгнул низкий забор и побежал в лес через поле.

—Стой! Стрелять буду! — крикнул ему вслед постовой жандарм. (Оказалось, что дом все-таки охраняли.) Послышался выстрел, но Никола будто растворился в темноте.

Скоро все жандармы были на ногах. Первым выбежал во двор капитан.

—Тревога! — закричал он в бешенстве. — Тревога! Черт побери этого мерзавца!.. Все-таки посмел прийти! Эта чертовая темнота!..

—Пан капитан! — докладывал дежурный жандарм. — Шугай вышел из дома...

Капитан не слушал его. Он в бешенстве подошел к старосте и взял его за грудки.

—Ты видел ночью Шугая? — со свирепым выражением на лице спросил он. — Почему не доложил, что в доме разбойник? Ты знал, что он придет?

— Пан капитан, так ведь все спали, а он был вооружен!

Перестрелял бы всех ваших сонных парней, а мне бы дом спалил! Что я мог сделать? У меня же дети!

XVII.

Капитан вернулся из Нижнего Быстрого злой и уставший. После короткого сна он сел за письменный стол и развернул свежий номер газеты. Пробежал глазами текст, но его взгляд вырывал из текста лишь отдельные слова: «Новый капитан в Колочаве... сможет ли справиться с поставленной задачей...» «Черт бы вас побрал, писаки! Писать-то легче, чем работать!»

Он не стал читать дальше. Все его раздражало сейчас, начиная с погоды. Обильные дожди шли уже три дня, давило черно-серое небо, и казалось, всему этому не будет конца. «Начальство не простит мне, что прозевали Шугая, — думал капитан. — Кстати, надо написать доклад».

Он взял чистый лист бумаги и после вступительной части написал:

«Сложность в том, что разбойнику удастся хорошо скрываться в лесу по той причине, что здешний ландшафт как бы "помогает ему". Стоит ему добежать до леса — и он уже в безопасности, так как от леса до гумна — несколько шагов. Думаю, что следует объявить Шугая вне закона и назначить за его поимку крупную награду».

Потом, отложив в сторону бумагу, Новак встал из-за стола и начал ходить по кабинету. «Если начальство даст согласие на мое предложение, я буду работать с людьми, — думал он. — Особенно с друзьями Николы. Следует прощупать их взаимоотношения, сыграть на их старых обидах. Можно им посулить не только деньги, но и должности. Хорошо. Это понятно. А как там себя чувствует жена Шугая?.. Есть идея».

—Богумила ко мне! — сказал дежурному капитан и снова уселся за рабочий стол.

Через минуту вошел ефрейтор — свежий, подтянутый.

—Наблюдение за Эржикой ведешь? — бледно-голубые глаза капитана остановились на лице подчиненного.

—Да, пан капитан!

—Как она себя ведет?

—Ведет себя спокойно, занимается своими домашними делами. Думаю, она догадывается, что за ней следят, но не подает виду.

—Пусть догадывается, — сказал капитан. — Самое главное, чтобы твое наблюдение было для нее приятным.

—Приятным? — удивился Богумил. — В каком смысле?

—Ты должен ей нравиться. Как мужчина. Понимаешь? Еще лучше, если она полюбит тебя. Вот тогда и будет результат.

Богумил покраснел, а капитан продолжал:

—Почему бы и нет? Разве ты не хочешь развлечься?.. Ты же холост, а у нее муж — разбойник! Такого не грех и подвинуть. Вот увидишь, как только она разлюбит своего мужа — нам будет легче его поймать. И потом, может быть, Эржика и не любит его. Есть такие женщины, что преданы мужу только из чувства долга. Мы не знаем, какие между ними отношения. Правильно? Имей в виду, она рано потеряла мать, а значит, недополучила ласки и нежности. Если ты будешь помнить об этом, я уверен, что она тебя полюбит... Нечего краснеть, ефрейтор! Иди обмозгуй это дело да будь настойчив: женщинам это нравится!

Богумил вышел из кабинета в смятении и остановился на крыльце: «Вот это задание! Как я справлюсь с этим? Да еще угораздило меня перед шефом покраснеть. Будто я в чем-то виноват».

Двор был пуст. Ветерок, теплый и ласковый, как дыхание любимого человека, обдал его горячее лицо. Ефрейтор спустился с крыльца и направился к шумной горной речке, такой чистой, что можно рассмотреть на дне каждую песчинку. Речка напоминала Богумилу его детство, милые Татры, где он вырос в простом деревянном доме деда. Дед был лесником, и Богумил еще застал его сравнительно молодым и здоровым. То был настоящий горец: ходил в брусляке* и в черной шляпе с пером. Внука очень любил. Собирал для него на дне горной реки валуны, чтобы построить из них мостик. Потом старательно очистил дно реки, убрав острые камни. Получалась заводь, почти проточный бассейн с приятным песчаным дном. Там-то Богумил и научился плавать. А еще дед приохотил его к утренним пробежкам. И когда ефрейтор приехал в Колочаву, то с первого дня присмотрел себе маршрут, которым приятно было бегать, — тонкую тропинку, с одной стороны которой бежала речка, а с другой — располагались крестьянские огороды, а за ними дома. День Богумил начинал с того, что обливался в речке холодной водой до пояса, потом начинал пробежку.

Так было и этим утром. Вот только, пробегая мимо дома Петра Драча, ефрейтор почему-то замедлил шаг. В огороде там росли подсолнухи, цветущая фасоль, капуста, а ближе к речке возвышались копны сухого сена.

Богумил увидел Эржику и спрятался за копной, не отрывая от молодой женщины глаз. А она, остановившись перед высоким кустом фасоли, стала собирать в корзину зеленые стручки. Эржика была

* Брусляк — мужская безрукавка на меху (чеш.).

босой, в одной холщовой рубаше. На голову ее был наброшен платок, но от энергичных движений ее рук он соскользнул на землю, обнажив темные, красиво уложенные косы и изящную шею, на которой горела нитка ярко-красных бус.

Село еще спало в объятиях густого белого тумана, первые лучи солнца золотили вершины гор. Свежестью и прохладой дышали лесные рощи, серебрилась роса на листьях и на траве. И забыл Богумил в эти минуты, что он жандарм. Он видел только женщину, срывающую фасоль, и чувствовал взволнованное биение своего сердца. И никого не было в целом мире — только он и она. Их глаза встретились.

XVIII.

—Эржико, что с тобой? — спросил отец, когда дочь вернулась с огорода.

—Замерзла, — ответила она и опустила глаза, чтобы отец не видел ее сияющего взгляда, того, что она обманывает его.

—Когда же ты успела замерзнуть? — удивился отец. — День только начался. Или снова на огород с утра бегала?

Она молча поставила корзинку с фасолью в угол, взяла в руки метлу, начала подметать пол.

—Почему не сказала, что тебе нужно на огород? Почему ходишь босая по холодной росе?.. Разве так можно? Уже не маленькая, а как ребенок! С теплой постели — на холод!

—Ничего. Мне не холодно, — стала оправдываться дочь, не поднимая головы.

—Не холодно ей, — ворчит отец, — как ребенок, ей-богу!

Эржика все старалась придать непослушному лицу смиренный вид. Но как подавить в себе ту радость, что распирает ее грудь? Надо успокоиться, надо помолиться.

Она выбежала из светелки, уединилась в своей маленькой каморке, упала на колени перед образом Богородицы.

«Пресвятая Богородица, всем людям Помощница, храни меня от страстей, не дай мне погибнуть!» — зашептала Эржика, но чувствовала — это лишь слова. Остановилась, чтобы сосредоточиться. Как молиться в таком состоянии, когда она так смущена и, кажется, счастлива?

«А ведь ничего не произошло, — сказала она себе. — Ничего. Вот я встала утром, хотела обед сварить, вышла на огород за фасолью. И тут я увидела молодого жандарма, глядящего из-за копны. Он покраснел, ему было неловко, а меня это рассмешило. Я

почувствовала, как что-то огромное, светлое, что было в нем, перелилось в меня. Душа моя стала легкой и счастливой, будто у меня появились крылья. Земля покачнулась, может, это воздух опьянил меня, как вино? Господи Боже мой, но как мне понять: награда это или наказание?! Я замужняя женщина, нельзя грех пускать в сердце.»

Она открыла сундук с одеждой, чтобы вынести вещи на улицу проветрить. Сверху в сундуке лежали ее нарядная сорочка и домотканая сорочка мужа, в которой он ночевал с ней первую ночь.

Она взяла ее в руки, присела на дубовую лавку, задумалась и вспомнила...

Первую ночь после свадьбы ночевали молодые в доме одни. Ночь была с порывистым ветром, с грозой, с горячими объятиями Николы.

Когда муж уснул, она еще долго слушала, как за окном стихает дождь, как стекают с крыши маленькие ручейки.

Утром проснулась, не зная, куда глаза прятать от жгучего стыда. Ой, мамочка родная, не осталось и следа от вчерашней Эржики. Потому что обнимали ее мужские руки, целовали ее страстные уста и тело ее соединилось с телом мужа своего, а если это было, значит, будут рождаться дети. Еще не понимала она: радоваться ей этому или грустить, но стало интересно, как будет меняться ее внешность. Выбрав час, когда осталась одна в доме, она поднялась на чердак, оголила свой живот и внимательно посмотрела на него. Ничего особенного там не было, живот как живот. Он был упругий и гладкий, точно такой, как до свадьбы.

Прошла неделя, началась вторая. Эржика снова поднялась на чердак и посмотрела на себя. И тут за этим занятием ее увидела свекровь, которая поднялась на чердак за охапкой сена.

— Эржико!

— Ой!

— Что случилось?

— Ничего, — Эржика опустила вниз домотканую рубаху.

— Что случилось с животом? — спросила мать Николы. — Заболел, что ли?

Эржика медлила с ответом.

— Что-то скрываешь?

— Ничего не скрываю!

— Случилось что?.. Да говори же! — допытывалась она.

— Я смотрю: может быть, у меня растет ребенок? — простодушно ответила Эржика и покраснела.

Свекровь рассмеялась и сказала сквозь смех:

— Сама ты ребенок. Чего краснеешь? Ладно, не обижайся, что смеюсь. Но ты многого не знаешь, а это нужно знать.

Она подошла к невестке, обняла ее за плечи:

— С отцом говорить об этом было стыдно. Правда, Эржико? Эржика кивнула.

— Сейчас мы с тобой пойдем замачивать лен и я тебе расскажу, как рождаются дети. Научу тебя, как узнать, будет у тебя ребенок или нет? Только сперва прихватим по охапке сена, чтобы не идти с пустыми руками.

«Хорошая у меня свекровь. Как она сейчас?» — подумала Эржика.

Снова посмотрела на домотканую сорочку мужа, которую держала в руках, и почему-то убрала ее подальше от своей рубашки.

XIX.

Как-то шел капитан вдоль по улице мимо маленького домика Марты и увидел ее во дворе. Вежливо поздоровался, остановился, подошел поближе к калитке. Посмотрел внимательно на кучку хвороста, который хозяйка рубила топором, и глянул на нее не то удивленно, не то сочувственно:

— Пани, вам не тяжело? Я могу прислать помощника.

— Ну что вы, пан капитан, — засмеялась Марта. — Это привычная для меня работа!

Был полдень. Солнце светило в упор. Они вдвоем стояли на солнышке.

— Хочу сказать, что грешно такой красавице работать, — продолжал Франта.

— А как жить, если не работать? — спросила молодая женщина. Потом отложила в сторону топор, подошла поближе к калитке:

— Очень рада вас видеть, пан капитан!

— Я тоже очень рад вас видеть, милая пани!

Так и стояли. Он со стороны улицы, она со стороны двора.

— Вы не должны жить в одиночестве, Марта!.. Пожалейте себя! — в его голосе она слышала сочувствие. И так ей стало хорошо от его слов, что все потеплело внутри. Настроение поднялось, она чувствовала, что хорошеет на глазах.

— Себя-то я жалею, но как приятно, когда пожалеет кто-то другой. Например, такой человек, как вы. Правда? — улыбнулась она. Капитану показалось, что солнце стало светить еще ярче.

— Правда, — согласился он. — А сейчас у вас нет молодого человека? — спросил он вкрадчиво.

— Какой молодой человек, пан капитан? Зачем он мне нужен? Развлекаться, что ли? Мне нельзя этого. Мне о жизни надо подумать.

Очень хорошо подумать. Если я один раз ошиблась, это не значит, что я должна делать глупости всю свою жизнь, — отвечала она так складно, будто кто-то диктовал ей.

—Пани Марта, я хотел спросить. Я не хотел вас обидеть, честное слово! Простите меня, если я неправильно выразился. Но мне не верится, что нет парней, желающих жениться на вас. Не верится, и все! Хочу сказать, что вы очень правильно рассуждаете о жизни, — он посмотрел на нее с большим любопытством. — Очень правильно, — повторил он.

—Вы знаете, люди думают, что если я оступилась один раз, когда была совсем неопытной, молоденькой девушкой, то буду плохой до конца жизни. Но это не так! Моя ошибка пошла на пользу. Я многое поняла в жизни, — продолжала Марта, и голос ее звучал мягко и доверительно.

—Господь с вами! Разве вы плохая?! Вы ничего не сделали плохого! Зачем упрекаете себя? — спросил он.

—То, что случилось, — трагедия для меня. Это правда, что я никого не предала, никому не изменила. Я просто любила, хотела быть верной женой. Я думала: если ты любишь, то тебя любят точно так же. Никогда себя не прощу, что поддалась Шугаю. Какое-то затмение нашло на меня, бес попутал... Никола такой был настырный, приставаучий... Настродалась я очень. Сейчас все бы отдала за хорошего мужа, за теплый дом, а то (она кивнула на свой ветхий домик) в этой хатке я так мерзну, что не могу дождаться конца зимы. Порой и любви не хочу, пан капитан. Получается, что эта самая любовь часто портит человеку жизнь.

—Интересно, — заметил капитан. Он слушал ее, но больше любовался ею: синяя безрукавка плотно держит полную грудь, аккуратная одежда — Марта всегда вечером стирает одежду, чтобы утром снова надеть ее, свежую и чистую. Наступила пауза.

«Почему он молчит? — подумала Марта. — Может быть, не верит мне?»

—Пан капитан, простите, что говорю о себе, — нарушила молчание Марта.

—Говорите, говорите, пани Марта, мне интересно вас слушать. Я хочу спросить — неужели после Николы никто не сватался к вам?

—Никто не сватался. Теперь я ни жена, ни вдова. Нормальный парень не женится на мне, разве какой-нибудь вдовец: многодетный или престарелый.

—Вы пошли бы замуж за престарелого жениха? — спросил капитан.

— Если он хороший человек — почему нет? — ответила женщина искренне. — Пан капитан, простите меня за откровенность. Я почувствовала доверие к вам с той первой минуты, когда увидела вас на сельском сходе.

— Я был рад вас видеть, пани Марта! Очень рад, — сказал капитан, и в его глазах она прочитала что-то большее, чем просто понимание.

XX.

Дом Марты Гафычовой стоит напротив дома Петра Драча. Хочешь не хочешь, а видишь, чем занимаются соседи. После встречи с капитаном Марта стала наблюдать за этим домом более внимательно. Не для того чтобы доносить в жандармерию, а просто так, по привычке.

Вот и сегодня Петро Драч не спеша ходит по двору, глядит по сторонам, будто что-то потерял. «Работу себе ищет, — думает Марта, — он очень хозяйственный. И голос у него хороший. Как начнет петь в церкви — заслушаешься. Да и сам ничего, только сгорбился, сник, постарел после смерти жены. Что поделаешь — вдовец».

Из дома вышла Эржика. Марта напряглась. Ей кажется, что наблюдать за Эржикой она будет всю жизнь: интересно разглядывать свою соперницу. Эржика — обыкновенная молодая женщина. Все в ней так просто, а хочется на нее смотреть и смотреть. Если она улыбнется вам — не удержитесь, чтобы не ответить ей улыбкой.

Пока Марта из глубины своей светелки наблюдала за Эржикой, та успела подоить корову и отправить ее с пастушком на пастбище. Потом накормила поросенка, кур и гусей, вынесла из амбара грабли и, оставив их у забора, вошла в дом. Что она будет делать дальше?

Марта все еще смотрела. А что ей еще делать? Хозяйство у нее маленькое: возле ветхого дома растет немного картошки, фасоли, разбито несколько грядок с морковью, свеклой и зеленью. Вот и все.

Эржика вновь появилась во дворе, но уже переодевшись. На ней была белая сорочка, поверх которой наброшена старая безрукавка. В руках — узелок с едой. Она взяла в руки грабли и пошла в сторону реки.

«Интересно, куда это Эржика собралась? — задумалась Марта. — Сено сушить? Неужели будет в лесу и не увидится с Николой? Не может такого быть! В белой нарядной рубашке? Кажется, она идет сейчас к нему. Нужно проследить за ней. Интересно, видятся они или нет?»

Марта быстро оделась и не забыла прихватить и корзинку, будто собралась в лес за шиповником или за грибами. Хорошо, старый Драч ушел со двора. Лучше будет, если ее никто не заметит.

Тем временем Эржика подошла к реке. Марта видела, как легко она прыгнула с невысокого обрывистого берега и смело шагнула в быстрое течение. Посреди реки, где оно было особенно сильным, напористым, молодая женщина постояла минуту, будто убеждаясь, что стоит крепко, затем подняла повыше подол юбки и пошла дальше. Выйдя на берег, она сразу же скрылась в лесу.

Марта почти бежала, чтобы не упустить соседку из виду. Перешла речку, увидев следы ног, сбивших росу на траве. Узкая тропинка шла через ольшаники. У Марты чаще билось сердце, вспомнилось, как гуляли они здесь с Николой. Казалось, вот-вот появится снова молодой черноволосый юноша и она побежит ему навстречу, чтобы броситься в объятия.

Когда-то они любили друг друга, но остерегались людской молвы. Особенно Никола. Что скажут люди, когда узнают, что он обесчестил сироту? Надеялся, что никто ничего не узнает, поэтому и встречался с ней только в лесу.

Давно это было. Все прошло, как вешняя вода. Марта вздохнула и прибавила шаг. Дорога резко пошла в гору. Фигурка Эржики мелькнула впереди на поляне, и Марта припала к земле, чтобы остаться незамеченной. Эржика, не замечая ничего, стремительно шла, потом внезапно остановилась и, освободив руки от граблей и узелка, сняла безрукавку. Теперь она была одета лишь в нарядную белую рубашку и черную широкую юбку. Эржика достала из своего узелка маленькое зеркало и посмотрелась в него. У Марты больше не осталось сомнений: ее бывшая подруга идет на свидание.

Марта почувствовала зависть к Эржике: за что ей такое счастье? Муж ее любит, Богумилу она тоже нравится. Конечно, может быть, это приказ у жандарма такой, чтобы почаще крутиться возле жены разбойника, но видеть такого парня каждый день — просто удовольствие. Шугаю стоит об этом шепнуть. Пусть страдает от ревности, как страдала когда-то Марта.

Вдруг Эржика исчезла из виду. Марта пробежала лесом наугад и увидела соседку уже на небольшой поляне, через которую шла тропинка на полонину. «Они встречаются на Лысой поляне», — решила Марта.

Она остановилась и присела, чтобы отдохнуть. Солнце поднялось высоко, растаял туман. «Пока они будут любезничать, можно не спешить», — решила Марта.

Никола пришел в Сухарский лес, чтобы встретиться с Эржикой. Недалеко от Лысой полянки у Петра Драча есть небольшой участок земли. Вчера там кто-то косил сено, но сушить его некому, кроме Эржики.

Утро было мрачным, прохладным и ветреным. «Вдруг погода испортится и она не придет? — мелькнула мысль. — Эржике работы везде хватает: и в доме, и на огороде.

Прав был ее отец, когда сказал мне обидные слова: "Какой из тебя муж? Ты будешь бегать от жандармов, а она косить да топором рубить". Да, прав».

Шугай вздохнул и покосился на винтовку, которая рядом лежала. «Разве я хочу, чтобы Эржика делала тяжелую мужскую работу? Разве я не хотел нормальной жизни? Я не забыл и никогда не забуду, что родился в крестьянской семье. А жизнь крестьян планирует сама природа. Как только прорастут луговые травы, а на деревьях проклюнутся почки, нужно сеять яровую пшеницу. Пора ячменя наступит, когда зацветет калина...

Нет, ничего я не забыл. Бывало, только кончится зима, а мы с отцом уже выходим в поле. Только после молитвы можно начинать работу. Отец брал в руки плуг, осторожно снимая им верхний слой земли, опасаясь зацепить материнскую основу, или, как говорили в народе, "мертвицу". Свежевспаханная земля веером рассыпалась из-под плуга, дышала теплым влажным паром. Отец, отец, где ты сейчас?»

Солнце стало припекать. Ветер разогнал мрачные облака, заголубело небо, а яркое солнце разогрело воздух. Погода наладилась. Эржика придет. Никола терпеливо ждал, глядя по сторонам. Летом в лесу людей хватает: кто придет за грибами, кто за ягодами, кто-то за хворостом. Никола знает, что ему следует быть осторожным. Бывает так, что встретится с тобой человек в лесу, заведет приятный разговор и даже дружески похлопает по плечу, а вернувшись в село, побежит доносить жандармам.

Вдруг закралось в душу сомнение: «А если Эржика не сможет прийти сегодня? Вдруг за ней следят? Сказал же Юрка, что жандармы около нее крутятся. Больше всех — какой-то Богумил. Говорят, он не простой жандарм — ученый, книги читает. Я-то знаю, что можно хорошо жить и без книжек, но Эржике нравятся ученые люди. Вон как Менделя уважает!.. Когда мы с ним подрались на Пасху, она его защищала, а не меня».

Но ближе к полудню Никола увидел, наконец, на лесной поляне знакомый силуэт. Эржика! Пока она шла, муж высмотрел место, куда

ответит ее. Расположиться решил в тени старых дубов, под которыми лежит теплая прелая земля.

Эржика все ближе... Никола побежал ей навстречу. Встретил. Взял грабли из ее рук, повесил на дерево, а ее прижал к себе.

— Подожди, Никола, дай хоть руки освободить! — смеялась жена.

Никола подхватил узелок, повесив его на ветку дерева. Эржика задержала на ней взгляд: ветка тонкая, гибкая, закачалась под тяжестью, выдержит ли?

— Куда смотришь? Смотри на меня! — шутя сказал Никола.

— Николко, ты соскучился? — спросила Эржика.

— Еще как! Если бы ты знала, как тоскую по тебе!

— А сейчас не тоскуешь?

— Вот увидел тебя и забыл обо всем, — счастливо улыбнулся муж.

Эржика огляделась:

— Нас никто здесь не увидит?

— Не бойся, все будет хорошо, — муж взял ее ладони и спрятал в них свое небритое лицо.

— Давай сядем, покушаешь, — предложила она.

— Нет, не буду кушать. Хочу тебя любить! Я так тебя целовать хочу! — шептал Никола. — Иди со мной, Эржико!

— Куда?

— Недалеко отсюда, — ответил он.

— Возьми узелок, — женщина показала на ветку дерева кивком головы.

— Пока не нужно! Пойдем!

Она молча шла рядом, тихая и покорная. Никола несколько раз останавливался, чтобы поцеловать ее.

— Одичал ты совсем, — ласково упрекнула его Эржика.

— Есть немножко, — согласился муж и обнял ее так крепко, что она вскрикнула. Потом подхватил ее на руки и зашагал в глубь рощи. Под ногами хрустели сухие ветки. Эржике было неловко.

— Давай я сама пойду!

— Не пойдешь, не пушу!

— Далек еще, упрямец?

— Уже пришли, — остановился муж.

В тени развесистого бука Никола осторожно опустил драгоценную для него ношу на землю и сел рядом. От жены исходил запах свежего хлеба и любистка. Этот запах будил в нем сладостное желание любви и счастья, напоминал о тех минутах, когда он жил в отцовском доме, мать пекла хлеб и Эржика была всегда рядом. Если бы знать тогда, что это и есть счастье.

—Эржико! — шептал Никола. — Милая моя Эржико, я без тебя с ума схожу!

—Николо, Николо, — жена откинула с его лба пряди черных волос и поцеловала как ребенка...

Высоко в небе плыло яркое солнце, а сквозь густые ветки деревьев виднелась небесная синева. Тихо шепталась листва над головой. Они лежали на земле. И так некстати возникло перед ней лицо Богумила. Ее охватило какое-то раздражение.

— Что с тобой, Эржико? — спросил Никола, чувствуя перемену в ее настроении.

— Ничего, — ответила она, — просто так. Какая-то ветка под спиной.

Никола встал во весь рост, поправил штаны и широкий ремень на талии.

— Я так кушать захотел! — сказал смеясь.

— Давай вернемся к дереву, на котором узелок оставили?

— Давай!

Они спустились вниз. Никола снял с ветки узелок, Эржика достала оттуда постные голубцы с грибами, печеную картошку, свежие кукурузные лепешки.

— Кушай, Николко! Картошка еще теплая. Надо же! — удивилась она.

Муж принялся за еду и кушал с такой жадностью, что она отвела в сторону взгляд.

Наконец он справился с едой и, вытерев ладонью рот, сказал:

— Теперь можно и поговорить! У тебя новая сорочка? — спросил Никола и нежно провел своими пальцами по вышивке рукава.

— Не сорочка, а только новые уставки, — поправила жена.

— Почему ты такая красивая, Эржико? — спросил Никола, но уже с грустью.

Эржика встревожилась, нахмурила брови:

— Что с тобой, Николо?

— Ничего, просто очень скучаю по тебе. Хотел бы видеть тебя каждый день.

Она молчала, а он, глядя на ее рукав, продолжал:

— Для кого ты вышивала свою сорочку?

— Только для тебя, Николко! — быстро ответила Эржика.

— Для меня? — неуверенно проговорил муж.

Жена не ответила, и он не нашелся, что еще сказать. Первой прервала молчание Эржика:

— Как ты думаешь, Николко, кто убил невинных людей на перевале?

—Тебе зачем это знать? Какое тебе до этого дело?

—Почему не мое дело? — с твердостью в голосе говорила Эржика. — Мое это дело, потому что на перевале убили людей, а люди думают, что это ты убил. Понимаешь, Николо? Ты думаешь, что мне легко пережить такое подозрение? Каково нашим родителям? Я вижу, как мучается мой отец. Но, когда я спрашиваю об этом тебя, ты молчишь.

—Что я должен делать? — рассердился он.

—Если ты не виновен — вернись в село. Расскажи все в жандармерии. Неужели посадят невинного человека?

—О, как ты заговорила! — рассердился Никола и резко оборвал ее: — Кто тебя научил этим словам?

—Почему меня надо учить? Я сама так думаю. Это нужно для того, чтобы успокоить совесть перед Богом!

—Перед кем? — спросил язвительно Никола. — Перед Богом?

—Не смей богохульствовать! — тихим, но твердым голосом сказала Эржика. — Как ты смеешь так говорить?! А еще ходил в церковь со мной венчаться?! Зачем кривил душой перед алтарем?

—Я не кривил... Венчание — это просто обычай. И все! Так придумали люди, чтобы не скучно на свадьбе было гулять.

—Гулять?.. И все?! Что-то у нас с тобой не так, Николо. Тебе нужно очень хорошо обо всем подумать.

—О чем подумать?

—Обо всем.

—Пусть думают жандармы, а пуще всех пусть думает тот ефрейтор, который около тебя крутится, — то ли в шутку, то ли всерьез ответил Никола.

—Ты о ком?

—Сама знаешь!

—Тебе Юра эти глупости наговорил? Он видел нас на улице, когда жандарм спросил меня о чем-то. Но этот человек не сделал тебе ничего плохого!

—Вот видишь, ты его уже защищаешь! — Никола не скрывал своего гнева.

—Не кричи, тебя в селе слышно, — тихо сказала Эржика. Она встала, поправила юбку и катран. — Пойду я. Сено надо сушить! Солнце уже высоко, а я ничего еще не сделала.

Муж молчал, покусывая красиво очерченные румяные губы. Эржика сняла с ветки грабли, посмотрела на его сердитое лицо:

—Не обижайся, Николо. Оставайся с Богом!

—Пойдем вместе, — сказал он, — я тебе помогу!

—Нельзя тебе рисковать — отец скоро придет, поможет. Собрать сухое сено нетрудно.

—Ну да...

—Ты тоже на меня не сердись, Эржико!

XXI.

Никола перешел через овраг, оглянулся на тропинку, по которой ушла Эржика, и сердито сплюнул в сторону. Он был зол, что свидание с Эржикой не принесло ему ожидаемой радости, и винил в этом жену. «Почему она изменилась ко мне? — спрашивал он себя. — Может быть, мой дорогой тесть настроил ее против меня? А кто еще, кроме него? Хорошо, что он откровенный враг. А другие? Все труднее разобрать, где враги, а где друзья.»

Никола медленно шел по еле заметной лесной тропе, которая изгибалась между сосен. Шел безо всякой цели. Некуда ему спешить. Та, к которой он так спешил, пожелала, чтобы он добровольно сдался и сел в тюрьму. Ну уж нет! Лучше пулю в лоб.

Где-то треснула сухая ветка, так, будто кто-то на нее наступил. Никола спрятался за широкий ствол дерева и стал выглядывать, кто это там. Марту он узнал сразу. Она держала в одной руке корзинку, в другой — букетик какой-то травы. Поднималась в гору. Никола пошел следом, но не тропой, а лесом.

Марта здесь. Увидев ее, он вспомнил то время, когда любил ее. И это тоже было счастье. Они с Мартой переходили речку вброд, шли в глубь леса, подальше от села. Там наедине с природой гуляли, сидели под звездным небом и говорили друг другу нежные слова. Только таинственный месяц в небе был свидетелем их любви.

Марта жила одна. Никто не спросит, где была, с кем гуляла допоздна. А Никола приходил домой ночью, когда все уже спали, но утром приходилось выслушивать упреки.

—Никола, одумайся, нельзя так поступать с девушкой! — предостерегала мать. — Марта — сирота, она тебе доверилась, а ты ее обманываешь. Что люди скажут?

—В чем я виноват? — прикидывался невинным Никола.

—Обманываешь девушку, а перед нами строишь из себя дурачка! — строго отвечал отец.

—Пусть она не верит! Девушка не должна всему верить! — отмахивался Никола.

—Какой умник! Смотри, как бы Бог не отобрал разум!

—Хватит вам спорить! — сердилась на них мать. — Марта тоже должна о себе подумать. Я ей уже говорила, чтобы плотно держала

колени, сидя с тобой. Ее-то некому надоумить, а с такой свободой, какая есть у этой девушки, недалеко и до позора...

Но, как известно, молодые люди больше прислушиваются к своим чувствам, нежели к словам родителей. Чем чаще предостерегали Николу, тем чаще они встречались с Мартой. За такими прогулками и не заметила девушка, как упрямые губы Николы обожгли ее щеки, губы, шею, грудь. Естественно и просто наступила их близость. Казалось, что небо дрогнуло над головой, земля поплыла под ногами.

После того как они переступили эту черту, их отношения изменились. Молодые люди все реже смотрели в небо и не считали больше звезд, а просто искали укромное местечко, чтобы покрепче прижаться друг к другу.

Но встречались почему-то все реже и реже.

Однажды Никола спросил:

— Марто, тебя никто не видел из колочавских баб?

— Чего ты вдруг? Никогда так не спрашивал, — удивилась девушка.

— Просто так спросил — разговоры по селу пошли. А ты что подумала?

— Если мы поженимся, разговоров не будет, — откликнулась Марта.

Никола молчал. Ему нечего было сказать ей. Он уже насытился пылкой любовью Марты и теперь все больше поглядывал на Эржику. В ней он видел ту душевную возвышенность, которой ему не хватало, с ней хотел связать навсегда свою жизнь.

Теперь все в прошлом. Он идет следом за Мартой, которая, видимо чувствуя его присутствие, начала оглядываться. Ему кажется, что она идет как-то медленно, будто кого-то ждет. Не похоже, что пришла в лес по делу: прошла мимо кустов голубики и даже не остановилась. Зачем пришла?

Никола знал, что жандармы привлекают к его поимке всех односельчан. Знал, что могут и подкупить знакомых ему людей, и даже его друзей. Жандармы — это представители власти: могут попросить, но могут и приказать. Может быть, и Марту вовлекли в свои сети? Эти мысли так возмутили его, что он, забыв о всякой предосторожности, выбежал на тропинку, догнал Марту и тронул ее за плечо.

— Ой, Никола! Как ты меня напугал! — вскрикнула она и остановилась.

— Ты одна? — тихо спросил он, глядя по сторонам.

— Одна, не бойся!

— Чего мне бояться? Тебя, что ли?

— Хотя бы и меня! — с вызовом ответила Марта.

— Теперь скажи мне, зачем пришла? Шпионить за мной? Обещала жандармам выследить меня? Сколько тебе за это заплатят? — сердито спросил Никола и взял за руку бывшую подругу, и поволок ее к ближайшему дереву.

— Больно мне! Отпусти!

Никола недоверчиво смотрел в лицо молодой женщины.

— Ты был когда-то ласков со мной! — напомнила она.

— Был, — отвечал беглец, прижимая Марту к стволу дерева. Какое-то время они молча смотрели друг другу в глаза.

— Я тебя спросил — ты шпионить пришла?

— Почему шпионить? — женщина широко открыла глаза и пристально посмотрела на Николу. — Или я не имею права зайти в лес? Он твой, только для тебя? Лес-то...

— Отвечай, зачем приходила? — настойчиво переспросил Никола.

— За шиповником!

— Где твой шиповник? Покажи! — он заглянул в пустую корзинку.

— Видишь, у тебя пустая корзинка, а шиповник не растет в этих местах. Значит, ты пришла за мной следить или за Эржикой?

— Нет, нет, Николо, я не слежу! — воскликнула Марта.

— Говори правду, а то.

Никола сильнее прижал ее к стволу дерева, обхватил ее белую шею своими цепкими руками.

Марта испугалась. Она впервые видела Николу таким, ах, какие у него жестокие глаза! А эти сильные молодые руки могут равнодушно придушить ее.

Никола тоже смотрел ей в глаза, в эти чистые голубые озера, которые он так любил когда-то. Его память еще хранила тепло и запах ее тела. Он так бесшабашно воспользовался ее любовью, ничего не давая взамен, а теперь угрожает ей?..

Ему стало стыдно. Он разжал пальцы, нежно провел ладонью по ее шее и поцеловал в щеку с чувством благодарности.

Тихо было кругом, только каркнула ворона, сидящая на ветке ели, и тут же улетела в глубину леса.

— Теперь скажи честно, куда ты шла? — снова спросил он, но уже с нежностью.

— Куда?.. Мужика одного хочу приворожить, но та трава, которая мне нужна, растет только здесь.

— Приворожить?.. Кого же? Меня? — не дожидаясь ее ответа, Никола прижал женщину к себе. — Марточко, ничего не говори! Раз пришла сюда — будешь моей!

Он схватил ее, будто охапку сена, и повалил на землю.

— Николо!.. Не надо!

— Молчи, Марто! Первый раз, что ли? Что ты как ребенок!.. Она сдалась.

Потом они долго сидели рядышком и молчали.

— Пойду я, — нарушила тишину Марта.

— Кого ты хотела приворожить? — спросил Никола.

— Не скажу.

— Я угадаю.

— Угадывай!

— Ты хотела приворожить Богумила!

— Почему его? — удивилась Марта. — Богумил бегает за твоей женой.

Лицо Николы изменилось так, будто кто-то сильно ударил его кнутом. Марта испытала к нему почти жалость.

— Ты не переживай. Он служивый парень. Мог получить такое задание от начальства. Верно? — сказала она.

— Верно.

— Пойду я! — Марта поднялась, отряхнула одежду от сухой травы и подняла корзинку.

— Подожди, Марто!.. Приходи сюда через неделю, вот на это место. Я тоже приду. Почему бы нам снова не любить друг друга?

— Отлюбились мы, Николо!

— Почему «отлюбились». Давай заново начнем.

— Прощай, Николо!

Ушла Марта. Всю дорогу думала о встрече с Шугаем. Но не понимала, то ли радуется она, то ли обижается. А главное, почему так горько плачет?..

«Нервный стал Никола, — думала Эржика. — О хозяйстве даже не вспомнил, не спросил, как мне живется, как работается? Знает, что нелегко. Кто дрова на зиму заготовит? Кто заборы починит? И сарай для скотины надо утеплить к зиме. Ни о чем не вспомнил. Получил свое — и снова в лес».

Она сгребала сено, уже почти успевшее высохнуть. Еще пару часов полежит на солнышке и можно везти в амбар. А зимой возьмешь его в руки — и будто полевой летний ветер овеет лицо.

Закончив работу, Эржика наполнилась из ручейка воды, села отдохнуть. На зеленой поляне благоухали дикие гвоздики, васильки, клевер, колокольчики. Так бывает, что порой даже мимолетный взгляд на природу заставит подумать о вечном. В такие минуты обязательно сделаешь хоть и маленькое, но открытие.

Так и Эржика смотрела вокруг, удивляясь: ни один цветок, ни одно растение не похожи друг на друга, у каждого своя тайна. Вот трава зверобоя. Молодая женщина осторожно сорвала ветку и долго

рассматривала маленькие желтые листья. Это маленькое растение наполнено великой лечебной силой, которая может победить страшную болезнь. Но не все люди умеют этим воспользоваться. Тайна открывается только мудрым и верующим людям. О таком человеке, Израиле Беште, ей рассказывал отец.

Бешт был из подольских евреев, жил в Галиции. Чтобы заработать на хлеб насущный, копал глину, которую продавала его жена на рынке. Но душа Израиля лежала к другому. Со временем он настолько изучил свойства растений, их лечебную силу, что стал хорошим знахарем. Многих излечил благодаря травам и мольбам о заступничестве, обращенным к Богу. Он был верующим человеком и считал, что мир вокруг нас создан как бы из Самого Господа, является одним из Его проявлений.

Ласковое дуновение ветра Эржика восприняла как чье-то дыхание. Она прильнула к земле всем телом, спрятала лицо в гладкой полевой траве: «Получается, все, что я вижу перед собой: — горы, долину, речку, — все это лик Господа!.. »

От этих мыслей Эржика почувствовала такое волнение, что на глазах появились слезы: «Господи Милосердный, помилуй мя!.. »

XXII.

Абрам Бер — старик с длинной седой бородой и густой шапкой седых волос — возвращался домой, в Колочаву. Он ездил на ярмарку в город Мукачево. Уже проехал Воловый, повозка поднималась в гору по знакомой извилистой дороге. Все ближе горный перевал, все ближе Колочава. Скоро он будет дома.

Все было хорошо в жизни Абрама, пока однажды не появился на этой дороге упрямый гой*, Никола Шугай. Вырос внезапно, как из-под земли, да еще улыбался, показывая свои белые зубы. Нахал! Стоял на дороге и отдавал Абраму Беру четкие указания:

* Гой — не еврей, иноверец (ивр.).

... и дадут вещи. Вы их продадите, а вырученные деньги оставите в том месте, которое сейчас покажу! — Никола показал на дерево, в котором уже успел вырезать дупло. — Если задумаете обмануть, — будете возвращаться с ярмарки голым!» — добавил разбойник и тут же словно обратно под землю провалился.

Пришлось Абраму Беру (уже в который раз!) заниматься перепродажей каких-то чужих краденых вещей. Вай-вай...

Абрам опустил худые плечи и тонкой рукой пригладил седую бороду. Мог ли он когда-нибудь представить себе, что Никола Шугай, недавно еще бывший маленьким смуглым мальчиком, которого Бер угощал леденцами, станет ему указывать, что купить, а что продать?

Солнце спряталось за горы, тень стелилась в горных ущельях. От зеленых дубрав веяло вечерней прохладой. Все ближе и ближе то несчастное место в лесу, где он должен оставить Шугаю деньги за проданные вещи. Абрам тяжело вздохнул.

Монотонно скрипели дроги. Старый еврей постарался вспомнить что-то приятное. В памяти возник образ Мукачево. В этом старинном городе скрещивались все древние торговые пути. Один из них пролегал через перевал Верецкий, который в старину называли Великими Русскими воротами. Из Мукачево этот путь выходил в Среднедунайскую низменность. Торговые караваны снаряжались из Львова до Константинополя. На ярмарке в Мукачево можно было купить все: пояса, обувь, бижутерию, хорошие вина и разнообразное сукно — английское, голландское, французское, моравское.

Абрам и сам родился в этом городе в старинной купеческой семье. Его прадед когда-то жил в Венгрии, в так называемой венгерской пуште. Портрет прадеда до сих пор висит на стене в комнате Бера. Это был толстый человек в ермолке, с длинной седой бородой и умными глазами. Говорят, он был очень хорошим купцом, всю жизнь шел к этому. Детство у него было трудное, в десять лет остался сиротой, стал прислуживать у какого-то старого торговца, но уже в двадцать пять лет открыл собственную лавку.

Мать Бера рассказывала, что когда прадед впервые увидел Мукачево, то полюбил его за изумрудные зеленые холмы, за села, утопающие в садах и виноградниках, а в тысячу восемьсот пятом году переехал сюда с семьей.

Это был особенный год, и его запомнило все семейство Бера. «Не успели мы вздохнуть после дороги, — рассказывала прабабушка, вдруг слышим: "...Наполеон занял Вену и вступил на территорию Венгрии!" А спустя много лет мы узнали, что Венгерскую корону вывезли из Буды, столицы Венгрии, и спрятали в Мукачевском замке».

Как раз у подножия холма, где стоял этот замок, прадед Абрама построил большой каменный дом. Замок, свысока глядевший на окружающие его город и села, с детства заполнял собой воображение Абрама. Архитектурой этой крепости нельзя было не восхищаться. Можно было часами бродить вдоль крепких бастионов и рассматривать каждую их деталь. Историю замка, в котором было сто двадцать залов и других помещений, Абрам тоже знал. В тысяча

триста девяносто шестом году венгерский король Сигизмунд пожаловал его князю Федору Корятовичу.

Абрам представил себе, как князь прибыл на эту землю со своей многочисленной челядью, как поселился он со своей семьей на самой вершине горы, в Старой башне. Известно было, что к ней по узкому сводчатому тоннелю ведет тайная лестница. В скале князь велел выдолбить колодец глубиной восемьдесят пять метров. Шло время. Архитектура замка тоже менялась: застроилась замковая гора, появились террасы и перекидные мосты. Была построена и церковь.

Одно время Абрам мечтал стать архитектором, но однажды отец сказал ему:

— Нужно срочно ехать в Колочаву! Дядя Иосиф уже слаб, свою лавку завещал тебе. Пока он жив, многому тебя еще научит, а потом ты уж сам...

— Хорошо, отец, — послушно сказал Абрам и смиренно расстался со своей мечтой.

В Колочаве он с усердием принялся за работу, а вскоре познакомился с красивой еврейкой по имени Натела и познал счастье.

Первая дочь родилась у них в самом начале Первой мировой войны.

В это время русские войска подошли к Ужоцкому перевалу и за два месяца овладели Воловецким, Свалявским, Иршавским и Воливским округами. Крестьяне показывали русским тропинки через хребты, помогали транспортом и фуражом, а чиновники писали на них жалобы своему начальству. Ужанский наджупан* с тревогой сообщал министру внутренних дел Венгрии:

«...Везде проявляются симпатии к россиянам, люди надеются на их прибытие и откровенно рады этому. Сельские старосты ненадежны. Жандармерия еле справляется со своими обязанностями. Необходимо усилить жандармерию. Окружной начальник затронул вопрос о военном положении».

* Наджупан — начальник административно-территориального деления.

ия
все еще занимала и грабила обширные чужие территории, но экономическое и военное истощение империи Габсбургов умерщвляло ее.

Абрам, впрочем, не бедствовал. Терпимый физический изъяс освобождал его от участия в войне, но он регулярно читал газеты и был в курсе боевых действий.

За четыре года кровопролитных действий от войны устали не только простые люди, но даже императоры и главнокомандующие. Начавшееся генеральное наступление войск Антанты привело к тяжелому поражению и отступлению германской армии.

В ставке германского главнокомандующего на совещании коронного совета открыто было сказано, что положение армии катастрофическое, поэтому необходимо добиваться окончания войны путем дипломатических переговоров.

И вот на совещание прибыли император Карл, министр иностранных дел Австро-Венгрии Буриан и начальник австрийского генерального штаба генерал фон Арц. Они выступили с официальным заявлением, которое гласило: «Австро-Венгрия достигла предела своих сил, и сомнительно, окажется ли она в состоянии выдержать предстоящую зимнюю кампанию».

К тому же обнаруживался провал оккупационных планов на Украине. Правительство Австро-Венгрии вынуждено было эвакуировать оттуда свои части. Солдаты возвращались на родину, исполненные глубокой ненависти против тех, кто послал их на войну. Положение империи стало безнадежным. Правительство начало искать пути к немедленному заключению сепаратного мира.

В семью Абрама Бера пришла новая радость. В самом конце войны его жена родила вторую дочь. Погода той осенью была славной: струились золотым светом солнечные лучи сквозь пожелтевшие листья, а дни были теплые, как летом. На удивление хорош оказался урожай слив. Под тяжестью черно-синих плодов сгибались ветки на деревьях, а перезревшие сливы с легким стуком падали на землю.

Абрам построил к этому времени второй по величине дом в Колочавае. Здание, как и его хозяин, не претендовало на внешний лоск. Самое главное — прочность, уверенность в завтрашнем дне. Благосостояние семьи — вот кредо Абрама Бера, а хранить свою собственность Бер умел, как никто другой. Когда румынские оккупанты разграбили Колочавау и нанесли ущерб селу на сорок тысяч крон, только Бер не пострадал и полностью сохранил свое имущество. Еще ценнее было то, что за годы, прожитые в Колочавае, Бер приобрел уважение и доверие односельчан, все считали его честным человеком.

Он убедился в этом во время крестьянского бунта в Колочавае. Непонятно, что с людьми творилось: толпа, вооружившись топорами, вилами и палками, начала громить дома богатых людей. Пришли и к нему — Абраму. Только он не стал прятаться. Вышел на крыльцо и призвал людей к благоразумию. Предупредил, что за погромы последует жестокая расплата со стороны властей. Честно сказал, что зачинщики будут жестоко наказаны. Так оно и случилось.

Бер выпрямил худые узкие плечи и вздохнул. Снова вспомнил про Шугая. «А Никола воюет, — подумал Абрам с раздражением. — Что тут поделаешь? Он — гой. Если его поймут и будут судить, он сразу укажет на меня как на соучастника. Тогда прощай мое доброе имя, именно сейчас, когда подвернулся для дочери хороший жених. Дурачок этот Шугай, он думает, что изменит законы жизни. Ему кажется, что если у одного можно отобрать, а другому отдать, то это и есть справедливость?.. Кажется, где-то здесь я должен спрятать для него деньги».

Абрам остановил повозку, зашел в лес, положил доллары и кроны в дупло старого дерева и поехал дальше.

Теперь уже недалеко до дома. Лошади, будто чувствуя близость стойла, веселее побежали по дороге. Абрам улыбнулся: вот-вот он увидит жену и дочерей. Каждую обнимет, одарит. Потом снимет пыльный дорожный кафтан, войдет в небольшую каморку и обратится к Господу Богу с благодарением за то, что Тот благоволил к Своему избранному народу.

XXIII.

— До чего везучий этот бетяр! — воскликнул Дербак с неподдельной злостью в голосе и ударил ложкой по столу.

— Тихо, Василь, у нас обед, а ты злишься! — тихим голосом упрекнула его Агафья.

— Как не злиться, Агафья?.. Неужели ты не понимаешь: пока этот бетяр свободно разгуливает по лесным тропам, я у жандармов просто заложник! Не только я, но и вся наша семья.

— Василь! — испугалась жена. — Что такое говоришь?! Господи, спаси нас, грешных!

Женщина перекрестилась. Потом взяла в руки глиняную миску, где лежали горячие вареники, налила масла и энергично встряхнула ее.

— Что он еще натворил, этот Шугай, эта короста, этот бетяр? Бедные его родители, скажу я тебе! — произнесла она в сердцах и поставила миску перед мужем.

— Ему снова удалось сбежать от жандармов! — ответил тот.

— Василю, а что ему еще оставалось делать? Его гнали — он бежал!

— И ты туда же!.. Его будут еще долго догонять, если он не образумится. Я удивляюсь, неужели ему еще не надоело это? Пришел бы лучше в жандармерию с повинной. И как ему не жалко, что страдает из-за него вся семья?

Василь вздохнул, крепче сжал в руках деревянную ложку, но, кажется, передумал есть и снова продолжил говорить:

— Подумай, Агафья, до чего везучий Шугай! Поневоле поверишь, что заговоренный, как говорят наши бабы!.. Черт бы его побрал! — снова выругался Дербак.

— Василь! — повысила голос жена. — Успокойся!

— Успокойся! Ты знаешь, что он умудрился устроить ночлег на чердаке в доме старосты в то время, когда внизу спали жандармы!

— Вот и радуйся, что его не поймали, — сказала Агафья.

— Почему? — удивился он.

— Подумай, очень хорошо подумай!

Дербак замолчал. «Неужели она намекает на то, что если Николу поймут жандармы, то вытряхнут из него все, как из мешка. Раскроются многие преступления. Люди узнают о его ближайших помощниках. И тогда я тоже предстану перед судом?»

— подумал Василь.

— Василь, обедать пора! У нас еще полно работы, — напомнила жена. Агафья уже нарезала щедрые куски черного хлеба.— Зови Адама. Где он?

— В саду, сейчас позову, — ответил Василь и вышел во двор.

После обеда каждый занялся своей работой.

Василь складывал дрова в поленицу. Адам ему помогал.

Агафья полола морковь за домом, в тени старой груши. Изредка поднимала голову, любуясь густым садом, обилием красных яблок на деревьях, или любовно оглядывала свой дом, добротный, просторный, светлый. В такие минуты она испытывала чувство благодарности к своему мужу. Все, что построено, сделано его руками.

«Грех мне жаловаться на судьбу, — говорила себе мысленно Агафья, — не обидел меня Бог. Да, я некрасивая, зато небедная. Это раньше, лет в семнадцать, боялась смотреть на себя в зеркало. Плакать хотелось от обиды: голова большая, лицо плоское... »

«Почему я не такая красивая, как другие девушки?» — спрашивала она у матери и ревела. «Не плачь, — отвечала мать, — зато ты одна у родителей и на твое приданое всегда найдется охотник».

Отец тоже успокаивал:

— В семье не красота важна.

— А что?

— Сама поймешь, — говорил он загадочно. — Муж у тебя будет хороший. Обещаю!

Агафья поверила его словам, и тогда исчезли ее страхи.

Отец слов на ветер не бросал, все больше присматривался к одному своему слуге — Василию Дербаку. Этот мальчик-сирота батрачил у него с детства, и хозяин давно успел разглядеть в нем и хозяйственную хватку, и трудолюбие. Когда юноша возмужал, отец Агафьи предложил ему жениться на дочери, пообещав отдать все хозяйство. Василь Дербак с удовольствием согласился.

Сыграли свадьбу. Молодой муж не обижал жену. Уважал, как умел.

И Агафья вдруг похорошела. А сколько женской гордости она испытывала, когда сидели они с мужем рядышком за столом на крестинах или на свадьбе, а на них бабы смотрят, будто сравнивают. В чужих глазах можно было прочесть, что Василя считают красивым, а ее... Но Василь отвечал — тоже взглядом: «...Что, сравниваете? Ну, давайте смотрите. Я вот какой: молодой и крепкий, как дуб... А жена?.. Что жена? Вы не знаете Агафью. Ее красота создана только для мужа. Но я знаю, какая у нее красивая грудь, какие у нее ровные, будто точеные ноги и тонкая талия. А ее любовь ко мне? Разве это мало?!»

А потом положит руку на колено жены, дружески похлопает: пусть не думает, что забыл о ней.

Василь и сам изменился. Почувствовал в себе силу и достоинство. Еще бы! Теперь он не слуга. Теперь ему прислуживают.

Отец Агафьи умер ровно через год после свадьбы дочери. Молодые начали строить новый дом — высокий, добротный, на возвышенности. С северной стороны он был защищен густым лесом, а с южной его украшал пышный яблочный сад. Прикупили еще земли, приумножили свое хозяйство.

И все было у них, кроме детей. Хозяйство процветало, так что Агафья уже не справлялась одна, и тогда Василь настоял на том, чтобы взять в дом служанку.

Она пригласила свою племянницу из другого села. Появилась девушка в доме Дербак в сочельник. Она была очень худенькая, с

овальным, красивым, как у Мадонны, лицом, только голос был слишком высокий и писклявый. Ее звали Магдалена.

—Що зробити?* — спросила она хозяйку.

—Даже не спрашивай! Работы навалом, Магдочко! — отвечала Агафья, вытирая фартуком потный лоб. — Не зря говорят, что дурак всегда найдет себе работу. Так это про нас с Василем.

Да и ты, Магдочко, скучать не будешь. Завтра Святое Рождество. Нам нужно поставить на стол четырнадцать страв**. Перед вечерей обойти все обийстя***с угольками в руках. С молитвой на устах

отогнать от скотины нечистую силу. Потом занесем отаву в дом. Надо постелить ее на стол, под белую скатерть.

А еще заранее приготовить угощение для коляды. Ой, все не скажешь! — радостно суетилась Агафья.

Подбросив дров в печку, она подошла к окну. Воскликнула: «Ой! Снег пошел! Такой красивый, пушистый. Вот радость детишкам на Рождество!»

Агафья радовалась, вытирая запотевшие стекла в окнах. Потом предложила:

— Давай начнем с голубцов.

— Добре! — кивнула Магда.

Хозяйка занесла квашеную головку капусты, поставила ее на стол и обратилась к племяннице:

— Смотри, как я делаю, а потом будешь делать голубцы сама.

— Добре! — пропищала Магдалена. Тетя

возбужденно продолжала:

— Иди поближе ко мне, хорошо смотри на мои руки! Смотри, смотри! Видишь, как работают мои пальцы? Вот и хорошо! Сейчас будешь делать сама. Думаю, ты когда-нибудь оценишь, что попала в порядочный дом, потому что я научу тебя всякой домашней работе.

— Уже ценю, тетя Агафья, — сказала девушка и принялась за дело.

За выпечку Агафья взялась сама, искоса наблюдала за служанкой. Когда у Магдалены подгорел лук, а голубцы начали разваливаться в руках, хозяйка не смогла скрыть огорчения.

— Разве это голубцы? — спрашивала она Магдалену, вытряхивая начинку из капустных листьев. — Запомни: голубцы должны быть маленькие и упругие, а что у тебя?

Магдалена виновато опустила голову.

Вошел в дом Василь. Магдалена подняла глаза на него и покраснела. Василию показалось, что девичьи глаза просят у него защиты, но он поспешно вышел на улицу: не хватало еще вмешиваться в женский спор.

Через полгода Василь, Магдалена и слуга-подросток стоговали сено на лугу.

Магдалена, стоя на вершине стога, поскользнулась и чуть не упала на землю, но Дербак успел поймать ее на лету.

* Що зробити? — что сделать? (диал.).

** Страва — блюдо (диал.).

*** Страва — блюдо (диал.).

«О! — воскликнул молодой хозяин от неожиданности. — Сама падаешь в руки! Надо же!» — и он невольно задержал в своих руках это легкое теплое тело.

После этого что-то сблизило их.

Через год уже все в Колочаве знали, что служанка Магдалена ждет ребенка от хозяина.

Агафья, узнав эту новость, схватила прялку, которая была под рукой, и сломала ее на спине молодого мужа. Потом принялась за Магдалену.

«Я не виновата! — оправдывалась Магдалена. — Не виновата!»

Вскоре после семейного скандала, когда все секреты уже знали в Колочаве, Дербака призвали на военную службу.

Женщины остались дома вдвоем.

Когда Василь вернулся из армии, его встретила одна Агафья с маленьким ребенком.

— Где она? — тихо спросил он.

— Умерла при родах, — так же тихо ответила жена.

Лицо Василя перекошилось от боли. Он вышел из дома. Когда вернулся, казался совершенно спокойным. Молча подошел к ребенку и долго всматривался в крошечное личико младенца:

— Как его зовут?

— Адам.

— Прости, Агафья! — он заплакал.

Агафья давно простила все обиды. После всего Василь стал для жены еще дороже.

Адам рос в любви и заботе. Теперь у Дербачков был наследник. Своим появлением на этот свет он еще крепче связал их.

«Адам такой душевный, добрый и красивый парень, — думала Агафья. — Дай Бог ему счастья! И не чужой он мне, нет, не чужой!»

XXIV.

Ночью Дербачку приснилось, будто он лежит под огромным камнем, который придавил его к земле и не дает дышать. Василь задыхался и бессильно глотал воздух, которого не хватало. Смерть была совсем рядом.

Проснулся внезапно в холодном поту с ощущением животного страха. Рядом спокойно спала Агафья. В противоположном углу комнаты на широком деревянном диване спал Адам. Услышав чистое молодое дыхание сына, Василь успокоился.

В доме было душно. Он поднялся с жаркой постели и осторожно ступил босыми ногами на крепкие половицы. Тихо открыл дверь и вышел во двор.

Ночной воздух свежестью обнял его. Дышать стало легче.

Дербак сел на порог, глядя перед собой в темноту. Село спало в ночной тишине. На небе не было ни луны, ни звезд. «И здесь тихо, как в могиле, — подумалось. — А умирать все-таки страшно. Мучительно и страшно. Хорошо, что человек не знает, когда придет его смерть. Правду говорят, всегда нужно быть готовым к ее приходу. Но я не готов. В церковь хожу со страхом, боюсь идти на исповедь. Как было хорошо раньше, когда я жил честно, с чистой совестью шел в церковь, искренне каялся в своих мелких грешках. Душа была легкая, как птичка. А сейчас?»

Самое страшное в моей жизни — это Буштыно».

Вот в такую тихую ночь произошло это страшное преступление. Все началось с доброты Агафьи. Она собрала узелки с подарками для своих маленьких племянников, которые жили в Буштыно, и попросила мужа:

—Василь, отвези это детям. Да посмотри, как они там живут без матери? Ведь рядом с ними только полоумная тетка. И когда эти горе-родители вернутся из Америки?

—Люди думают, что там доллары висят на заборах, — заметил Василь.

Мужа двоюродной сестры Агафьи он не уважал. Считал его слишком хвастливым, ленивым, любителем выпить за чужой счет.

— Вот-вот, как говорил мой покойный отец, Царство ему Небесное, хорошо там, где нас нет! — поддакивала мужу Агафья. — Но дети, думаю я, страдают без мамы. Василию, ты съезди. Оставишь детям наши гостинцы и спокойно вернешься в Колочаву. Никто тебя там не станет удерживать!

— Хорошо, съезжу! Собрался

Василь, поехал.

Добрался до места в полдень, открыл скрипучую калитку маленького покосившегося дома, в котором жили родственники Агафьи (в последнее время их называли в селе «американцами»). К его удивлению, входная дверь была открыта настежь. Из дома доносился громкий людской разговор.

Оказалось, что «американцы» уже приехали и отмечали свой приезд. В доме былолюдно и шумно: уже успели прибежать соседи, уже резвились дети, радуясь возвращению родителей.

—Слава Иисусу Христу! — поздоровался Василь, остановившись на пороге маленькой светелки.

—Навеки слава! — ответили гости и домочадцы.

Из-за стола вышел хозяин дома, высокий и очень худой мужчина. «Он похож на жердь», — подумал Василь и улыбнулся хозяйке дома.

—Василь приехал! — обрадовалась она. — Давай садись с нами за стол!

—Давай за стол! — повторил ее слова хозяин. Они обменялись рукопожатием.

—Присаживайся! — снова попросил хозяин.

—Спасибо, я ненадолго. Мне сегодня еще надо вернуться домой, — говорил Дербак. — Вы когда приехали?

—Вчера и приехали! — ответила хозяйка.

Она стояла около печки, принимая от Василя узелки с вещами:

—Как много подарков! Ну, Агафья! Какое доброе у нее сердце, Василю! Спасибо ей, спасибо!

Около матери весело галдели дети. Василя приглашали за стол уже все незнакомые, которые дружно за ним сидели:

—Садитесь! Садитесь!

—Сюда, сюда! Мы подвинемся.

—В тесноте, да не в обиде! — слышались голоса.

—Присяду, присяду, — отвечал Василь, улыбаясь, — пусть добро садится в доме! До ночи еще успею приехать в Колочаву. Правда, люди добрые?

—А как же!

Василь взял в руки стакан с вишневым напитком. Выпил, попробовал свежих вареников с черносливом, послушал какие-то разговоры и встал из-за стола.

—Спасибо добрым людям за хлеб и за соль! Мне пора в дорогу!

Хозяин поднялся, чтобы проводить гостя. Они вместе вышли во двор.

—Как там Америка? — спросил Дербак.

—Хорошо! — отвечал довольный хозяин.

—Неужели там все так хорошо? — с легкой иронией в голосе спросил Василь. — Скажи честно!

—Не так легко, как говорят, — отвечал тот. — Я иногда упрекал жену за то, что она затеяла эту поездку. Называл себя дураком, что поддался уговорам. Но все как-то обошлось. Слава Богу, вернулись домой. Правда, там остался наш кум.

—Как остался? Насовсем? В Америке? Что он там будет делать?
— удивился Василь.

—Как что?.. Жить будет и работать. Он человек без роду, без племени... Здесь был одиноким, а там встретил хорошую женщину, а после и друзья у них появились. Теперь все вместе начали там строить православный храм.

—Молодцы! — одобрил Василь. — Молодцы! Ну а какие планы у вас с женой?

—Я буду строить новый дом. Хороший дом. Не хуже твоего, — засмеялся «американец».

—Бог в помощь, если так, — пожелал Василь. — Значит, приехал ты не с пустыми руками. Верно?

— Да, мы прилично заработали. Деньги у нас есть. Василь слушал, молча кивал головой, про себя думал: «Кто бы мог подумать, что этот голодранец что-то заработает. А ведь заработал. Факт, деньги у него есть. Однако мне пора».

Уехал Василь из Буштыно. Всю дорогу он думал о том, что вот-вот советская власть разорит его окончательно. Сколько уже земли отобрали, но на этом Советы не успокоятся.

Вернувшись в Колочаву, он рассказал своим товарищам о возвращении «американцев». Все долго говорили об Америке, о которой никто ничего не знал. В конце разговора кто-то снова заговорил о буштынских «американцах».

—Василю, — спросил один из друзей, — а ты им не завидуешь? Давай признавайся!

—Завидую! — сказал Василь. — Знаю, деньги у мужика есть, но не верю, что он построит дом!.. Никогда в жизни!.. Даже забор не починит! Он будет обещаниями семью кормить, а сам пить вино в пивнушке и хвастаться. Скажите, для чего ему деньги?

—Чтобы нам было кого ограбить! — воскликнул кто-то.

—Еще чего?! — возмутился Василь.

—Шутка!

Все приумолкли.

Через какое-то время двое мужчин в повязках поздней ночью вошли в дом «американцев». Проснулась хозяйка.

—Тихо, не кричи! — грозно прошептал один из разбойников, глядя на ее спящего мужа.

Она закричала...

К счастью, дети ночевали на сеновале. Утром они нашли родителей мертвыми.

Преступники до сих пор в розыске.

Василя мучили воспоминания об этом — и чем дальше, тем больше. В любом случае, он — соучастник. Конечно, это не он ворвался в дом, не он убивал. Но это он показал убийцам дорогу к несчастному дому. Он был их соучастником. За это черное дело он получил деньги. Значит, нет ему прощения.

Болит душа. Молчит ночь. Легкий ветерок притих, будто слушал его боль и растворял ее в ночи. На небе появились темные тучи. Как проклятые, они неслись по небу и напоминали черные оборванные ключья.

«Я готов к суду, — думал Василь. — Пусть будет суд: и Божий, и людской. Но сперва надо выследить Шугая. Как мне кажется, теперь он ходит в лесу с младшим братом. С Юрой. Этот пацан еще тот. Он будет похлеще Николы. Как посмотрит иногда — становится не по себе.

Завтра пойду мимо дома Петра Драча — поговорю с Эржикой. Надо подумать, как повести разговор. Она умная женщина, но очень простодушная».

XXV.

— Эржико! — окликнула соседку Марта, когда та с бадейкой в руках вышла подоить корову.

— Марта! — Эржика обрадовалась, увидев стоящую у перелаза подругу, может не такую уж и бывшую, и поспешила к ней. — Добрый вечер, Марточко!

— Добрый, Эржико, добрый, — весело отвечала та. — Чем занимаешься сегодня?

— Да всегда одно и то же: с утра стирала, сейчас собралась корову доить. Так и день прошел. Хорошо, что погода сегодня чудная!

Эржика посмотрела на небо. С востока медленно двигались перистые облака, а на западе горел красно-оранжевый закат.

— Красота-то какая, Господи! — сказала Марта, улыбаясь. Они стояли у перелаза. Мимо по улице прошла пожилая крестьянка с охажкой сухого хвороста, перевязанного веревкой. Поравнявшись с подругами, она поздоровалась, но на ее морщинистом лице отразилось откровенное удивление. Марта с Эржикой переглянулись и засмеялись.

— Все про нас знают, — сказала Марта.

— Это правда! Видишь, как удивилась, что мы снова вместе,

— говорила весело Эржика. — Да, в Колочаве ничего не скроешь!

— Не скроешь, — повторила Марта.

Эржика с благодарностью посмотрела на Марту: какая умница, что не сердится на нее!

— Красивая ты, Марточко, — сказала она. — Всегда красиво одеваешься! У меня так не получается, — Эржика посмотрела на свой пыльный передник.

— Зато у тебя есть корова, теленок, поросенок, куры, гуси и другое, а у меня нет ничего, — улыбнулась Марта.

Они снова засмеялись.

Надо же: впервые после свадьбы они так мило разговаривают!

— Спасибо, Марточко!

— За что?

— За то, что не сердиться?

— За что на тебя сердиться? И ты меня прости.

— За что?

— Неприятно мне было видеть тебя с Николаем после всего... Сама понимаешь... Эржико, я и сама во многом виновата. Помнишь, ты до свадьбы еще меня спрашивала — люблю я Никола или нет? Но я не сказала тебе правду. Думала, ничего ты не узнаешь о моей связи с ним. Теперь понимаю: надо было признаться тебе, а я, дура, все таила в себе. Боялась, что взглянут люди мое счастье. А вон как оно вышло.

— Думаешь, могло быть по-другому? — спросила Эржика.

— Ой, вряд ли, Эржико. Никола не оставил бы тебя в покое. Но теперь я даже рада, что получилось именно так.

— Рада?

— Да, рада, — повторила Марта, и по ее взгляду Эржика поняла: что-то случилось с Мартой.

— Ну, слава Богу! Вижу, что все у тебя хорошо! И будет хорошо и дальше. А мы с тобой не ссорились. Правда, Марточко?

— Нет, нет, мы никогда не ссорились! — подтвердила Марта и спохватилась: — Поставь ты эту бадейку на землю! Что держать ее в руках?

— Я пойду уже.

— Эржико, я тебе еще не все сказала.

— Не все? Что-то случилось? — настороженно спросила Эржика.

— Не бойся, уже все позади. Помнишь, на днях слухи ходили по селу, что Никола сбежал от жандармов в Нижнем Быстром?

— И что, Марто?

— Как что? Сейчас уже нашли виновного, кто не досмотрел

за ним. Многие жандармы будут наказаны, но виноват ефрейтор Богумил. Это он упустил Николу. Его наказали. Я слышала, что сегодня он уехал из Колочавы. Навсегда.

— Как уехал? Почему навсегда? — воскликнула Эржика. И тут же покраснела. Она поняла, что выдала свои сокровенные чувства. Вот почему так пристально посмотрела на нее Марта. Ох, уж это простодушие!

— А ты ничего не знала? — удивилась Марта. В ее глазах Эржика прочитала сочувствие, но именно поэтому ей стало стыдно.

— Почему я должна знать? — овладела собой Эржика. — Кто я ему, чтобы он мне докладывал? Жена, сестра или кума? Он жандарм. Человек он подневольный: куда пошлют — туда едет.

— Правильно, все правильно, — поддакнула Марта, будто оправдываясь.

— Может быть, его заставляли разговаривать со мной немного больше, чем ему хотелось, — задумалась Эржика.

— Может быть, — согласилась Марта. — Эржико, ты не волнуйся! Все у тебя будет хорошо!

— Спасибо, Марта! Пойду я доить свою корову.

— Доброй ночи, Эржико!

— Доброй ночи, Марточко!

Эржика вошла в хлев, нежно провела рукой по спине коровы. Села на маленький стульчик, старательно помыла набухшее вымя и начала дойку. Работала она машинально. Все время думала о Богумиле.

Как он мог уехать, не попрощавшись с ней? Но она-то какая дурочка! Решила, что между ними что-то произошло. Что-то великое и светлое, ставшее их святой тайной. Только этой тайной она и жила все это последнее время. Каждую ночь она засыпала с радостью, что совсем недалеко от ее дома, в здании школы, спит молодой человек — лучший на всем белом свете, засыпала с надеждой, что утром, когда село будет еще спать, а каждый листик, каждая травинка еще только умываются каплями росы, она вновь увидит Богумила, бегущего вдоль берега реки. Довольно увидеть его издали — и день наполнится смыслом и тихой радостью.

Теперь он уехал. Как ей дальше жить? Эржика заплакала. Сердце горевало, страдало, а рассудок утешал: «По ком ты страдаешь, Эржико? Подумаешь, уехал жандарм. Кто он тебе? Никто. Чужой человек. Ты радоваться должна, что он уехал, что одним жандармом в Колочаве стало меньше. Забыть его надо

уже давно. Грешно думать о нем, ведь ты замужняя женщина».

В таком душевном состоянии Эржика закончила дойку, но долго еще сидела, поглощенная своими переживаниями. В хлеву было тихо и тепло. Слышалось спокойное дыхание коровы. Пахло свежим молоком.

Вдруг послышались рядом чьи-то шаги: сильные и молодые, но не отцовские. Эржика резко обернулась и... увидела Богумила. Он стоял за порогом хлева, молча смотрел на нее и улыбался.

—Богумил! — вскрикнула она. — Ты здесь?! — в радостном порыве она шагнула к нему навстречу и упала на его грудь. Он обнял ее. Все произошло мгновенно. Но и за эти секунды их сердца успели признаться друг другу в любви.

—Богумил, ты здесь? — повторила она, и тут же ей стало неловко за поспешность. Она осторожно освободилась из объятий любимого.

—Где я должен быть, если не с тобой? — удивился он.

—Марта сказала мне, что ты навсегда уехал из Колочавы.

—Неужели? Как я мог уехать, не повидав тебя? Если меня куда-нибудь отправят, я скажу тебе об этом сам. Никуда я не собираюсь.

—Конечно, — согласилась Эржика, — работы много: вы еще не поймали Николу. Правда?

—Правда, но ты не должна обижаться на меня. Шугай — это Шугай, а ты — это ты.

Женщина взяла в руки бадейку с молоком:

—Пойду я.

—Давай помогу!

—Не надо. Не хочу, чтобы нас видели вместе.

—Поговори со мной! — попросил Богумил тихо.

—Хорошо, но не сегодня. Я так рада, что ты здесь. Самое главное, что ты не уехал, — сказала она. — Мы с тобой еще обо всем поговорим, но не сегодня.

Эржика спешила уйти: ей стало стыдно, что она слишком много себе позволила. Это же надо — упала ему на грудь, будто венчалась в церкви!

—Почему так спешишь?

—Отец меня ждет. Вечерю надо готовить, — сказала ласково.

—Я понимаю, — сказал Богумил.

Он все понимает, он уходит, но на прощанье целует ее руку:

—На схледану*, милая!

* На схледану — до свидания (чеш.).

XXVI.

За окном стоит поздняя летняя ночь. Спят жандармы крепким молодым сном, только Богумил ворочается на своей походной кровати и думает о своей любимой.

«Кто пошутил, будто я уехал? — размышлял он. — Очевидно, только капитан. Он большой любитель психологических трюков. Но для чего? Просто так? Конечно, нет. Видимо, хотел ускорить проявление скрытых чувств между Эржикой и мной. Если так — ему это удалось. Сегодня Эржика, сама того не желая, призналась мне в любви: не словами, но искренним сердечным порывом. Свои чувства она скрывает даже от себя. Скрывает потому, что она — замуженная женщина и воспитана в религиозной строгости. Бедная Эржика!»

Но мог ли Богумил предположить, что здесь, в Колочаве, ему суждено по-настоящему влюбиться? И в кого? В жену Никола Шугая! Теперь впервые в жизни он подумал о том, что хотел бы жениться именно на Эржике.

Однако пора спать. Он постарался погрузиться в сон, как в мягкое одеяло, как в детстве закрывался он им с головой, чтобы избавиться от страха, чтобы ни один волк не нашел его. Пришла, наконец, легкая дрема, еще немного, и он уснет. Всплыло в памяти лицо Эржики: глубокие глаза глядели ему в душу, и он растворялся в этой глубине. Правда, стоит в стороне Никола Шугай с винтовкой в руках, и взгляд у него строгий-строгий...

То ли сон, то ли полуявь, но видит ефрейтор в своих грезах, что поймали Николу Шугая и увезли его в тюрьму. Случилось так, что остался с Эржикой Богумил.

Вот они уже свободны, уже уехали из Колочавы. Он увозит ее на свою родину. И эта дорога на его родину — счастье, потому что Эржика рядом.

Вот они в Чехии. Она с восхищением смотрит на горные вершины Татр, на зеленые холмы, на горные речушки. Она любит все, что ее окружает, а он держит ее за руку и любит ее счастливым лицом.

— Тебе нравится, Эржико?

Она отвечает кивком головы, а он не сводит от нее глаз: как она прекрасна! И одежда у нее нарядная. Вместо грубой холщовой рубахи на ней белое шелковое платье с яркими розами, ее косы венком уложены на голове, а на красивой шее горит нитка красных бус.

— Хочешь, я покажу тебе Прагу? — спрашивает он.

— Да, — радостно говорит она.

И вот уже, взявшись за руки, Богумил с Эржикой стоят на Карловом мосту. Река Влтава отражает голубое небо в своих водах, а пражский кремль Градчаны, как и весь город, залит лучами солнца. От яркого света крыши городских домов, крытые красной черепицей, кажутся еще краснее. Все это было так явственно, так близко, что Богумил слышал, как где-то рядом весело воркуют пражские голуби, ощущал запах роз, растущих на клумбе.

Вдруг они очутились на Староместской площади и остановились перед ратушей с часами. Но молчаливый диалог двух фигурок на часах, Богача и Смерти, не напомнил им о бренности жизни: они любят друг друга, а пока есть любовь — смерти нет.

«Эржико! — шепчет он. — Милая Эржико!..»

На рассвете послышался низкий голос дежурного жандарма:

— Тревога!

Богумил, еще не проснувшись толком, вскочил на ноги: «Что случилось? Почему вся жандармерия на ногах?»

Оказалось, Дербак выследил Шугая и сообщил капитану, что сегодня Никола ночует над Тиссовой, в обороне. Сейчас все побегут туда.

— Тревога!

В то время, пока Богумил грезил в казарме, Эржика тоже видела сон. Снилось ей, что в глубокой яме, которая напоминала могилу, стоял Никола, а сверху на него смотрели какие-то оборванные и грязные люди. Он протягивал к ним руки, просил о помощи, но никто не откликнулся. Тогда он взял в руки комок сырой земли и бросил им в людскую толпу. Толпа оставалась неподвижной и молчаливой. Никола подошел к стене и начал сам карабкаться вверх, но его пальцы скользили по гладкой стене. Он срывался и падал вниз.

Эржике стало жаль его. Она стала просить людей, чтобы подали несчастному руку и помогли выбраться из ямы. Но людская толпа была неумолима. Это равнодушие ее так возмутило, что Эржика громко закричала и тут же проснулась от собственного крика.

В окно смотрел тусклый, серый рассвет. Эржика перекрестилась: «Слава Богу, это лишь сон! Пожалуй, лучше встать и заняться каким-то делом, чем так маяться».

Она оделась, умылась, расчесала свои длинные волосы, а затем, уложив их в косы и спрятав под платком, вышла во двор. Выпустив гусей, погнала их на речку, поживаясь от утренней прохлады. Конечно, посмотрела в сторону школы. Вдруг увидела

жандармов, которые один за другим выскакивали во двор и бежали в сторону реки, в ее сторону. Вот-вот столкнутся с ней. Последнего жандарма она узнала сразу. Это был Богумил.

Сон как рукой сняло: сейчас они встретятся. Случайно они встречались уже несколько раз и разговаривали как старые знакомые. Почему-то сегодня он выскочил позже всех и немного отставал от своих сослуживцев.

Поравнялись.

— Агой! — бросил он на ходу.

— Агой! — коротко ответила Эржика. — Что случилось?

Богумил остановился, взглянул на дорогое ему лицо. Прочитав на нем испуг, коротко ответил: «За Николой!» — и побежал дальше, догоняя товарищей.

Эржика застыла на месте с вицей в руках, но тут же сообразила:

«Во как! Значит, побежали ловить Николу!.. Его поймут, а потом.»

— Ой, Боже Милосердный! — ойкнула вслух.

«А что я? Должна сейчас пасти гусей и ждать, когда принесут труп моего мужа?!»

Ветка, которой она погоняла гусей, выпала из ее рук. Оставив на полдороге гусей, она побежала вслед за жандармами, которые уже перебрались на другой берег реки и вошли в лес. Бежала за жандармами, а казалось, будто наперегонки с собственными мыслями:

«Я должна опередить их и предупредить Николу. Они пошли дорогой, а мне нужно бежать напрямик. Только так можно прибежать раньше и опередить их. Лишь бы успеть! Лишь бы...»

Высокие папоротники, холодная трава и мелкая поросль кустарников хлестали ее по ногам, оставляя царапины и боль, а она бежала, извиваясь между высокими травами и деревьями. Почувствовав усталость, остановилась на миг, перевела дыхание. В долине медленно просыпалось мирное село. Светлое утро дышало прозрачным воздухом, в чистой росе купались травы и листва. Эржика посмотрела на долину, обняла взглядом широкие языки белых туманов, ползущих из ущелья, и побежала дальше.

Ей все-таки удалось опередить жандармов, поспеть первой. Остановившись, Эржика перевела дыхание и огляделась. На траве еще блестела холодная невысохшая роса, так что поляна выглядела поседевшей. В центре ее стоял оборог. «Может быть, там Никола и ночует? Спит спокойно сейчас и ничего не знает. А жандармы уже здесь».

Эржика побежала в сторону оборога и крикнула: «Николо!.. Беги!.. Бе-е-ги-и!»

Она впилась взглядом в оборог. Неужели там никого нет? Ее тело пронизывал холод. Неужели зря бежала?

— Николо, беги! — крикнула она громче.

И тут увидела Николу и Юру. Они сползли с верхушки оборога и побежали в сторону леса.

— Слава Тебе, Господи! — прошептала Эржика.

На поляне появились жандармы. Окружили цепочкой всю поляну. Послышались выстрелы: один, второй, третий...

Она упала на землю, ощутив на лице ее холодную влагу. Потом услышала жесткий голос жандарма:

— Встань! Пойдешь с нами!

К полудню жандармы возвратились в село. В Колочаве люди вышли на улицу и рассуждали о дальнейшей судьбе Николы. Затеяли разговор о тюрьмах, о судах. Самая категоричная в своих суждениях была жена дьячка:

— Вот увидите, люди добрые, на сей раз покарает Бог Шугая! Покарает за его гордыню. Это же настоящий бетяр!

— Сбежит Никола, он парень ловкий! — уверенно говорил худой курносый старичок.

Говорили, спорили, пока не прибежал мальчишка, который бежал встречать жандармов к самому лесу. Он подпрыгивал как воробей по дороге и радостно кричал: «Идут! Идут!»

Все повернули головы в сторону большака, на котором действительно показались жандармы. Они возвращались в село, но выглядели уставшими и злыми: так близко был разбойник, и снова удалось ему сбежать.

Тем временем послышалось в толпе: «Убили Николу! Убили Шугая!» Люди расступились, встали вдоль обочины и притихли в тревожном ожидании. Но, когда отряд жандармов поравнялся с толпой, все увидели: убит не Шугай, убит кто-то другой. «Жандарм убит!.. Жандарм убит!..» — снова послышался шепот в толпе.

Жандармы несли на руках своего убитого товарища — самого молодого, самого юного, который только недавно приехал в Колочаву. Богумил с трудом сдерживал слезы. Он винил себя в смерти этого парня, он презирал себя за то, что сказал Эржике то, чего она не должна была знать.

Эржика шла в окружении жандармов. Подол холщовой рубашки был порван в клочья, босые ноги были в ссадинах и крови.

В толпе слышались голоса:

— Эржика! Эржика!

— Бедная! Бедная! — шептались женщины и молча вытирали слезы.

«Боже Милосердный, помилуй мя, грешную!» — мысленно молилась Эржика.

Яркое солнце на голубом небосводе застыло в тревожном ожидании.

В тот же день Эржику увезли в Хустскую тюрьму.

XXVII.

Солнце скрылось за горами, прошел короткий грибной дождь, вдали темнели горы и ущелья.

Никола Шугай шагал впереди, Юрка — следом. Они шли лесом, вдоль горной дороги, которую Никола внимательно прощупывал цепким взглядом.

Издали дорога напоминает белую ленту, падающую с горы в цветущую долину. Именно она ведет из Волового в Колочаву. По ней возят почту, ездят купцы с товаром, крестьяне с фуражом. Здесь можно встретить лесорубов и просто любителей лесных орехов, грибов и ягод.

Юрка едва попевает за братом, его раздражает сырая обувь на ногах, но жаловаться он не смеет. Он сердится молча: куда Никола так спешит, что задумал? Сколько дней они ходят по лесу, но ни одного буржуа так и не увидели. А ведь главное для Юры — встретить врага. Ради этого он пришел в этот лес... Подросток вздыхает и ускоряет шаг.

Снова начал капать дождь. Зашелестела листва на деревьях. Юрка поехал, хотя было не холодно.

—Куда бежим? — спросил он Николу, глядя на его широкую спину.

Брат не ответил. С ним так часто бывает в последнее время.

—Почему молчишь? Трудно ответить? — рассердился Юра.

—Тихо, — Никола приложил палец к губам и повернулся лицом к брату, — кажется, кто-то едет по дороге. Надо посмотреть. Если увижу, что это человек надежный, отправлю тебя с ним домой!

— Еще чего! Я не хочу домой! Не хочу! — окончательно расвирепел Юра.

— Не смей спорить! Я так решил. Давно надо было тебя отправить!

— Николо, ты ведь знаешь, что мне больше нравится жить в лесу, с тобой, — начал умолять брата Юра.

— Я знаю, что тебе нравится в лесу, — сказал Никола, — но пока ты ничего не натворил, пока ты чист перед законом — возвращайся домой!

Никола снова прислушался:

— Все-таки кто-то едет!

Послышался топот конских копыт. На дороге показалась повозка, которая двигалась с вершины перевала вниз, в сторону Колочавы.

— Кто это? — тихо спросил Юра.

— Не знаю, — ответил брат, — сейчас выясним.

Никола поднес бинокль к глазам и пристально стал рассматривать возницу. Он увидел худощавого старика в старом бордовом кафтане. Старик боязливо озирался по сторонам и явно спешил поскорее проехать эти места.

«Да это же Меслер из Колочавы! — подумал Никола. — Наверняка везет курицу на субботний ужин. Сейчас я с ним мирно побеседую».

Да, это был сапожник Меслер. Он только что благополучно перебрался через перевал. «Успеть бы до темноты приехать домой, — думал Меслер. — Жена и дети будут волноваться».

— Кто там, Николо? — снова спросил Юра.

— Уж его я так просто не отпущу! — вместо ответа сказал Никола и ускорил шаг. Он был рад увидеть Меслера. Ему хотелось поговорить с ним просто так, по-дружески. Когда-то этот сапожник ремонтировал отцу ботинки, он очень хороший мастер.

Никола так спешил, что неловко задел рукой ветку ели, и она сильно ударила его по лицу. Резкая боль в глазах заставила остановиться и прижать ладони к глазам.

Тем временем Юра, обогнав брата, уже успел выскочить на дорогу. Он остановился перед повозкой и крикнул:

— Стой! Я Шугай!

Меслер, с удивлением посмотрев на неожиданно появившегося перед ним парня с ружьем, поехал дальше. Чувствуя опасность, старик в ужасе вобрал голову в плечи и крепче сжал вожжи в своих руках. Еще несколько метров, и он скроется за поворотом. Он поднял глаза к небу и тихо прошептал: «Шма, Исруэль!.. Еврей взывает к Тебе!»

Юрка отскочил в сторонку, с гневом посмотрел вслед удаляющейся повозке и, не долго думая, выстрелил вслед вознице.

Эхо выстрела отозвалось в горном ущелье и затихло в глубине леса. Старик отпустил вожжи из рук...

Никола выскочил на дорогу, побежал вслед повозке. Остановив лошадь, он снял старика с повозки, положил на землю. Посмотрел в его лицо, пощупал еще теплые руки, повернулся к брату.

— Говнюк паршивый! Ты его убил! — закричал он в страшном гневе.

— Я не хотел его убивать, так получилось, — стал оправдываться Юра.

— Какой же я дурак! Еще винтовку тебе дал!

— Из-за этого старика ты у меня заберешь винтовку?! — рассердился Юра.

— Ты еще смеешь говорить?!

— Разве ты не убивал? — со злостью спросил Юра своего брата.
— Разве ты не убийца? Какая разница, сколько убить? Одного или десять?

— Молчи! — сквозь зубы процедил Никола и ударил брата по лицу. — Теперь помоги убрать его с дороги!

Жена Меслера терпеливо ждала мужа. Уже легли на землю сумерки, а его все не было. Жена была уверена: что-то случилось. Попросила всех прочитать молитву «Живый в помощи Вышняго». Прочитали. Она накормила детей, уложила в постель. Те исполнили пожелание матери, но долго не могли заснуть. Все прислушивались к звукам во дворе — скоро ли придет отец? Но его не было.

Измученная тревогой, жена Меслера вспомнила проклятие своей свекрови. «Да сократит Бог дни твои!.. Ты мне не сын!.. Ты забыл все: Хумеш*, Тору, Танах ... Горе мне, горе!..» — рыдала его мать.

А все потому, что Меслер еврей, а его жена — славянка. Жениться или выходить замуж следует за человека своей веры и своей нации. Так говорили все пожилые люди.

Когда-то они жили в Галиции. Когда пришло время, родители Меслера нашли ему невесту, но он заявил им, что его женой будет только Галя, которая жила на одной с ним улице. Родителям не понравился выбор сына. Да и вера невесты требовала, чтобы он до женитьбы принял православное крещение, — только после этого их могли обвенчать. Стали между собой спорить семьи молодых, но никто не хотел уступать. Спор закончился тем, что Меслера изгнали из еврейской общины.

Его выгнали из дома в осенний дождливый день босым и нищим.

* Хумеш, Тора, Танах — Библия, Пятикнижие, Пророки
... о мать и от
... ые соседи и
молча смотрели молодому Меслеру вслед. Самый бойкий из мальчишек побежал в дом невесты и крикнул с порога:

— Галько, твоего еврея бьют!

Девушка выбежала из дома в чем была, побежала навстречу жениху. Взяла парня за руку, и они пошли вместе под градом камней и грязи.

Влюбленные сразу уехали из родных мест. Долго скитались по углам, пока не обосновались в Колочаве.

Прошли годы. У них появился небольшой дом, родились четверо детей. Большую часть дня Меслер работал в маленькой будке. Она была сколочена из черных досок и робко прижималась к боковой стене дома.

— Дорогой сосед, — не раз говорил ему крестьянин Бойкош, — ты не похож на еврея.

— Почему? — с удивлением спросил Меслер.

— Евреи всегда при деньгах, а ты живешь, как мы все. Где твое богатство?

Меслер спокойно продолжал работу, доставая гвоздики, которые были зажаты в его губах, и заколачивал их в подошву чужого ботинка. Потом, подняв голову и посмотрев на полки, где лежали куски кожи, овчины, колодки, краска для обуви, коротко ответил:

— Мое богатство — дети и жена!..

И вот сегодня Меслер не вернулся домой. И не вернется никогда. За окном темная ночь, его дети уже спят, а жена все ждет и молится.

После полуночи в ее окно кто-то тихо постучал. Теперь она была уверена: в ее дом пришла беда.

— Кто там? — спросила женщина. Собственный голос показался ей чужим и тревожным.

Никто не ответил. Она открыла дверь, шагнула за порог, остановилась. Полоска света, упавшая из комнаты, осветила человека, лежащего на земле. Это был Меслер.

Женщина молча опустилась на колени, расстегнула его старый, вылинявший кафтан. Прикоснулась к его холодному телу. Ее рука скользнула по его груди. Она пыталась понять: стучит его сердце или нет? Сердце не стучало, а тело было холодным.

Из нагрудного кармана выпали новые купюры — несколько тысяч крон.

XXVIII.

Дербак проснулся ночью от сильного собачьего лая. В окнах светелки отражалось огненное зарево. «Пожар!» — мелькнула мысль. Он выскочил во двор. Горел его добротный хлев. Побежал, чтобы освободить скотину, но, к его удивлению, хлев был пуст. Пламя увидели и соседи: люди бежали с ведрами к его дому.

А Никола стоял на горе и смотрел, как разгорается огонь. Он ждал Юру, который поджег хлев Василя. Сейчас он вернется, лишь бы не попался мужикам под горячую руку. Но селянам пока не до того. «Конечно, Дербак сразу догадается, кто ему пустил петуха. Пусть

догадывается, предатель. Добрые люди рассказали мне, — думал Никола, — как ты меня выслеживал, шпионил за мной, помогал жандармам. Вот и получил то, что заслужил. Скажи спасибо, что не дом сожгли, а только сарай».

К несчастью, было ветрено, пожар переметнулся на крышу дома, которая была покрыта драницами, и он тоже загорелся.

Никола присел на корточки, закрыв лицо ладонями. Нужно радоваться, что наказал врага, но радости не было. Вместо этого накатила тоска. Почему? Что он сделал не так?

В лесу было темно, ветер шумно трепетал листья. Время тянулось мучительно долго.

Наконец послышался знакомый свист. Никола ответил на сигнал. Пришел Юра. Он стоял перед братом, тяжело дыша.

— Все хорошо, я справился. Почему молчишь? — надеясь на похвалу, спросил младший Шугай.

— Скотину освободил?

— Освободил.

— Собаку не забыл? — спросил Никола.

— Отпустил всю живность. Чего так переживаешь? — с ехидством в голосе спросил Юра.

— Ты же знаешь, что я скотину больше жалею, чем людей... Запомни, животные ни в чем не виноваты! — с грустью проговорил Никола.

— Знаю, знаю, — Юрка присел на землю. Никола последовал его примеру. Сидели рядышком на влажной от росы траве и молчали.

— Помнишь, мы когда-то брали щенка от Дербака? — спросил Никола.

— Помню. И что? Собака есть собака.

— Ничего. Ты ее очень любил.

— Я вижу, тебе жалко этого предателя! Он тебя в тюрьме хотел сгноить, а ты его жалеешь?

— Может быть, Степан ошибся: зря наговорил на Дербака, а мы с тобой погорячились, решив хлев поджечь...

— Я вижу, ты уже обо всем жалеешь! Ты уже предателя прости! — сердито сказал Юра. — Давай лучше спать ляжем. Я устал, с ног валюсь. Где ночевать будем?

— Мало тебе места? — рассердился Никола. — Лес большой. Падай под любым деревом и замри!

Юра наломал каких-то веток, бросил их на землю под дерево, лег, свернувшись клубочком.

— Ложись рядом, места хватит! — сказал он брату. Никола лег рядом.

Но братьям не спалось. Никола думал о пожаре. Мысленно доказывал себе, что поступил по справедливости, но черная тревога вползала в душу. Сейчас, впервые за последние месяцы, ему хотелось простого человеческого участия: сочувствия, понимания. Он нуждался в материнской доброте. В детстве, когда она хотела его приласкать или просто пожалеть, он отводил ее руки. Стыдился почему-то этих нежностей: разве он девочка? Но сегодня Никола готов был прижаться к матери и плакать как ребенок.

Рядом, на твердой земле, ворочался Юра.

— Чего не спишь? — спросил он Николу.

— На рассвете пойдем к матери, к пастухам, — сказал Никола.

— Зачем? — с недоумением спросил тот.

— Затем! — со злостью ответил старший брат. — Спи уже, разбойничек!

Уже высоко поднялось солнце, когда братья добрались до полонины, где пастухи выпасали овец.

— Вот и пришли! Из леса не выходи, — сказал Никола. — Посмотрим, кто там хозяйничает?

— Хорошо!

Они стали за деревьями и осмотрели небольшое пастушьё хозяйство. Кошара* стояла пустой. Это значит, что пастухи уже выгнали овец на пастбище. Перед колыбами горел огонь, над которым мерцал большой чучушек. Из него валил густой пар. Пахло, кажется,

! * Кошара — ограждение для ночевки овец.

Юра впервые за последнее время почувствовал в голосе брата тревогу. Внимательно посмотрел на него. «Матери не понравятся эти впадины под глазами Юры, — подумал он. — И правильно, разве он взрослый? Совсем еще подросток. Да тут еще вчерашний пожар...»

— Видишь белое пятно в колыбе? — спросил Никола брата.

— Вижу.

— Это наша мама, ребенка кормит.

— Что-то не вижу наших пацанов, — сказал Юра снисходительно — куда им до Юрки, который совсем взрослый и ходит с ружьем!

— С пастухами ушли. Что им тут сидеть? Смотри, мама вышла! — радостно сказал Никола.

— Вижу!

Она была в черной юбке и домотканой сорочке. На голове ее был по-летнему повязан белый платок.

Появление сыновей стало неожиданным для нее.

— Сыночки мои родненькие! — вскрикнула она. — Боже мой, откуда вы?

Она обняла их, прижала к себе.

— Слава Богу, что вижу вас!.. Ночами не сплю — переживаю... Почему так долго не приходили ко мне? — спросила мать с укором. Голос ее дрогнул, она замолчала, глотая слезы.

Молчали и сыновья. Никола смотрел на мать с болью в сердце: «Как она постарела!»

Он взял ее руки и спрятал в маленьких ладонях матери свое лицо.

— Не плачьте, мамо! — попросил он.

— Слава Господу Милосердному, что вы живы! — она вытерла концом платка набежавшие слезы, поправила белый платок на голове, вздохнула:

— Сейчас садитесь за стол — я накормлю вас! Они

сели за большой деревянный стол.

Мать принесла кукурузную кашу, творог, молоко:

— Ешьте!

Сыновья набросились на еду: Юра принялся за свое любимое молоко, Никола — за теплую кукурузную кашу. Потом полакомились картофельным супом с мясом, за которым последовали яичница и творог... Для братьев это был настоящий пир. Мать сидела напротив и печально смотрела на них. Когда они покончили с едой, спросила с робкой надеждой в голосе:

— Нет ли весточки от отца?

— Нет пока, — ответил Юра.

— Жив ли, Господи? — мать тяжело вздохнула.

— Он просто не успел пока устроиться на работу, так что не о чем писать, — сказал Никола уверенно. — Не надо переживать, он жив и никуда не денется от нас.

Мать кивнула, мол, согласна, но Никола видел, как она тоскует.

Только теперь он понял, глубоко почувствовал, что отец и мать не только его родители, но еще мужчина и женщина, которые любят друг друга. Жгучий стыд терзал его душу, ведь именно он — Никола — стал причиной разлуки самых дорогих на свете его людей. Боже мой, а как хорошо жилось им раньше! Родители Николы жили дружно, дети были здоровыми, в доме часто смеялись и шутили. Даже в то время, когда отца забрали на войну, когда мать молилась за его здоровье каждый день и просила детей стать на колени перед святыми иконами и молиться за родителя, чтобы вернулся невредимым, они знали — все будет хорошо.

Когда отец вернулся с Первой мировой войны, его не сразу узнали, так он исхудал и постарел. «Добрый вечер», — сказал отец

тихо, стоя у порога. «Ой!» — вскрикнула мать, и чугунок с водой выпал из ее рук. Она упала мужу на грудь, заплакала. И тут Никола впервые увидел, как отец поцеловал матери руку и прижал нежно эту руку к своей щеке. «Слава Тебе, Господи! Слава Тебе, Господи!» — сквозь слезы говорила мать. Да, он пришел с войны осенью. За окном стояла ненастная погода. В доме было голодно, но с возвращением отца появилась надежда на лучшие времена. Он быстро шел на поправку, все время что-то делал по хозяйству.

— Петро, видишь, как ты вовремя приехал, — говорила мать.

— Я только подумала о том, что мне скоро понадобится кадка для засолки капусты, а ты ее уже и мастеришь! Капуста сей год хорошая уродилась. Очень хорошая, а вот картошка как горох. До Рождества кое-как ее хватит, а весной уже не будет.

— Не переживай, я дома. Что-нибудь придумаю, — отвечал отец. — Говорят, румынские чиновники, которые собирали подати, очень жестоко обращались с людьми. А тут они были?

— Заходили и сюда, — ответила мать.

— Как себя вели?

Лицо матери стало красным как пион, она посмотрела на Николу со страхом в глазах. Сын понял, он должен сдержать слово. Если бы отец посмотрел на их лица, то сразу бы понял: между ними сговор. Но он, сидя на полу, выравнивал обруч на кадке и смотрел вниз.

— Так приходили? — повторил он вопрос.

— Приходили, но вели себя хорошо, — ответила мать и снова покраснела.

Никола вспомнил, как на самом деле собирали подати.

Первая мировая стала великим несчастьем. Крестьянские сыновья возвращались домой калеками, гибли на фронтах. Помещики наживались на поставках, а средние и мелкие крестьянские хозяйства разорались. Воцарилась невиданная прежде нужда. Тяжелый урон крестьянству наносили бесконечные реквизиции продовольствия.

Когда прежних властителей на время сменили румыны, стало еще хуже.

Однажды румынский чиновник вошел в дом Шугая. Ему было лет сорок, у него были черные курчавые волосы и толстые короткие ноги.

Говорил с матерью строго.

— Если денег у вас нет, — заявил он, — придется забрать ваших овец. Где сарай? Давай, хозяйка, показывай свой скотный двор! — командовал чиновник. — А вы оставайтесь здесь. Сидите тихо, пока не

позову. Поняли? — румын пригрозил пальцем забившимся в угол детям и вышел вслед за матерью.

Никола в это время был во дворе. Вдруг услышал крик матери. Побежал на помощь и увидел, что в сенях на ворохе сена его мать руками отбивалась от сборщика податей, который пытался поднять ее юбку.

Никола мигом оказался на спине чиновника. Он драл его за уши, с остервенением рвал на его голове черные кудри, бил кулаками куда попало. На шум выбежали из светелки и малыши: одному два года, второму — три с половиной. Увидев старшего брата верхом на незнакомом мужике, они решили, что это такая игра, и начали смеяться.

Сборщик податей отпустил мать. В это время Никола схватил топор, лежащий в углу.

— Уходи! — повелительно сказал он. — Если еще раз придешь к нам — живым не выпущу!

— Ничего плохого я не сделал твоей матери. Пошутить нельзя?

Никола замахнулся на него:

— Я сказал — уходи!.. И брать у нас нечего!

— Отпусти его, сынок! — попросила мать. Она, красная от стыда, с глазами полными слез, стояла в углу.

— Я мог бы стереть тебя в порошок, — сказал чиновник, глядя с презрением на Николу, — но я на службе, должность мне не позволяет!

Он говорил, отряхивая костюм от сухого сена. Когда ушел, мать сказала сыну:

— Спасибо, Николко, что освободил меня от дурака! Но я тебя очень прошу: не говори ничего отцу.

— Почему?

— Так надо. Ему будет неприятно. Ты потом все поймешь. А пока пусть это будет нашим секретом. Ты согласен?

— Согласен!

Она обняла сына и зарыдала, прижала его к себе:

— Стыдобища какая!

— Я никому ничего не скажу, — пообещал Никола и сдержал слово.

Вспоминая об этом сейчас, на полонине, Никола улыбнулся прошлому, посмотрел на молчаливую мать и спросил:

— Наш карапуз спит?

— Спит, он любит поспать, — ответила мать, тоже улыбаясь.

— Посмотрим на него?

—Пойдем в колыбу, посмотрим!

Они подошли к шалашу. Мать подняла покрывало, которым занавесила вход, и братья увидели пухлое личико малыша, который мирно спал под маминой блузкой.

—Он очень вырос, — сказал Никола.

—А как же? Ему уже восемь месяцев, — кивнула мать, — а здесь такой чудесный воздух! Вернемся, сыночки, к столу! Пусть ребенок еще поспит!

—Не холодно вам спать ночью? — поинтересовался Никола, когда снова все сели за стол.

—Не холодно! На землю мы постелили еловые ветки, на них еще солону да овчину... Хорошо! Осенью, даст Бог, вернемся домой, а пока нужно здесь поработать. Я готовлю еду пастухам, старшие дети тоже им помогают. Смотрят за овцами, за хворостом ходят. Нам потом заплатят брынзой да мукой. Всяко легче будет перезимовать. Даст Бог, еще соберемся дома все вместе. Может быть, надоест жандармам бегать за тобой? Что они так прицепились к тебе? Подумаешь, сбежал из армии... Не ты первый и не ты последний. Многие сбежали и из армии, и с фронта. И что? Другим сходило с рук, а к тебе присосались как пиявки! И кто придумал эти проклятые войны?! Ведь убийство — такой грех! Как это можно направить на невинного человека ружье и убить его? Как?! — негодовала мать.

—Мама, успокойтесь, все будет хорошо! — Никола обнял ее за плечи, взял за руку.

—Будет, будет хорошо, — примирительно сказала и призадумалась. Потом посмотрела на Юру и спросила:

—Юрко, как дома? Все ли в порядке?

—В порядке, — беспечно ответил младший сын.

—Ты не забываешь поливать грядки? — спросила мать.

—Какие грядки, мама? — удивился Юра.

—Как это какие? Те самые, которые я сажала весной: лук, морковь, укроп.

—Сажала — значит растет, — лениво ответил Юра.

—Лук не желтеет? — не успокоилась мать.

—Не смотрел, не знаю.

—А ты посмотри! Ты сейчас один дома. За всем надо присмотреть.

—Я не дома, мама! Я теперь вместе с Николаем хожу, — с гордостью ответил Юра.

—Куда ты ходишь с Николаем? — в голосе матери послышался страх.

—Куда, куда. Никуда! Сбежал я от жандармов. Они каждый день приходили к нам домой. Мучили допросами! Куда я должен был бежать? В Румынию, что ли?

—Кто тебе разрешил дом бросить?

—Сам решил. Ничего не будет с этой халупой! Все разбежались, а я что?

—Ты мне обещал, что отнесешь Николке еду и вернешься домой. Это было в тот день, когда я собиралась с детьми сюда, к пастухам. Неужели не помнишь? — допытывалась мать. — А ты, Николо, — повернулась она в сторону старшего сына, который молча сидел за столом и слушал их разговор, — почему не прогнал его палкой от себя подальше? Если отца дома нет, значит, слова матери вам не указ? — она сначала повысила голос, но потом он сорвался, и она заплакала, закрыв лицо руками.

Юра встал из-за стола. Его зеленые глаза наливались злостью. Никола тоже встал, подошел к матери и, взяв ее за руку, начал успокаивать:

—Не плачьте, мамо!.. Мы вместе с братом, мы ничего плохого не делаем.

—Так он еще ребенок! — воскликнула она. — Посмотри, какой он худой! А что за синяки под глазами? Будто он месяц не спал.

Она возвела руки к небу и прошептала:

—Господи! Храни чад моих, наставь их на путь заповедей Твоих!

—Плохо молишься, если Бог не слышит! — ехидно заметил

Юра.

— Цыц, а то дам по зубам! — прикрикнул на него Никола. Юра замолчал. «Тоже мне верующий нашелся! Можно подумать, что он в Бога верит!» — подумал он.

—Я сама виновата, что вы такими выросли, — причитала мать, будто разговаривала сама с собой: — Всегда защищала вас от наказаний. Вот и дождалась. Все сбылось, как написано в Священном Писании: «Бей ребенка, пока он лежит поперек кровати, иначе он убьет тебя!» Наказал меня Господь! Опустел наш дом, а вы бродите по лесу, вместо того чтобы по-людски жить!

«Хорошо, что она ничего не знает о наших "подвигах"», — подумал Никола, а вслух сказал:

—Все будет хорошо. Скоро кончится лето, придет зима, а там недалеко и до Рождества... Ты испечешь карачун, а мы будем колядовать. К Рождеству и отец вернется. Обязательно придет. Где только он не работал, а на Пасху и Рождество всегда приезжал домой. Мать замолчала, вытирая слезы.

Неожиданно заплакал ребенок в колыбе. Она побежала к нему.

—Пора уходить, пока нас никто не видел! — сказал Юрке Никола.

—Пора! — поддержал тот. — Я готов!

Мать, успокоив ребенка, вернулась к старшим сыновьям.

—Мы пойдем!

Она молча кивнула. Обняла каждого, перекрестила, сказав как обычно: «С Богом!»

Ушли ее сыновья. Молча пересекли поляну и направились в лес.

Никола чувствовал спиной материнский взгляд. Обернулся. Она стояла на возвышенности, а ветер играл концами ее платка.

Никола махнул ей рукой. Она махнула ему в ответ. И вдруг он почувствовал всем своим естеством, что видит мать в последний раз.

Он вздрогнул, похолодел.

«Что за дикие мысли?! — встрепенулась его душа. — Почему я вижу ее в последний раз? Разве она умрет? Нет, она еще молодая! Я буду видеть ее часто, часто. Прямо завтра возьму и приду к ней, и послезавтра приду... А захочу — вырою землянку здесь, недалеко от этой поляны, и буду видеть ее каждый день!»

— Чего стоишь как вкопанный? — тронул его Юра за плечо. — Пошли уже!

— Пойдем!

XXIX.

Внезапно умер Василь Дербак. Его нашли в лесу, на маленьком участке, где он работал с сыном. Умер Василь от разрыва сердца.

Колочава застыла в тревожном ожидании. Что за проклятие над селом? Что будет дальше? Справится ли со своей работой капитан, или управление снова назначит нового начальника жандармерии? Кое-кто считал, что жандармы махнут рукой на Шугая: сколько можно его искать? Или им делать нечего? Разве Никола единственный дезертир в стране? Если хорошо посчитать тех солдат, которые скрылись от службы, да тех, которые перешли в русскую армию... Ой, долго придется считать. И почему за Шугая так взялись? Да все потому, что он убил двоих жандармов, которые хотели убить его.

Люди рассуждали, спорили, а события шли своим чередом.

К тому же погода испортилась. Над Колочаваой застыли дождевые тучи, уже третий день шел проливной дождь.

Похоронили сапожника Меслера. Через несколько дней — Василя Дербака. На следующий день Абрам видел, как молоденький

жандарм клеил листочки на самой видной стене его корчмы. Это было объявление. Абрам Бер подошел ближе и прочитал:

«...В Хустском, Воловском и смежных округах продолжительное время свирепствует грабитель и убийца Никола Шугай со своей шайкой», — взволнованно читал Абрам, вытирая на лбу обильный пот. Но интерес у него вызвал только последний абзац: «Лицу, оказавшему существенную помощь в деле поимки главаря банды Шугая или хотя бы наведшему на его след, гражданским управлением Подкарпатской Руси в Ужгороде будет выдано ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ в размере 3000 (трех тысяч) крон.

Ого!..

За вознаграждением обращаться к ближайшему органу власти. Начальник гражданского управления государственный советник БЛАГА».

К вечеру того же дня рядом с уже известным объявлением появилось еще одно. В нем сообщалось о том, что еврейские общины соседних округов за помощь в поимке Шугая назначают награду в 30 тысяч крон.

Узнав об этом, Абрам целый вечер размышлял.

«Тридцать тысяч крон!.. Вай-вай! Да это же целое состояние! — взволнованно думал он. — О, если бы я не был связан грязными делишками с этим Шугаем!.. Видит Бог, как я устал от него!»

Смятение овладело им. Как можно быть спокойным, если такие деньги можно заполучить?

Его волнение заметила даже жена. Посмотрела на него пристальным взглядом и спросила:

— Ты себя хорошо чувствуешь?

— Хорошо, хорошо, — отвечал муж.

— Не похоже, что хорошо. Давай говори, что за неприятности?

— С чего ты взяла? Все у меня хорошо. Это погода на меня действует.

— Если так, пойдем со мной! Поможешь мне приготовить ужин.

— Пойдем!

Натела почистила рыбу, Абрам молча выполнял все ее просьбы: то морковь принести, то лук почистить, то соль подать.

Она ничего больше не спрашивала, но Абрама все еще мучили непрошенные мысли. «Сейчас начнется за Шугаем настоящая охота. И ему придется на суде рассказать все. Расскажет и про меня. Расскажет, как я продавал на рынке краденые вещи. Что подумает про меня жена? А мои бедные дочери?.. Вай-вай! Уж лучше бы (прости меня, Господи!) нашли Николу мертвым».

Так испугали Абрама собственные мысли, что он даже оглянулся по сторонам, будто кто-то мог эти мысли услышать. Успокоившись немного, он подумал, что завтра обязательно что-нибудь придумает. Но заснул он далеко за полночь.

XXX.

На следующий день Абрам встал поздно. Еще лежа на кровати, он слышал запах кофе и свежих булочек. Жена пришла в спальню, позвала его к завтраку, но он не спешил к столу. Был зол на себя за то, что уже наступило утро, а он так и не придумал, как избавиться от Шугая, сохранив свое доброе имя.

—Абрам, — снова позвала его жена, — тебя все ждут! .После завтрака, заложив руки за спину, Бер вышел из своей комнаты и долго стоял на крыльце своего дома. Он все еще не знал, как поймать Шугая, но у него было такое чувство, будто отгадка где-то рядом. Нужна лишь подсказка, но как ее найти?

Подняв лицо к небу, Абрам задержал взгляд на белых облаках, прозрачных как стекло, посмотрел на зубчатые вершины синих гор и медленно спустился с крыльца. Он пошел по сельской улице, не решив пока, куда идет.

И тут с радостью вспомнил, что Вольф Мендель-младший скоро должен приехать в Колочаву. Человек он деятельный и неравнодушный к жизни своих односельчан. Правда, приедет он в Колочаву лишь накануне своей свадьбы, с которой будет связано много хлопот. Но разве откажется Мендель принять участие в заседании Совета купцов (членом которого является и он, Абрам Бер). Встреча с этим молодым человеком может оказаться очень полезной. Вспомнилось, что сын Менделя всегда враждовал с Николой, а это можно использовать.

Абрам Бер уважал молодого Менделя. Особенно за то, что тот был против всяких революций и бунтов. Это ясно стало после одного случая в Колочаве, который произошел сразу после войны. Мужчины возвращались тогда домой с полей сражений уставшие, с ранениями и болезнями. Дома их ждали пустые амбары, голодные дети, безработица. Как жить? А тут прошел слух, что торговцы продали налево сапоги, которые были предназначены пайщикам. Услышав это, толпа недовольных крестьян тут же собралась в центре села.

В первый день они просто возмущались, жаловались друг другу. На следующий день к ним начали подходить другие недовольные, число которых быстро росло. В конце концов кто-то крикнул:

—Сколько будем терпеть богачей? Бить надо этих паразитов!

— Бить! Бить! — подхватили громкие голоса, и толпа мужиков и баб, вооружившись топорами, вилами и палками, направилась по сельской улице наводить, как им думалось, порядок. Сначала пошли к дому старосты. Бодро пересекли двор, на миг задержались перед входной дверью дома, а потом с гулом ворвались в комнаты. В доме было пусто — ни хозяев, ни их детей, ни даже прислуги. Очевидно, кто-то успел предупредить их.

Люди вошли в большую комнату, которая служила старосте кабинетом, и принялись открывать большой стальной шкаф, гордо стоявший в углу. Он не поддавался ни топорам, ни ломам. Мужики измучились, но так ничего и не добились. Тогда вытащили шкаф на улицу и бросили на обочину дороги.

В это время женщины хозяйничали в гостиной. Многие из крестьянок впервые в жизни увидели мягкие стулья с резными спинками, атласные обивки дивана, пуфики с резными ножками, большие зеркала в ажурной оправе. Меблировку комнат дополнял новый рояль.

— Красиво как, бабы! — сказала одна из крестьянок. В ее голосе чувствовалось восхищение.

— Умиляешься? — спросила ее вторая. — Видишь, как живут наши кровопийцы, а мы как?! — она подошла к роялю и ударила топором по его ножкам. Инструмент издал жалобный звук, но продолжал стоять. Женщина ударила еще, он не поддавался. Позвала помощников. Подпилили ножки, которые тут же сломались. Рояль со стоном рухнул на пол.

Потом женщины вошли в хозяйскую спальню. С любопытством изучили содержимое туалетного столика хозяйки. Флакончики духов, маленькие коробочки, стеклянные фигурки и бутылочки — все летело на пол и разбивалось вдребезги. Открыли комод, где лежало женское белье. Ну тут и было смеху: бабы примеряли поверх своей крестьянской одежды купальники, панталоны с кружевами, ночные сорочки. Потом неистово рвали их в клочья и топтали босыми ногами...

Во время этого бунта крестьянам удалось захватить власть в селе, но всего лишь на три дня.

В округе, узнав о крестьянском бунте в Колочаве, срочно приняли меры. В село выступила воинская часть под командованием Вольфа Менделя-младшего. Первым делом молодой командир маленьким ключиком открыл сейф, стоявший на обочине, достал оттуда триста тысяч крон и все ценные бумаги, а сейф приказал вернуть на прежнее место. Потом солдаты разошлись по селу. У кого из крестьян было оружие — его забрали, продукты стали выбрасывать на улицу,

виновных наказали. Сельские богачи вернулись в свои дома с видом победителей...

Абрам шел по сельской улице, скользя взглядом по дворам, грядкам, скошенной траве, небольшим крестьянским домам. Напротив дома Василя Дербака остановился. Посмотрел на крышу, которая очень пострадала от пожара, на почерневшие стены.

На месте пожара работали люди. Односельчане по местному обычаю пришли на помощь погорельцам. Работали каждый день. Сегодня здесь трудились Игнат, Данил и сын Василя Дербака Адам. Все они, кроме Адама, были друзьями Николы, восстанавливали сейчас стропила.

Бер подошел поближе к калитке. По двору вся в черном ходила Агафья. Она собирала в корзину щепки и тихо причитала: «Какое горе, какое горе у нас!.. Погорели мы, хозяина схоронили. Хороший был у меня хозяин... Хороший. Всякую работу понимал! Всякую работу умел.»

Абрам подошел к ней ближе и поздоровался:

—Всевышний не оставит вас в беде!

—Только на Господа и надеюсь! — не глядя на Бера, ответила хозяйка, выпрямила спину и перекрестилась.

—Да и люди помогут! — кивнул Абрам головой в сторону мужиков, работающих на крыше.

—Помогают, дай Бог им здоровья!

—Пойду к ним, — сказал Бер.

—Идите с Богом!

Иван, товарищ Николы, всегда играл роль ангела на Рождество. Его одевали в белую одежду, а за спиной крепили ажурные крылья. Иван так невинно улыбался, столько детской прелести было в его облике, что женщины с восторгом шептали: «Ангел, настоящий ангел!»

Зато Никола всегда играл роль черта. Одевался в черное, крепил на себе много мелких колокольчиков. На голову водружал шапочку с настоящими рогами, лицо мазал сажей. Во время коляды он вбегал в дом с вилами в руках и, что называется, «бесился» от души: носился по светелке, шарил по углам, размахивал вилами и грозно скалил белые зубы. Звон его колокольчиков у кого-то вызывал смех, другие визжали от страха.

Игнат, стоявший сейчас на крыше, всю жизнь работал поденщиком, так как своей земли не имел. Бедности не стеснялся, даже выставлял ее напоказ: ходил в старой армейской одежде или ветхих брюках с заплатками.

Данил Ясинко — еще один друг Николы — тоже был сегодня здесь, помогал вдове Василя. Данил был черноволосым молчаливым

мужчиной с крупными чертами лица и лукавым взглядом. Во время разговора обычно отвечал односложно: «да» или «нет». Почти всегда был угрюм. Этот рослый парень был известен в Колочаве как лучший забойщик скота. «Бьет точно в цель! Один удар — и нет кабана, — говорил Никола Шугай, — а я не могу свернуть голову курице!»

Иван, Игнат и Данил стучали топорами, при этом громко разговаривая. Рядом с ними работал Адам Дербак. Он был очень похож на свою покойную мать: у него было овальное изящное лицо, вьющиеся русые волосы. Еще недавно он был любимым сыночком зажиточного отца, его единственным наследником, уверенным, что богатства ему хватит на всю оставшуюся жизнь. Но после пожара и смерти Василя все изменилось.

— Адам, — говорил Игнат своим бодрым голосом, — слава Богу, что не полностью дом сгорел. Хорошо, что поджигатели пожалели скотину и выпустили ее из стайни, а то сам знаешь. — говорил Данил.

— Я с поджигателями еще разберусь, — грозился Адам. — И не прощу убийства отца. Никогда!

Помолчали.

— Адам, ты знаешь, что за поимку Шугая назначили высокую награду? — спросил Данил.

— Знаю, — отозвался тот, — но меня удивляет, что за преступника еще дают бешеные деньги?! Я бы за дарма его прикончил!

— А вот попробуй, достань его, коли сможешь! — с озорством в голосе сказал Данил.

— И достану, он мне за все заплатит! — пообещал Адам.

— Да еще еврейская община доплачивает, — бросил небрежно Игнат.

— Вот это да! — удивился Адам. Мужики многозначительно переглянулись.

— Что смотрите? — спросил Адам, поймав их взгляд. — Я же сказал: встречу Шугая — убью! Даже денег не буду требовать.

Абрам подошел поближе к работающим мужикам.

— Абрам здесь, — сказал Игнат, не поднимая головы. — Думаете, он зря пришел?

— Он деловой человек и просто так ничего не делает, — ответил один из друзей, и они переглянулись.

— Он что-то знает. Надо бы с ним поговорить, — шепнул кто-то.

— Давайте отдохнем немного и поговорим с ним.

— Давайте!

Тем временем Абрам не спеша приближался. «Вот кто может пригодиться мне, — думал он. — Сейчас поговорю с друзьями Николы и решение придет само собой».

XXXI.

Анна Попович, самая старая жительница Колочавы, обычно просыпалась на рассвете. Она медленно выходила на улицу и садилась на старую деревянную скамейку, что стояла под навесом ее старого дома. Ждала восхода солнца. Он был ей наградой за еще одну бессонную ночь.

С наступлением нового дня Анна чувствовала прилив сил. Слава Богу, она сможет теперь помолиться за своего правнука — Ивана Поповича. Старуха очень любила его за благородные помыслы и наивность, за то, что он пострадал, желая осчастливить все человечество, едва не погиб сам.

Все началось в учительской гимназии в Ужгороде. Иван Попович был очень способным студентом, многие думали, что его ждет карьера ученого. Юноша учился в одном классе с сыном Менделя, они даже дружили. Вольф уважал мировоззрение своего друга, правда отец Менделя-младшего не разделял этих симпатий. Отец был в курсе внеурочной жизни гимназистов, часто встречался с преподавателями сына и следил, чтобы учебе Вольфа ничего не мешало. Часто напоминал: «Запомни: ты приехал сюда только учиться! Остальное — не твоего ума дело! Общайся со сверстниками на здоровье, но будь осторожен».

Старый Мендель оказался прав. Очень скоро в гимназии началась забастовка, в которой приняли участие и гимназисты. Зачинщики были тут же арестованы, некоторых отчислили. Был изгнан и Иван Попович, который открыто занялся после этого революционной борьбой. Без него не обошлась ни одна крупная забастовка в округе. Потом он был арестован. Три года провел в тюрьме и на свободу вышел совсем недавно.

Пришел сначала к ней, своей прабабушке, с которой они всегда понимали друг друга. Да и не к кому было больше идти. Отца Ивана убили на войне, а мать умерла, не дождавшись сына из тюрьмы. Подевались куда-то и друзья, так что был он теперь одинок и все никак не мог найти работы. Едва оправившись, уехал в Хуст. Как он там теперь?

В то время, пока его прабабушка сидела на скамейке и думала о нем, Иван проснулся. В доме было зябко. Живот молодого человека, как лютый враг, постоянно требовал своего, не давал покоя. За окном шел дождь. Попович накинул на плечи старый пиджак и сел у окна. Нет-нет да и посмотрит на корчму: не открыта ли она? Сколько недель спасает его эта пивнушка: там всегда найдется человек с доброй

душой, который угостит Ивана куском хлеба или стаканчиком вина. Народ здесь жалостливый. Добрые люди знают, что Попович порвал с коммунистами, что он уже не революционер, а просто бедняга, который очень нуждается в куске хлеба.

В детстве Иван мечтал стать учителем, желая видеть перед собой лица детей, которые хотят знать арифметику, латынь, историю. Позже революционная борьба оттеснила эту мечту, но сейчас мечта снова напоминала о себе, но... Да только кто возьмет на работу человека, побывавшего в тюрьме?

Иван снова посмотрел в окно. За корчмой на фоне дождевого неба возвышались старые стены Хустского замка. Взгляд задержался на разрушенных стенах. Это следы давней борьбы, когда люди защищали свой город с оружием в руках. Жаль, что даже те, кто живет по соседству с замком, равнодушны к истории. Если бы хоть кто-то заинтересовался. О, с каким удовольствием он рассказал бы все, что знал! А знал Иван немало. Например, мог поведать о тех днях, когда татары вторглись в Дунайскую низменность. О том, как возвращались они в Крым с многочисленными пленниками и награбленным имуществом. Но хотелось набрать еще, и тогда они решили захватить и Хустский замок. Не пошли напрямик, а дошли до Вышкова и сожгли церковь, в которой спрятались от них женщины и дети.

К счастью, защитники Хуста заметили приближение врагов. Воины и горожане решили вместе дать отпор татарам, устроить им западню у Боршайского перевала. Все вышло, как задумывалось. Сначала ополченцы пропустили лошадей и пленных, затем стали валить заранее подпиленные деревья и, наконец, открыли огонь из мушкетов, вдобавок сбрасывая валуны на головы неприятеля. Много татар полегло в тот день, а среди тяжелораненых оказался ставленник крымского хана. Его надеялись привезти в Крым живым, но он умер в дороге от тяжелых ран. Это произошло в тысяча семьсот семнадцатом году и стало последним нападением на Хустский замок.

Для Ивана предаваться таким размышления — одно удовольствие. Кто-то не придает истории значения, а он любит перебирать в памяти ее события, как хорошая швея шелковые нити, создавая радостный узор. Размышления и книги — настоящие друзья Ивана. Они помогают ему жить.

За окном начался настоящий ливень. Струйками воды стекал дождь по оконным стеклам, стучал по крышам, бежал ручьями по старому булыжнику на улице...

Корчму, наконец, открыли. Попович оделся и направился к ней. Прижимая руку к сердцу, низко поклонился хозяину, добродушному толстяку, который не гнал его из этого заведения. Затем вежливо

поцеловал руку его дочери, менявшей скатерти на столах, после чего тихо уселся у окна.

XXXII.

В Хусте все еще шел дождь, а в Колочае начался ясный день. Таял туман, омывая свежестью старое лицо Анны Попович, все так же сидевшей на скамейке перед домом.

Соседи Анны Попович тоже начали просыпаться. Молодая невестка хозяев первой появилась во дворе с деревянной миской в полных руках. Она вынесла курам зерно.

— Цыпа-цыпа! — стала созывать она их своим молодым звонким голосом.

Куры не заставили себя ждать и, сбившись в плотную стаю, стали жадно клевать зерно.

Женщина встряхнула миску, подняла голову и посмотрела в сторону дома Анны. Заметив ее, воскликнула:

— Добрый ранок, нанашко!

— Добрый ранок! — ответила Анна, махнув рукой молодой женщине.

— Як ся спало?

— Дякую, добре!

«Почему она называет меня нанашкой? Неужели я крестила и ее?» — подумала Анна. У нее так много было крестников, что всех она уже не помнила.

Вдруг со стороны жандармерии показалась мужская фигура.

Анна стала присматриваться, но ничего не смогла разглядеть.

Хорошо, что молодая соседка еще стоит во дворе, размышляя о чем-то.

— Марусько! — обратилась она к молодой женщине.

— Що хочете, нанашко? — спросила та и подошла поближе.

— Скажи мне, кто это на улице показался?.. Случайно не Мендель?

— Это не он! — уверенно ответила Маруся. — Я вчера слышала в корчме, что Вольф Мендель сейчас в Хусте.

— В Хусте? — оживилась старушка.

— Говорят, да.

— Хорошо, — тихо произнесла Анна.

— Почему? — спросила Маруся.

— Значит, он и сюда приедет.

— Обязательно приедет. У него свадьба будет и в Колочае. Говорят, что невеста...

— Скажи мне, доченька, что это за мужчина, который идет в нашу сторону? — повторила вопрос старушка. — Я его не узнаю!

— А, вот этот? — Маруся прикрыла ладонью глаза, защищаясь от ярких лучей восходящего солнца, и уверенно ответила: — Так это жандарм! Вчера спрашивал о вас. Хотел о чем-то поговорить.

— Зачем я ему понадобилась? — удивилась Анна.

— Хотел поговорить про Николау Шугая. Он всех спрашивает о нем, — она еще присмотрелась к приближавшемуся человеку более пристально и повторила: — Точно, жандарм! Ну, пойду я, нанашко!

— Иди с Богом!

Теперь уже и Анна Попович увидела, что это был жандарм. «Никола — мой крестник, — подумала она, — а что сказать о нем? Скажу, что знаю. Николу погубило то, что он не верил Богу. Во время румынской оккупации был такой случай. Заболела я в воскресенье так, что даже в церковь пойти не смогла. Лежу, охаю, болею, а кругом так тихо, что в ушах звенит. И вдруг слышу: кто-то работает топором! Ой, боженьки мои, как можно?! Святое воскресенье! В церкви служба идет, а на нее у нас все ходят — и старики, и дети, но кто, поди ж ты, осмелился гневить Бога? Взяла я палку в руки и вышла из дома. Слышу, стучат во дворе Петра Шугая. Подхожу к дому. Вижу: Никола строгает большой кругляк. В то время он начал дом строить. Уже два венца у него были готовы, теперь он сидит и строгает третий. "Слава Иисусу Христу!" — поздоровалась для начала.

— Слава навеки, нанашко! А вы уже не болеете? — спросил Никола, продолжая свою работу.

— Не болею, Николо. Как услышала твой топор — сразу поднялась. Это что получается? Родители в церковь, а ты хватаешь топор? Или не знаешь, что сегодня Святое воскресенье?

— Работать никогда не грех, — бойко ответил он и строгает дальше свое бревно.

— Николо, Бога побойся!

— А что вы все Богом пугаете?

— Кем еще пугать? Ведь не басурман ты проклятый, а христианин, но идешь против заповедей.

— Я иду против несправедливости.

— Ты думаешь, что знаешь, где твоя справедливость?

— Думаю, что знаю! — ответил он уверенно.

— Не знаешь и никогда не узнаешь, потому что у людей нет справедливости! Она только у Бога!

— Нанашко, это у Бога нет справедливости, — сказал как отрезал.

— Чем ты обижен? Молодой, здоровый парень...

— Вы мне скажите: почему с самого рождения Бог не дает всем поровну? Вот родители мои — бедные крестьяне. Я с малых лет помню, что я бедный, и должен думать, как и где мне заработать трудовую копейку. Мой ровесник, Мендель, родился в семье богача. Сразу обеспечен был. Он вырос в богатстве, которого не заработал. Вот этого я не понимаю, и мне обидно, — Никола с такой злостью воткнул топор в бревно, что меня от этого удара в сердце кольнуло.

— Убери топор, — крикнула я, — а то огрею палкой по спине! Он посмотрел на меня. Видимо, лицо у меня было такое страшное, что он молча отложил топор в сторону.

— Не стыдно тебе жаловаться? Ты посмотри на себя: красивый, молодой, здоровый... Руки-ноги есть... Заработаешь! А Менделю не завидуй! Этот парень в детстве сильно болел... Мучился с ногами. Очень трудно рос. Это после курортов заграничных он поправился.

— Вот и получается, что с деньгами можно и здоровье купить!

— Можно, Николо, можно! Но кому что дано. С каждого спросится — каждому предначертано свое!

— Что предначертано мне?

— Ты мне скажи, почему тебе не нравится Мендель? Уже не первый раз слышу, что точишь на него зуб.

— Он меня презирает, а я презираю его.

— За что?

— Он презирает меня за бедность, а я его презираю. — он задумался. — Даже не знаю за что? Презираю и все! — почти выкрикнул последние слова.

— Даже не знаешь за что? Во как! Знаешь, что я тебе скажу, Николо. У Менделя сын умный и грамотный парень. Учился всегда хорошо, а ты на себя посмотри. Когда ты книжку в руках держал? Сколько раз тебя отец порол за то, что не хочешь взять в руки даже Библию?!

Никола покраснел от негодования, снова схватился за топор и ударил по дереву:

— По-вашему, я сам виноват! Так получается?

— А ты подумай, кто виноват? Не бери в руки топор в Святое воскресенье! Имей Бога в сердце!

— Добре, добре, нанашко! Больше не буду, — согласился он.

— А с Вольфом помирись, Николо! Он промолчал.

С тех пор не видела я Шугая. Бог знает, увижу ли его еще? Хорошо бы, чтобы он успел вернуться к Богу».

Село просыпалось. Солнце поднималось все выше, прогревался воздух, в каплях обильной холодной росы отражался ослепительный

свет. На фоне солнечного летнего утра Анна напоминает черный уголек: одета в черное платье, на голове черный платок, смуглая и увядающая кожа лица и рук, только большие карие глаза смотрят на мир с живым интересом.

«Прекрасен день Твой, Господь Милосердный! — Анна осенила себя крестом. — Сколько мне еще даровано таких дней? Я готова идти в мир иной, но жаль мне расставаться с той красотой, что вижу перед собой! Смерти не боюсь. Я давно приготовилась к ней. В хлеву давно стоит гроб, что сделан был по моему заказу. Я наполнила его созревшим зерном, и он себе стоит. Одежду тоже припасла: белую вышитую сорочку, новый платок, черную юбку в светло-серую полосу. Все лежит в укромном месте и ждет своего часа. Когда придет этот час, то люди добрые знают, где что лежит, и возьмут готовенькое».

Анна опустила старческие руки на свои колени и тяжело вздохнула. К ней идет жандарм. Надо поговорить с ним.

XXXIII.

В эти дни Вольф Мендель был в Хусте. Днем он оформил в нотариальной конторе служебные бумаги, а вечером того же дня успел побывать на Совете купцов. Говорили о Шугае. Ничего толком не решили, но были жаркие споры. Купцы часто спорили между собой. Договорились до того, что кто-то назвал Николу коммунистом и революционером.

— Это почему же?! — спросили его.

— Как почему? Такие молодчики убили в Сараево эрцгерцога! Вот почему началась Первая мировая война! — уверенно ответил купец, который, как заметили все, был не совсем трезв.

— Какое Сараево? Какой герцог? — слышались недоуменные вопросы.

— Я не думал, господа, что вы не помните, какой моральный ущерб был нанесен молодежным обществом «Млада Босна»! — рассердился купец, помянувший Сараево.

Все засмеялись. Возмущился только сосед этого купца:

— Пусть так, но какой коммунист наш Никола Шугай? У тех идеи были, а тут?.. Тьфу! — плюнуть и растереть!

Вольф Мендель молча слушал и рассуждал про себя: «"Млада Босна" имела своих кумиров. Это был поэт Владимир Гачинович из Герцеговины и журналист Оскара Тарталья из Далмации. Они были идеологами "Млады Босны". Они же были и патриотами своей нации».

Все начиналось в этой организации очень романтично. Они собирались тайно, в темной комнате с наглухо закрытыми окнами. Горела лишь восковая свеча, а на черной скатерти лежал устав их организации, на нем револьвер. Все давали клятву умереть за освобождение и объединение южных славян.

Еще в марте четырнадцатого года ее члены знали, что в Сараево приедет эрцгерцог Фердинанд. Он был руководителем реакционных кругов австрийской военицины и, говорили, желает захватить и расчлнить Сербию. Началась подготовка к этому убийству. Один из руководителей группы, Данило Илич, стал подбирать молодежь, «готовую пойти на решительное дело». Когда такие люди нашлись, они получили в организации «Объединение или смерть» оружие, боеприпасы и разработали план покушения.

Надо сказать, что сербское правительство пыталось помешать этому замыслу. Было отдано распоряжение задержать «омладинцев» на государственной границе, но пограничная охрана это распоряжение не выполнила. Правительство Сербии своевременно поставило в известность австрийское правительство, но серьезные меры не были приняты. Для охраны эрцгерцога выделили трех полицейских агентов.

И вот, утром двадцать восьмого июня, после окончания армейских маневров, эрцгерцог прибыл в Сараево. Сначала в его автомобиль была брошена бомба, но она не причинила никакого вреда Фердинанду. Тогда его убили в упор тремя выстрелами из револьвера.

Было арестовано двадцать пять членов «Млада Босны».

На суде «омладинцы» говорили так: «Он (эрцгерцог) был врагом славян... Главный мотив, который руководил нами, — желание отомстить за сербский народ», «с каждым днем нашему народу жилось все хуже, он впадал в нищету... Босния все больше и больше приходила в упадок».

Три руководителя группы были казнены, двоих приговорили к пожизненному заключению. Участников покушения также приговорили к смертной казни, но некоторым не было двадцати лет, поэтому смертную казнь им заменили тюремным заключением сроком на двадцать лет. Эти несчастные умерли в тюрьме от истощения, голода и туберкулеза.

Такова история «Млады Босны».

«И все-таки, — размышлял сейчас Вольф, — "Млада Босна" — это чисто террористическая организация. А Шугай — совсем другое дело. Шугай — молодой человек, очень противоречивый, очень импульсивный. "Почему сбежал из армии?" — спросили его мужики в селе, а он им в ответ: "Все убежали, кто мог, а я почему должен был остаться?" В Колочаве жандармы сразу стали преследовать Николу. Он не хотел добровольно сдаваться и однажды выстрелил в них. Потом пришла чешская власть и кто-то из его недоброжелателей шепнул полицейским, что в селе живет злостный убийца, на совести которого двое убитых. И опять пришлось Николе прятаться. Что будет дальше? Неизвестно. Меняются времена, и каждая власть, согласно своей политике, находит в народе "своих героев". Куда-нибудь определят и Николу.»

Так рассуждал Мендель уже утром, когда направился к дому своего бывшего товарища Ивана Поповича.

Дверь была заперта, и Вольф решил зайти в корчму, чтобы переждать дождь. Там он бегло окинул взглядом полупустой зал и, повесив у входа плащ, остался в темно-синем костюме из английского сукна и голубой рубашке. Стал присматривать себе место в зале и в этот момент увидел Поповича.

— О! Кого я вижу! — радостно воскликнул Мендель. — Сервус!

— Сервус!

Друзья крепко обнялись. Мендель сел напротив Ивана и внимательно посмотрел ему в лицо.

— Рад, очень рад, что нашел тебя. Только что был у тебя дома, но там заперто, и я зашел сюда.

— Молодец! — радостно кивал головой Иван. — Как я счастлив тебя видеть!

В корчме было чисто и уютно. Пахло жареным мясом и картошкой.

Дочь корчмаря подошла к ним. Она была тонкая как тростинка, а на ее миловидном лице играла улыбка.

— Добрый ранок! — поздоровалась она. — Прошу вас! — и посмотрела на Вольфа.

— Что у вас на завтрак?

— Жаркое.

— Будьте добры, жаркое и бутылку хорошего вина. Девушка ушла.

— Я не очерню твою репутацию? — начал было Попович.

— Не теряй время на чепуху, — вежливо попросил Мендель. — Ты мне Расскажи, как живешь?

— Я живу хорошо. Вышел из тюрьмы, слава Богу. Скажи мне, Вольф, неужели ты рад, что встретил меня?

— Не просто рад, я тебя очень хотел видеть. У меня к тебе дело.

—Какое дело?
—Требуется хороший учитель в местной гимназии.
—Да ты что?! Думаешь, меня возьмут?
—Могу за тебя поручиться! Ты согласен?
—Ты еще спрашиваешь?! — воскликнул Иван. — Спасибо! Я...
—Ничего не говори — прошу тебя! Сейчас будем завтракать.
Поговорим после. Смотри, нам уже несут жаркое и вино.

XXXIV.

Четвертый день моросил дождь. Братья бродили по сырому лесу в поисках грибов и ягод. Внезапно Юра почувствовал озноб, у него начался кашель. Хорошо бы домой, в теплую постель, выпить липового чая или стаканчик горячего вина, а потом хорошо пропотеть на теплой печке. Но отправить брата домой Никола уже боялся. Там припомнят парню все: и пожар, и сапожника Меслера.

Оставалось одно — вернуться к обороту, уложить больного в теплый стог сена, напоить его пустым кипятком. Так и сделали.

Прошло три дня. Юрка начал выздоравливать. Все это время Никола не отходил от брата. Но неудовлетворенность собой, раздражение так завладели Николой, что он был на грани безумия. Временами оборот напоминал Шугаю настоящую клетку, невидимые кандалы. Он часами тупо смотрел в сторону села и не знал, что сделать ему со своей жизнью?

Прошло еще два дня в каком-то мучительном самобичевании. Дождь перестал, в лесу было тихо.

—Юрко, ты спишь? — позвал негромко Никола.

—Не сплю, — отозвался брат. — Слышу: ты не спишь, и мне не хочется.

—Как бы Эржике помочь? Она в тюрьме, а я на воле, — проговорил Никола в темноту, в ночь, в сырое безмолвие. — На такие муки пошла она ради меня!

«Хорошо, если бы ее оставили в тюрьме навсегда», — подумал Юра, но сказать это вслух побоялся: не хотел лишний раз получить подзатыльник от брата.

—Ну и что, если муки приняла, на то она и жена! — сказал младший брат.

—Юрко, ты думаешь, что каждый человек способен на такое? Нет, не каждый! Ты видишь, что я живу сам по себе. Эржике нет никакой пользы от меня: хозяйством не занимаюсь, денег не зарабатываю. У нее из-за меня только неприятности, а она такая молодая женщина! — с нежностью в голосе говорил Никола.

—Женщина, — пренебрежительно отозвался Юра. — От этих женщин одни беды.

—Тебе откуда знать? — засмеялся Никола. — У тебя даже девушки не было.

— Я все вижу, все слышу. И он запел тихо-тихо:

*Ой, хто там опівночі,
По лісу блукає?
То Олекса Довбуш
Легінів збирює.*

Никола улыбнулся этому напеву. Когда-то он часто напевал эти слова. Это было время, когда он мечтал прожить так, как Олекса Довбуш. Однажды он так остро ощутил в себе потребность защитить тех, кто был беднее, чем он, что помнит этот день до сих пор.

Это случилось теплым погожим днем, когда он собирал в лесу орехи. Наполнив сумку лесными дарами, Никола присел отдохнуть на высоком холме. Тихо было вокруг. Голубело чистое небо над головой. Никола прильнул к земле, посмотрел вокруг себя, задумался. Очевидно, такая погода была и много лет назад: так же светило солнце, голубело небо, зеленела трава, но ходил по этой земле отважный и благородный молодой человек — Олекса Довбуш. И болела его душа, что мир слишком несправедлив, что богатый человек всегда прав, всегда силен, потому что богат. И решил Олекса собрать единомышленников. Отряды добровольцев во главе с ним стали расти каждый день. А в тысяча семьсот тридцать восьмом году он с соратниками вышел на открытую борьбу с феодалами, нападая на богатые поместья, забирая имущество и отдавая его бедным людям.

Число отрядов этого опрышка все росло, и тогда преследовать его были отправлены военные части гетмана Иосифа Потоцкого. За голову Довбуша обещано было много денег, но долго не брала героя пуля.

Давно погиб этот человек, а память о нем живет и поныне. И видится он людям стройным, темноволосым, подвижным и веселым, щедрым защитником и вождем всех обездоленных. Те места, где он побывал, до сих пор носят его имя: Довбушевы криницы, каплицы, камень в селе Яремча, где любил он отдыхать, скала над рекой Черемош, гора Довбушанка.

Вот и Шугай ощутил себя когда-то Довбушем. Размышляя об этом, он пережил глубокое волнение. Почему бы не создать свой отряд? Разве нет сейчас бедняков или нет богатых? Или не собрать ему отряда парней, недовольных властью? Конечно, соберет.

Надо только подумать, с кого начинать? Конечно, с Ивана, Данила, Игната. Сначала их будет трое, потом шестеро, потому что каждый из них найдет еще товарища. Так будет расти количество бойцов.

И вот он уже идет во главе многочисленного отряда. Идет по ближайшим селам, по Волившине. В каждом селе есть люди, которые только ждут команды Николы, чтобы примкнуть к его отрядам. У каждого бойца есть лошадь и винтовка. Вот скачут они по главной улице Колочавы. Старухи смотрят в окна, мальчишки выбегают за ворота, и глаза их блестят от восторга. На обочине стоят односельчане, любясь доблестной конницей.

А он — Никола Шугай — впереди.

Вот выходит из дома знакомая девушка. Кто это? Да это ведь Эржика бежит к перелазу, чтобы успеть хотя бы рукой махнуть смелому парню. Лицо у нее покорное и любящее. Она протягивает к нему руки, но Николке некогда даже остановиться: его ждут дела. Некогда думать, как сохранить любовь женщин. Они сами добиваются его любви, хотя бы взгляда, а он мчится вскачь вперед, вперед. У него есть в жизни великое и благородное дело — защищать слабых и обездоленных крестьян от бесконечных поборов, налогов, тяжелой работы, унижений. За ним следуют его верные люди, верные соколы. Пыль столбом поднимается из-под копыт лошадей, а люди уважительно смотрят вслед...

Никола был так взволнован этими мыслями, что скатился кубарем вниз по голому ущелью и, лишь напившись воды из маленького горного ручья, немного поостыл. Снова поднялся на взгорок и, подложив руку под голову, прилег в тени. Только что родившаяся мечта манила его яркими образами. Вновь лихорадочно стало работать воображение, но появились и первые сомнения. Неужели удастся собрать много парней? Село есть село. Здесь каждый надеется на свои руки и на свое хозяйство. Крестьянину лишь бы хлеб сеять да хвосты коровам крутить. Другое дело, если бы он мог обеспечить их деньгами. Тогда нашлись бы желающие воевать даже в Колочаве.

— Скажи, Николо, ты ведь знаешь, кто виноват в смерти Олексы Довбуша? — слышит он голос брата.

— Не знаю.

— Забыл, что-ли? — удивился Юра. — Разве не помнишь, как долго пуля не брала смелого Довбуша? Не помнишь Дзвинку — эту замужнюю стерву, которая выведала у опрышка его сокровенную тайну? Только ей, своей любовнице, сказал он правду. Поведал ей о

том, что может умереть лишь от серебряной пули. Но сначала эту пулю следует спрятать в миску с яровой пшеницей, а пшеницу эту в течение года на 12 великих праздниках в церкви освящать, 12 обеден над ней отслужить. Дзвинка узнала тайну и все рассказала своему мужу Степану. Он выследил и убил опрышка. В смерти Олексы виновата эта курва, Николо! Слышишь, Николо?

— А еще Довбуш сказал своим боевым друзьям так: «Когда похороните меня, не ходите больше на разбой, не проливайте кровь, а расходитесь по домам», — добавил Никола. — Слышишь, Юра?

— Слышу, ну и что? Это не про нас.

— Не про нас? — переспросил Никола. — Еще как про нас! Оба замолчали.

Юрка, кажется, заснул.

«Что с нами будет? — спрашивает себя Никола. — Нельзя прятаться без конца, но где выход?»

Он не знает, как жить дальше, старается не поддаваться мрачным мыслям, но они упорно преследуют его. Особенно портится настроение такими вот вечерами, как сегодня, когда дождь стучит по деревянной крыше оборога, а кругом — сырой лес. Так хочется домой! Какое счастье жить в доме и наслаждаться простыми вещами: смотреть, как трещат поленья в печке, как струится горячий пар с чугунка, ощущать запах свежей каши.

Хочется увидеть маму. Никола очень любил смотреть, как она месит тесто. Боже мой, как он скучает по дому! Но нельзя поддаваться плохому настроению. Все эти домашние радости ему недоступны, как дикому волку, как бешеному псу. А не за горами осень. Порывистым холодным ветром она сметет пожелтевшую листву с деревьев, принесет с собой первые заморозки, и затвердеет земля, покроется серебристым льдом, а потом и белым снегом. Зимушка-зима придет. Белой фатой покроет эти горы, долины и одарит воздух зимней тишиной, скупыми лучами солнца. Никола вздохнул, повернулся на бок, шурша сухим сеном.

— Ты чего шебуршишь? — спрашивает Юра.

— Не спится! А ты как? Тебе не легче?

— Да я уже здоров, — отвечает брат. — Мне очень жарко.

— Если жарко, это хорошо, но ты не раскрывайся, терпи, тебе пропотеть нужно, — учит старший брат младшего.

— Слушай, Николо, ты почему такой нервный стал? — интересуется Юра.

— С чего ты взял, что я нервный? — недоумевает Шугай. — Я всегда такой. Правда, неприятно мне, что ты заболел. Тебе домой надо, а то привыкнешь ходить по лесу с ружьем, а привычка хуже

смерти. Боюсь, что ты уже привык. Боюсь, что испортил я тебя такой вольготной жизнью.

—Чего заводись-то? — спросил Юрка, приподнявшись на локтях, и в его голосе Никола почувствовал дерзкие нотки.

—Спи, Юрко! — повысил голос Никола. — Видишь, как похолодало? Зима скоро. А знаешь ли ты, какво это — зимовать в лесу?

—Чем плохо? Просто нужно одеваться потеплее, — отвечал Юра.

—Дурачок! Да с тобой бесполезно спорить. Не дорос ты еще до серьезных разговоров! Твои ровесники чистят навоз за скотиной, пашут, убирают хлеб, работают на сенокосе, а ты.

—Ты просто не в духе! — отозвался Юра.

Никола не ответил. Долго молчали братья.

—Помнишь, Юра, как мы колядовали на Рождество? — нарушил тишину Никола.

—Помню.

—Хотелось бы встретить праздник дома, — вздохнул старший брат.

—Встретим дома, — уверенно сказал Юра. — Знаешь, Николо, мне почему-то Святой вечер нравится больше, чем Рождество.

—Я знаю почему. Ты пост не любишь, а на Святой вечер можно разговеться, — повеселевшим голосом ответил Никола. — Помнишь, как стемнеет, мы выбежали во двор и смотрели в небо: когда уж появится первая зорька? Если появилась — можно кушать.

Братья снова замолчали. Где-то рядом закаркала ворона, потом хрустнула сухая ветка, и снова все стихло.

Никола смотрел в ночное небо и вспоминал Рождество...

В сочельник с утра были хлопоты, а дети ждали наступления вечера, чтобы разговеться после долгого поста.

Отец ставил в углу елку, пахнущую лесом, а дети украшали ее орехами, свежими яблоками, самодельными игрушками. Мать стелила на стол слой пахучей отавы, покрывала его белой скатертью, ставила небольшой сноп с золотыми колосьями. Золотился сноп овса, горели свечи. На столе ждали своего часа постные голубцы, чернослив, грибы, компот из сухофруктов, вареники.

Мать возилась у печки. На нее приятно было смотреть: гладкое чистое лицо, улыбка сияет. В этот вечер она казалась такой таинственной...

—Николко, позови отца со двора! Поможете мне?

—А как же!

Приходит отец. Они с матерью о чем-то советуются.

—Николо, иди ко мне, возьми это в руки! — обращается отец к сыну. Дает ему широкую глиняную тарелку, а на ней лежат кусочки хлеба, мед и несколько ложек кутьи. Отец подходит к печке, достает кочергой маленькие горящие угольки, высыпает их на совок, а мать подает ему зажженную свечу. Они с Николой выходят из светелки во двор.

Сначала подходят к хлеву. Отец рисует угольком маленький крестик над дверью, а Никола держит в руках миску с куском свежего хлеба и меда. Он слышит, как отец тихо шепчет молитву, а мальчику хочется одного — есть. Голод не дает ему покоя. Рука сама тянется к хлебу и меду.

—Николо, — поворачивается отец к нему, — дай-ка мне хлеб!..

Но тарелка уже пуста.

—Ты почему так сделал?! — на лице отца гнев и возмущение.

—Надоел мне ваш пост! — со злостью отвечает Никола.

«Ну и гаденышем я был», — подумал он сейчас, лежа на стогу.

XXXV.

Эржика вернулась домой. Недолго была в тюрьме — четыре дня. На первом допросе ей стало плохо. Она упала в обморок. Пригласили врача. Осмотрев ее, врач сказал, что у нее будет ребенок.

Когда она молча переступила порог, дома никого не было. Эржика подошла к окну и посмотрела в сторону школы. Там стояли незнакомые ей жандармы, о чем-то разговаривая между собой.

«Как Богумил? Сильно ли его наказали? И все из-за меня. Боже мой, как стыдно! Теперь между нами все кончено, — с горечью подумала Эржика. — Я предала его, воспользовалась доверчивостью этого человека. Конечно, он меня не простит. Я и не заслуживаю его прощения! Кончится его служба Колочаве, и уедет он домой в свою Чехию, там женится и забудет меня. Останусь я одна: ни жена, ни вдова, потому что Николу когда-нибудь все равно поймают. Хорошо, что Бог посылает ребеночка. Буду его пеленать, петь ему песенки, качать в колыбели и просить для него у Господа счастливой доли. А вырастет дитя, то будет ли счастлив, узнав, что отец его дезертир?»

Ничего хорошего не обещала Эржике жизнь ни сейчас, ни в будущем. Только теперь она поняла, почему ее отец был против ее замужества. Она пошла против его воли, и за это Бог наказал ее. Не будет у нее больше любви, не будет того, что помогает человеку жить

и радоваться. Все, что ждет ее впереди, — это сажать грядки, работать в саду, ухаживать за скотиной, сеять лен, ткать половики.

Эржика тяжело вздохнула, переделалась и принялась за работу: подмела пол в доме, затопила печь, налила воды в чугунок для супа — суп первое дело. Отец придет голодный. Пока ее не было, наверно, не ел ничего горячего. Он такой, если увлечется работой — о еде забывает...

День клонился к исходу дня. Эржика вышла во двор, чтобы подмести его. Пахло грозой. Почернел край неба над горой Красна. Налетел сильный ветер. Он нес с собой сухие листья кукурузы, прошлогодние фасоловые стручки, желтую пыль, куски сухих веток, неистово трепал на Эржике рубаху и концы ее платка. На темном небе сверкнула яркая молния. Прогремел гром.

Пастухи спешили домой. Эржика вышла к воротам — сейчас придет и их пастушок, маленький Илько. Тут же послышались с улицы знакомый колокольчик и коровье мычанье. Эржика пошла навстречу.

—Добрый вечер, Ильку! — обратилась к шестилетнему мальчику-пастушку, который после печеной картошки забыл помыть рот. Увидев Эржику, мальчик поднял брови и спросил с откровенным удивлением:

—Вы уже дома, Эржико?

—Где я должна быть?

—В тюрьме, — ответил он громко. Сказал как отрезал да еще добавил: — Зачем помогала бетярю?

—Кто тебе такое сказал, Ильку?

—Все говорят! — равнодушно ответил мальчик и пошел своей дорогой.

—Разберутся без тебя, — крикнула ему вслед Эржика. — Маленький еще! Тоже мне судья! — но в душе она понимала: ребенок ни в чем не виноват, он лишь повторил то, что слышал от взрослых людей. Пока привязывала корову в хлеву, начался ливень. Побежала в дом — скоро должен прийти и отец.

Он пришел, когда уже стемнело. Она узнала его по шагам. Слышала, как отец поставил в угол топор, как снял с себя сырую одежду. Вошел в избу и, увидев дочь, радостно улыбнулся, обнял ее, заглянув в глаза:

—Как ты, Эржико?

—Хорошо, отец! Меня отпустили! — она посмотрела на него виноватым взглядом.

—Что-то быстро отпустили. Видимо, кто-то похлопотал за тебя. Знать бы этого доброго человека. Как обращались с тобой в тюрьме?

—Хорошо! Никто меня не обижал.

—Почему ты плачешь, Эржико? — спросил отец, вытирая слезы дочери своей сухощавой ладонью.

—Я виновата перед вами, отец: не надо было спешить замуж! Простите меня!

Он молчал, но и на его щеках она увидела слезы.

—Отец!

—Все будет хорошо, дочка! Все будет хорошо! Богу молиться будем, чтобы хранил тебя от тюрьмы!

—Будем молиться, — подтвердила она.

—А грозы не боялась, дочка? — спросил отец повеселевшим голосом.

—Не боялась, но как вы промокли! — воскликнула Эржика. — Сейчас найду сухую сорочку, потом сядем вечерять!

После ужина отец по своей привычке хотел почитать Евангелие. Встал из-за стола и достал книгу, которую хранил за иконой. Вдруг застонал, начал задыхаться, книга выпала из его рук.

—Ой! Отец! — Эржика вскрикнула, подбежала к нему, помогла прилечь.

Он взглядом показал на пузырек с каплями, который стоял на полке.

Выпил настойку из ландыша, которую делал сам. Стало легче.

—Спасибо, дочка! — с благодарностью посмотрел на свою кровиночку Петро Драч.

—Не за что!

В тот вечер она до своей каморки так и не добралась. Боялась оставить отца одного: сердце у него слабое. А ведь эта болезнь недавно проявила себя, когда он сено косил: коса выпала из его рук, и стал отец задыхаться.

Чтобы помочь ему в работе, Эржика решила научиться косить. Вышла в огород, принялась за работу. Коса оказалась очень непослушной, все время упиралась в землю своим острием. Ничего не получилось у Эржики с косьбой. Она успокоила себя только тем, что все равно научится косить, но попозже. Сейчас она испытывала тревогу. Присела рядом с отцом, взяв его за руку. Он ответил теплым рукопожатием.

Не дай Бог потерять отца! Эта мысль приводила ее в ужас. Эржика успокаивала себя, как могла. «Нет, нет! Он будет жить долго-долго!» — говорила она себе.

«А если я скажу ему сейчас, что у меня будет ребенок? Обрадует его эта новость или огорчит? — гадала она. — Ведь Петро Драч не любит Шугая. Значит, и ребенок будет ему не мил... Но разве дитя в

чем-то виновато? Нет, не виновато. Отец умный и поймет это. Я все ему скажу. Но не сегодня», — решила Эржика.

XXXVI.

Настали погожие теплые дни.

В один из таких дней Эржика занялась стиркой. Выполоскав белье в речке, она решила вернуться домой самой короткой дорогой — через луг. От обильных дождей здесь густо разрослись высокие травы вперемежку с тмином, от которого исходил сильный запах.

Эржика поставила корзину с бельем на землю, чтобы собрать тмина, и так увлеклась, что не заметила приближения Богумила. Когда увидела, вскрикнула.

А он стоял молча и с грустью смотрел ей в глаза. Наконец тихо произнес:

— Я выследил тебя, Эржико!

— Выследил?..

«Ну да, выследил... Конечно, выследил», — чувство вины сковывало и мысли, и язык Эржики.

— Что дальше, пан жандарм?.. Хотите меня наказать? — спросила она, и в ожидании ответа у нее больно сжалось сердце.

Она стояла перед Богумилом, как перед судьей: «Вот сейчас и решится ее судьба: жить или умереть? Простил он ее или не простил?.. Кажется, не простил. Да, не простил».

С этой последней мыслью она посмотрела в его лицо смело и открыто. Так смотрит человек, которому уже нечего терять.

— Эржико. Prosim!* — сказал Богумил на чешском языке и сделал шаг к ней. — Успокойся, ты ни в чем не виновата!

«Не виновата?.. » — он на самом деле это сказал или ей показалось?

— Ты не виновата! — повторил он.

Простил! Тяжесть, будто огромный камень, свалилась с ее души. Волнение охватило молодую женщину, она вдруг почувствовала, что ей мешают собственные руки. Безо всякой надобности она поправила узелок своего платка, завязанный по-летнему — на затылке. И тут слезы сами собой потекли из ее глаз.

— Не плачь, родная!

— Не буду! — пообещала она и поспешно вытерла слезы. А

Богумил все смотрел на нее — босую — и думал, какое бы это было счастье — обуть ее ноги в самые красивые туфельки на свете! Как хочется расцеловать эти загоревшие руки, поцеловать эту красивую шею, на которой краснеет нитка ярких бус!

— Эржико! — он переминался с ноги на ногу. Тело его было как натянутая струна. Кажется, если он прикоснется к ней сейчас — последует взрыв, землетрясение, конец света. — Draha, draha**
— шептал он, будто про себя, а в глазах его она читала только любовь.

«Он любит меня», — трепетало от радости сердце Эржики. Его любовь переливается в нее, как в сосуд, хмельным напитком. Эржика уже жаждет ответить на его горячее чувство. Она хочет любить его так, как не любила еще никогда в своей жизни. Хочет любить, но как? Хочется приблизиться к нему, задержать взгляд в его умных серых глазах, нежно коснуться пальцами его широких крылатых бровей, приблизить свои уста к его тонкому чувственному рту, а после — пусть будет что будет.

...Женский смех поблизости заставил их оглядеться. Оказывается, они стоят на лугу, на самом открытом и видном месте. Недалеко от них бежит речка, а на речке две женщины полоскают белье и уже, верно, заметили их интимный разговор, но делают вид, будто очень заняты своей работой.

По центральной улице села прошли две крестьянки и мужик. Они направлялись в сторону дома Абрама Бера. Видать, за солью или за хлебом. Конечно, кто-нибудь из них да заметит парочку на лугу и скажет остальным. И тогда увидят все.

Да еще баба Паланя, как всегда, сидит на крыльце своего дома и пристально смотрит вокруг. От ее взгляда не скроется даже воробушек, не то что влюбленная парочка.

Но Богумилу все равно, кто и куда смотрит. Он хочет видеть одну только Эржику.

— Эржико, стань моей женой, — говорит он.

— Нельзя мне, милый! — она с трудом выговаривает эти слова.

— Почему? — он удивлен, и тень страдания отражается на его лице.

Она молчит в поиске подходящего ответа.

— Почему? — повторяет Богумил. — Эржико, я так хочу быть только с тобой! Хожу как во сне... Скажи мне, почему нельзя?

— он берет ее шершавые ладони в свои руки, нежно заглядывает в ее глаза.

— Богумил. — вздыхает она и молчит.

— Не мучай меня, скажи.

— У меня будет ребенок, — тихо отвечает она, виновато опустив голову.

Он не может понять, рада она этому или это ее огорчает.

* Prosim! — пожалуйста! (чеш.).

** Draha — дорогая (чеш.).

—Ребенок, ребенок, ребенок, — повторяет он скороговоркой, слегка пританцовывая, видимо ища нужные слова или просто желая сосредоточиться.

—Ах да, decko!.. Ну да — decko*?! Ну и что? Пусть будет decko! Это же хорошо!.. Эржико, это и есть твоя страшная преграда? — спросил он, и на его лице она увидела удивление. — Но то не препона, — улыбается Богутил. — Где будешь ты, там будет твой ребенок. Тебя хочу взять в жены и увезти отсюда! Поедешь со мной, Эржико?

—Ты хочешь меня увезти? — удивилась она.

—Хочу!

В тот миг она испытала настоящее счастье. За одну секунду изменился мир вокруг Эржики. Невидимые крылья подняли ее над этой землей, и все, что она увидела перед собой, напоминало райский уголок: бездонное небо, полное божественной тайны, пение птиц, шелест листьев на иве, стоящей неподалеку. Женщины, полоскающие белье на реке, украшали этот рай своими ярко вышитыми рукавами и цветными платками на головах.

Но откуда-то возник страх. Испугалась Эржика своего счастья. Как смеет она радоваться тому, что еще не совершилось? Неужели такое возможно?

—Куда ты меня увезешь? — спросила тихо и серьезно.

—В Мельник, ко мне домой.

—А мать-отец примут меня?

—Мой отец погиб на службе. Он был жандармом. Мать работает в библиотеке. Когда-то она сказала мне, что женщина, которую я выберу в жены, будет ее дочерью.

—Ты думаешь, я понравлюсь ей? — спросила Эржика, слегка повеселев. — У вас одеваются по-городскому, а я, видишь, как хожу? Катран, сорочка, камазолка...

—И что с того? Если дело только в одежде, это можно быстро исправить: просто переодеться. У тебя национальная одежда, и в этом нет ничего плохого. Свою одежду имеет каждый народ. У нас она тоже есть. Моя мама порой тоже так одевается.

—Точно так же? — удивилась Эржика.

— Нет, чуточку по-другому. У нее есть белая рубашка с широкими рукавами, а поверх нее тоже вышитая безрукавка. Потом она надевает несколько нижних юбок, но самая верхняя юбка — самая нарядная. С пояса свисают разноцветные ленты. На ногах красные сапоги «гармошкой», а на голове — кокеш**. Такой костюм мама одевает только на масопуст.

* Decko — ребенок (чеш.).

** Кокеш — чепец, вышитый красным шелком и украшенный

Заметив в глазах Эржики немой вопрос, Богумил продолжал улыбаясь:

— Масопуст? Это масленица, масопуст весело празднуют в Словакии. Там и родилась моя мама, на границе с Австрией. Этот праздник — просто чудо! — Богумил аж причмокнул. — Представляешь, Эржико, идешь по деревенской улице, а тебе навстречу идут ряженные в масках козы, коня, обезьяны, петуха, медведя. Среди них ты увидишь нищего, цыгана, сапожника... самого рослого мужика наряжают невестой! Потом вся эта компания ходит из одного двора к другому. В каждом хозяйка встречает их с закрытым горшком. А когда открывает его крышку, оттуда выскакивают петух или кошка!..

Тихий теплый воздух разливался над зелеными дубравами, синело высокое небо над головой, чуть слышно звенела река. Неужели она — Эржика — уедет из этих мест и навсегда оставит этот чудесный край? Как будет жить она без этих зеленых холмов, без стремительных горных потоков, без этого живительного воздуха?..

— Эржико, ты скучаешь? — спросил Богумил, заметив на ее лице тень легкой грусти.

— Я тебя слушаю... Мне кажется, будто я уже побывала на твоей прекрасной родине, — улыбнулась она.

— Правда? — обрадовался он.

— Правда.

Бабы на реке закончили стирку. Они сложили белье в корзины и пошли домой.

— Мне тоже пора, — сказала Эржика.

— До завтра, Эржико!

XXXVII.

Летняя ночь, как теплое покрывало, укрыла Колочаву. Спит село, утомленное дневными трудами, но Марте не спится. Она лежит на постели, рядом — жандарм.

«Теперь капитан в моей постели... Получается, что я не крепость, не горная скала, не вершина Говерлы. Я — очень слабая и грешная женщина. Хотела одного — получилось совсем другое», — думала она.

Как-то вечером жандарм Новак постучался:

— Пани Марта! Я имею сведения, которые вынуждают меня осмотреть ваш дом!

— Заходите, будь ласка! — сказала Марта, открывая свою хлипкую дверь.

Вместе с капитаном вошли еще два жандарма. Они внимательно осмотрели убогую хатку.

— Вам не страшно жить одной? — поинтересовался Новак.

— Страшно! А что делать? — развела Марта руками.

— Хотите, я выделю вам охрану?

— Зачем мне охрана?

— Чтобы вас никто не украл, — ответил капитан, и они с Мартой вместе рассмеялись, весело, от души.

— Я никому не нужна! — наконец ответила женщина.

— Я думаю иначе, — многозначительно произнес Франта. Через три дня капитан вновь появился в ее доме.

В тот вечер дул сильный ветер, шумевший листвой в саду и даже сломавший ветку яблони.

— Вы не боитесь грозы, пани Марта? — спросил гость.

— Боюсь, — призналась хозяйка.

Слово за слово, и вот уже капитан нежно коснулся руки Марты. Она и не заметила, как он оказался в ее постели.

Вчера баба Паланя — соседка, которая все кругом видит и примечает, — сказала шепотом:

— Марточко, пока не все узнали, что капитан к тебе ходит, гони его от дома, как бешеную собаку!

— Почему? — удивилась Марта.

— Мало тебе горя? Мало тебе, что Шугай жизнь покалечил? Теперь этот появился! От этих мужиков одно горе и неприятности! Если узнают в селе.

— И что?

— Ничего. Будешь мати ганьбу*.

— Уже поздно, — ответила ей Марта.

— Что поздно? — не поняла баба Паланя.

— Поздно гнать, — спокойно сказала Марта.

— Бедная ты, бедная! — сокрушалась баба Паланя своим медовым голосом, а лицо ее говорило: «Яблоко от яблони недалеко падает». — Все равно выгони мужика! — сказала Марте.

Но Марта не хотела гнать капитана и ни о чем не жалела. Конечно, он немолод и не такой приятный, как Богумил, но зато тот ефрейтор, а этот — капитан.

Она молча смотрела в темноту, прислушиваясь к дыханию капитана. Он, лежа рядом с Мартой, размышлял почти о том же. Новак догадывался, что по селу уже поползли слухи. В таком месте, как Колочава, секретов не существует, и теперь все будут гадать: женится он на Марте или нет? В самом деле, что ему делать? Он, понятно, в Прагу вернется. Но как быть с Мартой? Как он оставит эту девчонку,

* Мати ганьбу — опозориться (диал.).

которая годится ему в дочери? Не надо было с ней связываться. Сколько раз обещал себе, что не будет смотреть на молодых женщин, что женится на Божене и они будут спокойно стариться вдвоем. Будут рассуждать о витаминах, о пищеварении... Ой, какая скука!

«Божена, Божена... Что Божена?.. Пожить с молодой женщиной хотя бы еще несколько лет — разве это не радость? Марта не избалована городскими удобствами, а всю работу по дому делает сама. Такая женщина должна оценить предоставленные ей удобства... К сожалению, часто бывает, что именно такая женщина ничего не оценит... Нет, Марта не такая. Она хорошая. Может быть, все-таки жениться на ней? Назло Ружене. Марта моложе ее. Когда Ружена увидит Марту — умрет от зависти. Дурак! Какой же я дурак? Разве можно жениться кому-то назло?.. И что скажет сын, когда снова увидит мою молодую жену? "Глупак!" — вот что он сказал в прошлый раз. На этот раз скажет что-то покрепче. И будет совершенно прав!»

Да, с Мартой хорошо. Но почему-то он вспомнил Прагу: свой дом, свой яблоневоый сад, кусты чайных красных роз, которые сам сажал весной. Хотелось увидеть и своих старых друзей, которые сейчас сидят в зале «Старочешской избы» и за неспешными разговорами пьют хорошее пиво.

«Что за лирика, черт побери! — сказал он себе. — Домой захотелось? Ну, давай лови скорее этого разбойника и — на схледану! Но не так все просто. Получается, что он ошибался, когда там, в Праге, говорил, что не так сложно поймать деревенского хулигана. Начальник окружного управления жандармерии явно не доволен, что дело так затянулось. Ну все. Пора идти в жандармерию, где меня ждет казенная кровать».

Капитан осторожно высвободил свою руку, на которой лежала красивая голова Марты, достал мундир со старой деревянной скамейки. Встал и начал одеваться.

Марта поискала в темноте руку капитана, но нащупала только пустой рукав мундира. Но это была его вещь, и она нежно провела по ней рукой.

— Франтишек! — ласково окликнула она.

— Да, рыбонько! — уже полуодетый, он присел на край кровати и крепко обнял Марту. Руки у него большие, теплые.

— Франтишек! — повторила женщина нежно, обвив руками шею возлюбленного.

Он ответил долгим поцелуем.

За окном плыла тихая теплая ночь.

— Марточко, я пойду!

—Еще немного посиди со мной!

—Некогда, голубка, Шугая надо ловить! Как видишь, он портит мне не только дни, но и ночи. Не понимает, что все равно будет пойман. Пришел бы сам — для него же лучше. И кое-кто из твоих односельчан все еще продолжает его защищать. Могут помочь следствию, а молчат!

Марта восприняла слова капитана как легкий упрек в свой адрес: почему до сих пор ничего не разузнала? И ведь прав Новак — все равно Николу поймают когда-нибудь. Какая разница, позже или раньше? Почему бы и ей не сказать кое-что? Капитан должен знать, что она не равнодушна к его делам и готова помочь. Как хочется его поддержать.

Она прижалась к жесткой щеке капитана.

—Франтишек, послушай меня, — шепнула Марта.

—Что ты хочешь сказать, рыбонько?

—Из уважения к тебе хочу помочь жандармерии.

—Слушаю тебя.

—Ты знаешь о том, что Никола Шугай иногда приходит к Эржике ночью?

—Приходит?! — с удивлением переспросил капитан. — Как это ему удается. По воздуху?

—Он ползет на животе по оврагу от самого леса, потом через картофельное поле почти до порога ее дома. Они ночуют в боковой комнате, которая снаружи похожа на амбар.

Капитан задумался.

—Спасибо, — сказал он нежно и с благодарностью поцеловал Марту в губы. — Ты ложись, милая, и спи! Только дверь хорошо закрой!

Марта проводила капитана до порога, закрыла дверь и юркнула в теплую постель.

За домом Драча усилили наблюдение.

XXXVIII.

В ту ночь не спал и Абрам Бер. Он вышел во двор и долго смотрел в ночное небо. Мыслей — никаких, будто отупел совсем. Рассердился за это на себя, сплюнул в сердцах и вернулся в комнату. В доме уже все спали: в одной комнате жена, в другой — дочери. Он лег рядом с женой, но, как только закрыл глаза, тревога снова овладела им.

—Снова не спишь? — спросила жена.

—Спи, Натела, спи, моя дорогая! — шепнул Бер.

— Абрам, как я могу уснуть, если тебя что-то тревожит? Скажи мне, дорогой, что у тебя на душе?

— У меня все хорошо, но самочувствие не очень... Думаю, простыл я в дороге или еще не отдохнул после ярмарки? Сама знаешь, дорога неблизкая, а я уже немолод, — ответил муж, вздыхая.

— Для меня ты самый молодой, — прошептала Натела, погладив руку мужа, — а теперь закрой глаза и спи!

— Хорошо, — обещал он, — буду спать.

Легко сказать. Сон все не шел. Наверное, совесть не чиста. Зачем он отправился к друзьям Николы, зачем подал им надежду на то, что если кто-то из них поможет в поимке бандита, тот получит должность обходчика леса? Бер вдруг остро почувствовал и вину перед семьей Николы Шугая.

Это было во время Мировой войны. Отец Николы, Петро Шугай, воевал на фронте, но его семья должна была платить подати. Матери Николы платить было нечем, и тогда власти забрали у нее корову — единственную кормилицу семьи по имени Зорька. Когда уводили — дети плакали навзрыд. Куда увели ее? Что с ней будет? Зорька была не просто их спасением от голода, но еще и членом многодетной семьи. Дети помнили ее маленьким теленком, растили, любили ее, восхищались белой звездочкой на лбу своей любимицы.

В дом Шугая пришла беда: голод и слезы. Вначале как-то перебивались с хлеба на воду, потом мать Николы пришла в лавку Абрама Бера и попросила продукты в долг. Абрам не отказал ни в тот раз, ни потом. Тщательно записывал долги в свою черную тетрадь, а весной попросил расплатиться, хотя и знал, что денег у Шугаев нет ни гроша. Женщина в ответ заплакала.

— Зачем плакать, — сказал Абрам, — вам есть чем платить.

— Чем же? — удивилась та.

— Я могу взять кусок вашей земли, той, что на лугу. Уверю вас, она стоит недорого — место сырое, земля неурожайная, зато вы избавитесь от долгов.

Мать Николы согласилась, а Бер смог выручить за участок хорошие деньги, много больше, чем задолжала семья Шугаев. «Добро нужно преумножать» — золотое правило Абрама Бера...

Сон окончательно пропал. Бер встал с постели и вышел из комнаты. Ночь, все домашние спят, а он мучится сомнениями и тревогой. Абрам прошел длинный коридор и тихо вошел в свою комнату. Зажег свечу, взял в руки Священную книгу. Только молитва сможет помочь ему привести в порядок мысли, только молитва успокоит его душу. Но как трудно отвлечься от тяжких раздумий. «Конечно, когда-нибудь Николу поймают, но что будет со мной, если

откроется, что я помогал разбойнику? Что будет с моими детьми? Как сложится их судьба?» — спрашивал себя Бер, открывая книгу наугад. Согнувшись над ней, он прочитал: «Маслины будут у тебя во всех пределах твоих, но елею не помажешься, потому что осыплется маслина твоя. Сынов и дочерей родишь, но их не будет у тебя, потому что пойдут в плен. Все деревья твои и плоды земли твоей погубит ржавчина... »

Абрама бросило в холодный пот, он закрыл книгу, вознес руки к небу и заплакал.

XXXIX.

Вольф Мендель-младший сидел поздним вечером в своей городской квартире, подписывая приглашения на свадьбу. На пригласительных открытках были нарисованы красные розы и обручальные кольца. Уже была готова одежда для молодых: черный костюм для жениха и белое платье для невесты. Родители Вольфа просили молодых и их гостей, чтобы после свадьбы в Ужгороде они приехали в Колочаву и там завершили торжества. Мендель-младший не возражал. Его мать была хозяйкой хлебосольной, и понятно было ее желание угостить городских родственников здоровой деревенской едой, например голубцами из квашеной капусты или сладкими пирогами. В свою очередь, сельских гостей она хотела «побаловать городской едой: пиро-жеными, тортом и кофею».

Невеста Вольфа была единственной дочерью ужгородского адвоката. Она училась в Вене вместе с сестрой Вольфа Менделя и уже несколько раз бывала в Колочаве. Для местных крестьянок приезд городских девушек каждый раз был событием. Интересовало, конечно, не их образование, а одежда, манеры. Девушки носили платья из тонкой светлой ткани, на руки надевали белые перчатки, а на головах у них красовались ажурные шляпки, украшенные цветочками. Когда подружки появлялись на сельской улице, крестьянки устремляли на них проницательные взгляды.

«Красавицы!» — говорили одни, вздыхая.

«Прибери пня — буде му 1мя!» — парировали другие.

Перед началом свадьбы Вольф обещался заехать к родителям, уладить кой-какие дела. Мать просила его приехать с невестой, но та сейчас слишком занята, так что придется отправиться вдвоем с другом — будущим шафером.

Пока что надо дописать пригласительные открытки. Наконец Вольф взял в руки последнюю из неподписанных открыток. Рисунок на ней был совсем несвадебный. Это был зимний пейзаж: ветка сосны,

припорошенная толстым слоем пушистого снега. Вольф задержал долгий взгляд на картинке, эта ветка напомнила ему детство и первую детскую влюбленность.

Это чувство пришло к нему в Колочаве, на рождественский сочельник. Детская коляда пришла тогда в дом старосты Менделя. Первый колядующий вошел в дом с красной звездой в руках. Следом шли двое с вертепом, внутри которого горели свечи и лежала фигурка младенца. За ними последовало еще с десятков детей. Они хором запели:

*Нова радість стала,
Яка не бивала:
Звізда ясна над вертепом
Світу возсіяла...
Небо и земля, небо и земля
Нині торжествують.
Ангели, люди, ангели, люди
весело празднують:
Христос родився,
Бог воплотився,
Ангели співають,
Царя вітають.*

Следом в дом вошел Старый Год. У него было широкое лицо и большая седая борода, еще запомнились вывернутый наизнанку овечий кожух и меховая шапка. Старый Год, он хромал и кашлял, а потом взялся подвести итоги своего владычества, но не закончил, так как рядом с ним стал молодой красивый юноша, изображавший Новый Год. Он дружелюбно приветствовал хозяев, желая им всяческих благ, но тут же за ним ворвались в комнату танцующая Лошадь, энергичная Коза, цыгане...

Началась смешная возня, поднялись визг, писк, смех, кто-то из городских гостей старосты пустился с цыганами в пляс, но коляда помнила, по какому поводу пришла сюда, и снова запела:

*Дивная новина:
Нині Діва Сина
Породила в Віфлеєме
Марія єдина.
Не в царській палаті,
Но между бидляти,
Во пустині, в ясліні,
Треба то всім знати.*

И вот уже Старый Год медленно развязывает мешок, давая понять, что пришло время угощения. В мешок щедро сыплются монеты, булки, колбаса, слойки... Как зачарованный смотрел Вольф на колядующих крестьянских детей. Как чудесно все у них получается! Как же он им завидовал! Если бы знали родители, как хочется их сыну стать своим в этой шумной компании! Если бы они только знали, как хочется и ему ходить с ними по домам и радовать людей!

Вольф подошел к отцу:

— Можно немного погулять с ними?

— Сейчас узнаем, — ответил отец и громко спросил:

— Кто у вас старший?

— Я! — пискнула высоким голосом Коза.

— Примете еще одного колядника?

— Кого?

— Моего Вольфа.

— Примем!

На улице все колядующие дети стали смиренными и спокойными. Видимо, берегли силы: им ходить и петь надо еще всю ночь, нельзя обойти мимо ни одного дома.

— Что мне делать? — спросил Вольф. — Чем помочь?

— Ничего не надо! — последовал ответ из толпы. — Ходи себе, гуляй себе, смотри да подпевай.

— Кто там хотел помочь? — послышался чей-то голос из темноты.

— Это я сказал — Вольф!

— На, возьми мешок с подарками. Справишься? — к нему подошел мальчик.

— Давай!

Вольфу взвалили на спину полный мешок с угощениями. Он еле удержался на ногах.

Ребята тут же забыли о нем и побежали дальше. Только одна девочка вышла из детской толпы и пошла Вольфу навстречу.

— Тебе тяжело? — спросила она.

— Нормально, — покривил душой Вольф, опасаясь насмешек.

— Я вижу, что тебе тяжело, — сказала она. — Давай помогу!

— Что ты, я сам! — Вольф хотел доказать, что он здоровый и сильный.

— Поставь мешок на землю! — приказала девочка и остановилась перед ним, загораживая собой дорогу.

Он поставил мешок. Лукаво щурился месяц в небе, освещая зеленую ветку старой сосны, припорошенную пушистым снегом. Ветка переливалась серебром за спиной девочки, одетой в полушубок и теплый платок, из-под которого выбилось несколько прядей. Лунный

свет осиял эти волосы, отчего они казались еще светлее и напоминали золотой нимб. Маленький Вольф навсегда запомнил глаза этой девочки, они были темно-синими.

— Христина, — тихо прошептал мальчик.

— Что?

— Ничего, — послышался тихий ответ.

Ни одна ночь в жизни Вольфа не была такой таинственной и ласковой. Он впитывал в себя, стремился навсегда запомнить все, что видит и чувствует: этот прозрачный живительный воздух, деревья, припорошенные снегом, купол неба над головой того же темно-синего цвета, что и глаза у Христины. Крестьянские домики с белыми от снега крышами весело мигали желтыми окнами. Все было как в сказке, но было не сказкой — Рождеством.

Вольф смотрел на Христину и понимал, что мир стал таким волшебным потому, что она УВИДЕЛА его первой, кроме родителей, остальные его просто не замечали. И если она УВИДЕЛА его, значит, полюбила. Вольфу стало так радостно от этой мысли, что хотелось кричать, или плакать, или совершать какие-то другие безрассудства, но голос рассудка вдруг шепнул ему: «Эта чудесная ночь никогда не повторится. Никогда».

Вольф поднял мешок и пошел вперед. Христина шла рядом и пела:

*— Нині Діва Сина
Породила в Вицлееме
Марія єдина, —
Возвестил то Ангел Божий
Наперед пастирям,
А потом звіздарям,
Та земним звірям.*

Они догнали маленьких колядников, но очень скоро Вольф почувствовал усталость, мешок давил его к земле, пришлось тащить его волоком по снегу, а ноги начали заплетаться.

— Слабак! Слабак! — сказал кто-то, остальные дети только хихикали.

— Чего смеетесь? — крикнула Христина. — Мешок и дурак может носить, а вы.

— Что «вы»? — спросил кто-то сердито из темноты, и тут же мешок у Вольфа отняли.

Его коляда в тот вечер закончилась, но с тех пор у него появилась тайна. Он влюбился. Однажды ему очень захотелось что-нибудь подарить Христинке. Под руку попалась цветная открытка, на которой

были нарисованы два целующихся голубка. Мендель-младший положил ее в книгу и стал думать, что на ней написать, а главное — как передать Христине? Пока он думал, мать спохватилась и стала разыскивать пропажу. Оказывается, она купила эту открытку для каких-то молодоженов, желая их поздравить.

Вольф во всем признался.

— Почему не спросил? Кому ты хочешь подарить ТАКУЮ открытку? — рассердилась мать.

Вольф промолчал и должен был принять наказание — встать на колени на рассыпанную по полу кукурузу. Это было больно, но он умел терпеть. Прошло минут десять, а может и больше. Вдруг мальчик упал навзничь. Оказалось, что потерял сознание.

Все испугались, послали за врачом, мать плакала и просила у сына прощения, осыпая его поцелуями. Врач, осмотрев мальчика, пришел к выводу, что у него большое сердце, и уже через месяц Вольфа отправили в Австрию на лечение. Прошли годы, он окончил университет, но Христину все еще вспоминал, и довольно часто. Ее образ поселился в душе Вольфа как нежное тонкое облако.

Однажды они вновь встретились в Колючаве. Христина уже была замужем, родила ребенка, потеряла несколько зубов, а свои золотистые волосы прятала теперь под платком.

Вольф нежно провел рукой по картинке и улыбнулся. Потом достал коробку, где хранил самые дорогие своему сердцу памятные вещицы, и присоединил к ним открытку.

XL.

Далеко за полночь Шугай вышел из леса и остановился на любимом взгорке.

Он прислонился к шершавому стволу ели и долго смотрел в сторону села.

С вечера прошел еще один из этих бесконечных дождей, лесной перегной уже успел впитать его теплую влагу. Из села доносился запах дыма, будто весточка из дому, словно ласковое слово женщины, прикосновение любимой руки. Этот дым будоражил его кровь и звал туда, где спала Эржика.

Интересно, помнит ли она свадьбу его родственника — Федора, который женился перед тем, как Николу забрали в армию? Во время веселого застолья гости громко переговаривались, было душно и пахло потом, а когда бабы начали петь о трудной женской доле, молодежь решила, что это уж слишком, и высыпала во двор. Под звуки

скрипки и бубна начались танцы. Никола веселился от души: пел, шутил, плясал.

Вдруг его внимание привлекла Эржика, радующаяся общему веселью. В этот момент он впервые взгляделся в нее всерьез, осознавая, что это уже не ребенок, а девушка. Никола залюбовался длинными тугими косами, карими глазами. «Красивые, как звезды», — подумал он тогда и, пригласив Эржику на танец, запел:

*А ще би тя, діво б/ла,
Учити любити, Обись знала
на вулиці Оком говорити.*

Когда эту коломыйку он пел другим девушкам, то они смеялись или краснели. Хотя чего тут краснеть? Только-то и говорится, что девушке надо научиться «говорить взглядом» с любимым, потому что любовь можно выразить не только словами...

Он пропел эти слова, но девушка вдруг ответила:

*Попід чуж іораниці
Студені криниці
Кобись такий до роботи,
Як до молодиці.*

Вот это да! Она намекала, что он больше любит женщин, чем работу! Что ему делать? Краснеть? Никола только засмеялся в ответ, а когда танец закончился, сказал твердо и серьезно:

— Ты будешь моей женой! И будет у нас свадьба лучше, чем у Федора!

Эржико! Эржико! Никола все помнит. И свадьбу, и ночи после свадьбы. Помнит, как они шептались в темноте, лежа в своей кровати. Днем было не до разговоров, днем полно работы, а ночью в самый раз. Поговорить было о чем: где и как заработать деньги, что сажать весной, какой дом себе построить.

Место, на котором решили построить дом, Эржика сама выбрала, и все согласились, когда она объяснила, что выбор не случаен. Здесь часто лежала корова, значит, место чистое и счастливое. Еще Эржике очень хотелось, чтобы в доме были большие окна, чтобы комнаты были залиты солнечным светом.

— Я сделаю все, как тебе нравится! — пообещал Никола.

Боже мой, неужели все это было? Как он был счастлив тогда! Просыпался рядом с любимой женой, а за порогом рождался новый день, над селом вставало солнце, и в долине таял молочный туман. И не было краше уголка на свете, чем его Колочава.

Воспоминания разбередили душу, притупив чувство опасности. Он должен увидеть Эржику, должен убедиться, что она его любит.

Поэтому он пойдет к ней прямо сейчас. Никола поднял голову и взгляделся в бездонное ночное небо. Потом поежился от ночной прохлады, прислушиваясь к ночным звукам. Шелестела листва в ночи, где-то рядом пронзительно и громко закричала сова. Но это все было привычно для его слуха, и он снова вернулся к своим мыслям:

«Пока я свободен, у меня есть выбор. Можно пойти в село и отдаться в руки властям, а после пусть будет что будет. Можно вернуться в лес и залечь в теплое сено обороба. Если хорошо подготовиться, можно пересидеть зимние месяцы, а потом вновь придет изобильное лето. Так и стану лесным волком. Но я этого не хочу».

И он пошел вперед, прямо в Колочаву.

Что ждет его в доме любимой? Нет ли там засады? Не будет ли эта ночь последней в его жизни? Близкое свидание с любимой придавало ему отваги.

«Скоро увижу Эржику. Скажу ей, что я готов пойти в жандармерию и все рассказать. Прятаться от людей — сил нет больше. И еще спрошу, почему спасала она меня от тюрьмы? Потому что любит или оттого что Бога боится?»

Эх, Эржико, Эржико! Вспоминаешь ли меня или совсем забыла?»

Никола прошел ущелье, а от леса к селу прополз на животе, как змея. Передвигался быстро и ловко. Началось картофельное поле. Он проскользнул между рядами картошки.

Дом тестя. Никола посмотрел вокруг. Никого. Очень тихо. Около амбара поднялся во весь рост и подбежал к каморке, где ночевала жена. Руку протянул к окошку, но не постучал, а лишь прикоснулся пальцами к стеклу и подошел к двери.

«Эржико, Эржико, иду к тебе, двери открывай!» — кричало его сердце. И так ему хотелось, чтобы она почувствовала его приближение, чтобы поскорее открыла эту тяжелую дверь, на которую он навалился всем телом. Неожиданно для него дверь открылась. Почему? Кого ждет его жена?..

Никола вошел в темные сени, тихо открыл дверь в небольшую комнату Эржики. Остановился на пороге. Лунный свет освещал каморку и все, что было в ней: стол, накрытый белой скатертью, на стене — святые образа. Справа на высокой кровати лежала жена.

— Эржико! — шепнул Никола, приблизившись к ее кровати.

— Эржико, это я, Никола!

Она вскрикнула от испуга, спрыгнула на глиняный пол. Ее длинные темные волосы рассыпались по плечам.

— Почему дверь не запираешь на засов? — спросил Никола шепотом.

—Так уговор у нас был: не запираешь дверь, чтобы ты не стучал посреди ночи. Неужели забыл?

— А я подумал, ты ждала другого! Постой, я поставлю винтовку в угол.

Избавившись от оружия, Никола сделал последний шаг к жене и обнял ее горячими руками:

— Любка моя! Если бы ты знала, как я скучаю по тебе! Никола спрятал лицо в волосах Эржики.

—Мне нравится, когда твои волосы пахнут любистком! Милая моя, родная! — шептал он.

Но Эржика не ответила на его объятия, а, опираясь руками в грудь мужа, попыталась его оттолкнуть.

— Почему противишься?

— Уходи скорее, Николо! За домом следят!

— Не пойду, пока...

— Уходи! Уходи! — упрямо твердила жена.

—Что ты меня прогоняешь? — рассердился Никола и начал расстегивать свой широкий кожаный ремень. — Давай быстро ложись в кровать! — добавил он грубо. — Чего медлишь, давай!

И тут послышались во дворе чьи-то шаги.

—Я говорила, что они здесь! Уходи, Николо! — дрожащим от страха голосом прошептала Эржика.

Шугай схватил винтовку, выскочил в сени, притаился. Послышался осторожный стук в окно.

Эржика вышла в сени и, не открывая дверь, спросила:

— Кто там?

— Это я, — услышала она голос Богумила. — Я должен войти! Она не спешила открывать дверь.

— Пришел твой фраер! — тихо прошипел со злостью Никола.

— Ну, открывай дверь, курва!

Эржика молча открыла засов и вернулась в комнату. Следом за ней вошел Богумил. Он был один.

— Прости, Эржико, что разбудил тебя, — сказал он мягко. — Дежурным показалось, будто кто-то вошел в твой дом.

В интонации его голоса Никола уловил особые нотки. Услышав этот голос, Шугай убедился в одном: этот человек любит его жену. Да, ее любит, а Николу выслеживает, чтобы убить. Он хочет убить своего врага, своего соперника, который мешает ему завладеть любимой женщиной.

Теперь Шугаю было все равно, жить или умереть. Он сжал в руках ствол винтовки и громко сказал:

— Я здесь! — и тут же выстрелил в спину жандарма. Богумил упал на пол.

Никола выскочил во двор. Во

дворе кто-то крикнул:

— Тревога! Он здесь!

Эржика как сквозь сон слышала выстрелы и голоса жандармов:

— Сюда!.. Нет, сюда!.. За копной сена! Уходит, гад! Ушел!.. В ее каморке лежал Богумил. И он убит!

В глазах Эржики почернело все вокруг, будто мир исчез, а вместо него воцарилось безжизненное безмолвие. Она закричала, страшно, дико, неловким движением руки зацепила на шее нитку красных бус, и рассыпались они как кровавые слезы.

Пришли в дом жандармы. Молча и бережно подняли на руки своего товарища, отнесли в школу, осторожно положив на походную кровать...

Эржика шла следом за ними: босая, с распущенными волосами, в одной холщовой рубашке. На пороге жандармерии кто-то преградил ей путь.

— Уберите ее! — услышала она сердитый голос.

— Пустите! — сказала Эржика негромко, но такая сила была в ее тихом голосе, что все молча расступились.

Она миновала коридор, где толпились жандармы, и вошла в кабинет, посередине которого лежало тело Богумила.

— Уберите ее! — снова сказал кто-то за спиной.

— Оставьте ее! — приказал капитан Франта Новак.

Все вышли. Эржика осталась наедине с любимым. Подошла к кровати, медленно опустилась на колени и долго всматривалась в дорогое ей лицо. Ей больше не было стыдно, не было страшно. Самое страшное уже совершилось.

Эржика прощалась с любимым.

«Солнце потемнело без тебя, свет померк перед очами моими, — шептала она. — Радовал ты меня добротой своей, сердцем справедливым, телом сильным, умной головой!.. Голубь мой сизокрылый! Ты был моей единственной радостью. Я жить хотела потому, что видела тебя! На кого покидаешь ты бедную, несчастную Эржику?» Она все целовала его похолодевшие руки, нежно гладила лицо и русые волосы. Над Колочавой поднималось солнце.

XLI.

Братья рыли новую землянку. Все складывалось так, что Николе придется еще долго жить в лесу и прятаться от людей.

Работал он без настроения. Мучился сомнениями. Нужна ли эта землянка? Неизвестно, что будет завтра. Может быть, они с Юрой уже на мушке? Не сегодня завтра их выследят. Потом арестуют и напомним обо всем: о грабежах, о пожаре, обвинят в убийстве Меслера, в смерти Дербака...

Брат молча работал рядом.

— Ты не устал, Юрко? — спросил Никола. — Может, отдохнем да перекусим?

— Давай!

Сели на срубленное дерево.

Стояли теплые погожие дни. Мирно шумела листва над головой. Юра достал из торбы тонкую овсяную лепешку и, разломив ее пополам, одну часть отдал брату.

— Знаешь, мы хорошее место нашли для землянки, — сказал Никола. — Далеко от села — это раз. Хороший обзор — это два, место как сторожевая башня — издалека увидишь врага.

— Да, хорошее, — подтвердил Юра, медленно разжевывая кусок черствого хлеба. Потом запил его глотком воды и спросил:

— Скажи мне, брат, если Бог знал наперед, что я вырасту непутевым парнем, зачем позволил мне родиться?

— Да черт его знает! — ответил Никола. — Я когда задавал подобные вопросы, мне отвечали: «Только Богу все ведомо» и «На все Его воля».

— И к чему вера в Бога, если это ничего не дает, — продолжал рассуждать Юра с явным разочарованием в голосе; — Вот, Никола, отец и мать всегда верили Богу, почитали его, службы в церкви не пропускали, но где их хорошая жизнь? Как ходили в холщовых рубашках, так и ходят, как пекли лепешки на печи.

— Нельзя судить родителей, — строго прервал его Никола. —

Мы с тобой не бабы, чтобы судачить да заниматься брехней! Верно?

— Не бабы! — согласился Юрка.

— Раз так, иди-ка лучше поищи ровное бревно! Это слишком кривое, — Никола показал на дерево, лежащее перед ними.

Младший брат не стал возражать и удалился в глубь леса.

Стало тихо. Шугай посмотрел в сторону долины тяжелым взглядом. Тоскливо, муторно было на душе. Он устал от лесной жизни. Обида на себя давила грудь. Оказаться бы сейчас дома! Сварил бы горячую похлебку, подержал бы уставшие ноги в теплой воде, лег на кровать — вот это блаженство! Он завидовал всем, кто мог себе это позволить.

«Ведь и я мог жить так, как живут они. Кто виноват, что я скрываюсь в лесу? Я сам устроил себе эту жизнь. Сам! Отец наставлял: "Служи честно!" А когда я нарушил его волю, он сказал: "Ты не отдал воинский долг, а любые долги надо отдавать. Жизнь тебя накажет".

Так и вышло. Любой долг, даже самый маленький, ползет за тобой, как тень, и мстит.

И Эржика была права. Провинился — прими наказание. И крестная предупреждала: "Где совесть — там живет и Бог".

Где мой Бог? Где моя совесть? Почему я не думал о ней? Ох как трудно себя судить».

Сейчас многие из колочавцев отвернулись от него. Отвернулись даже те, кто хорошо относился, например тот лесник, который всегда угощал его леденцами. Никола всегда любил этого человека, с самого детства, ведь лесник не мог пройти мимо ребенка, не сказав ему что-то приятное, не угостив. Никола до сих пор помнит его большую и теплую руку. Когда лесник узнал, что Шугай подарил многодетной семье корову, был рад этому и долго пожимал руку: «А ты молодец! Честное слово, просто молодец!»

Но вчера Никола случайно встретил его в лесу. Старик вел себя очень странно. Он был чересчур вежлив, виновато отводил глаза в сторону, будто стыдился чего-то, а после сказал, что очень спешит, попрощался и ушел.

Никола понял: отношение к нему изменилось, леснику было стыдно находиться рядом с ним. Поведение Абрама Бера было таким же. Он при встрече даже головы не поднял, насупил густые брови, сказал сквозь зубы несколько слов и поспешил скрыться. Даже не попрощался.

«Видать, жандармы хорошо поработали с колочавцами.

Убедили всех, что я злодей и преступник, что это я убил людей на перевале. Кажется, они поверили в это, и сейчас никто не ставит свечу в церкви за мое здоровье, как раньше. Я в этом уверен. Конечно, никакая свечка не прибавит мне здоровья, но дело не в свечах, а в том, что за этим стояла людская доброта ко мне, а теперь ее нет. Кое-кто уже забыл, как я подбрасывал им или деньги, или одежду. Тогда они восторгались мной, смотрели угодливо в глаза, и я, дурак, думал, что так будет всегда. Теперь они все готовы продать меня. Никогда уже не будут меня уважать. Я для них уже умер. Даже хуже.

Разлюбила даже Эржика, предала, отравила сердце ядом, и нет мне радости в этой жизни. Придется идти в жандармерию. Так будет лучше. Только подумать надо, как сделать, чтобы Юрку не трогали. А леснику все же спасибо! Подсказал, что завтра вечером ждут в

Колочаве Вольфа Менделя. Хорошо бы его увидеть. Вдруг получится разговор, ведь мы уже не дети. Если бы получился, попросил бы я отвести беду от Юрки».

.Послышался хруст сухих веток. Юра волок бревно.

XLII.

Вольф Мендель и его шафер ехали в Колочаву. Было уже темно, когда повозка достигла вершины горы. Осталось проехать перевал, потом дорога поведет в долину и будет ровной до Колочавы.

Возница — рослый белокурый мужик, очень разговорчивый от природы, — всю дорогу себя сдерживал, чтобы не вмешаться в беседу молодых людей. Он обещал жене молчать, хотя и был недоволен, что вчера вечером она наставляла его как ребенка:

— Ты просто молчи — сойдешь за умного!

— Почему это я должен онеметь?

— Потому что я знаю твой поганый язык! Ляпнешь что-нибудь, а потом отмывайся всю жизнь. Помни, что везешь судью, а не какого-нибудь лайдака*!

— Я у тебя всегда хуже всех, — басил в ответ муж, — а люди, слава Богу, меня уважают. Видишь, именно мне доверили привезти из Волового в Колочаву молодого Менделя и его шафера.

— Вот и радуйся, но помни мои слова! — не сдавалась жена.

Теперь возница думал о том, что зря они спорили. У господ свой разговор.

Всю дорогу жених и его шафер что-то обсуждали. Изредка их разговор прерывался здоровым смехом, а почему смеются, непонятно. Ветер приглушал молодые голоса, и, как возница ни напрягал слух, до него доносились лишь отдельные слова и обрывки фраз:

— Ты знаешь, Вольф, по какой причине Жаткович... ? — спросил у Менделя шафер.

«Ни черта не слышу из-за этого проклятого ветра!» — подумал возница, глядя на дорогу. Вольф между тем отвечал:

— Да, я читал об этом в газете.

— Такой пост занимал и добровольно, слышишь, Вольф, добровольно, отказался от поста губернатора. Я бы на его месте держался за эту власть руками и ногами! — громко и весело говорил шафер.

— На тебя это похоже! — засмеялся Мендель.

— Как ты думаешь, почему он это сделал?

— Ты знаешь, что еще в прошлом году он выдвинул программу, в которой предлагал провести выборы в законодательные органы —

Подкарпатский сейм и в Центральный парламент. Он направил правительству свои предложения, но все осталось на бумаге. Думаю, что он просто разочарован властью, — отвечал Мендель.

— Ну, разочарование — человеческое чувство. Мы всегда чем-то разочарованы: то погодой, то властью, то женщиной, — размышлял шафер.

Это был очень красивый молодой человек с арабской внешностью. Правда, немного кокетлив, но очень доброжелателен.

Мендель молча кивнул. Близость родных мест радовала его. Он уже убедился, что милее мест, где ты родился, нигде не найдешь.

— Что так смотришь? Сердце защемило? — угадал его мысли шафер.

— Защемило, защемило, — согласился Вольф, не отрывая взгляда от лохматых елей.

Далеко в долине замелькали маленькие огоньки: показалось село.

Вольф проголодался и уже предвкушал горячий ужин. Мать ждет его. Выглядывает в окна, выходит к воротам, смотрит на дорогу: где ее сын?

Эти мысли согревали сердце. Он молча улыбался.

Тем временем повозка уже достигла перевала. Ветер усиливался, Мендель поднял воротник тонкого плаща.

— Вольф, послушай, — повернулся к нему всем телом шафер, — если бы ты знал, как испугалась моя мама, когда узнала, что я собрался ехать в Колочаву?

— Почему? — не понял Вольф.

— Как почему? Долго причитала: «Там Шугай, там разбойники бродят и людей убивают! Не пущу!» Еле ее успокоил. Хорошо, нашел нужные слова: «Мама, ты вспомни, с кем я еду? Не один, а с Менделем! Как же, говорю я, меня обидит Шугай, если рядом со мной будет Мендель? А Мендель — лучший друг Николы Шугая! Неужели Шугай обидит друга детства?»

— Ну ты балагур! Она тебе поверила? — спросил Мендель.

Шафер развеселился:

— Может быть, и не поверила, но успокоилась.

Шафер был в прекрасном настроении: после шумного города ехал по горной дороге, да еще в гости к своему другу.

— В самом деле, кто такой Шугай? — спросил он Вольфа. — Одни говорят, что он разбойник, другие называют его опрышком, третьи считают, что он революционер. Скажи мне, Вольф, кто он на самом деле? Говорят, что ему власть не нравится, что он терпеть не может богатых людей и справедливость видит в том, чтобы у одних отнять, а

* Лайдак — не очень серьезный и работающий человек (диал.).

другим дать. Но это же глупость! Согласись, мой друг! Или он революционер?

—Нет, он не революционер. Я только одного знаю настоящего революционера, но теперь он уже бывший. Отсидел свой срок, много понял и пересмотрел свои взгляды.

—Ты о ком?

—Я имею в виду Ивана Поповича.

—Да, да, знаменитый был человек, — закивал головой шафер.

—Кстати, где он сейчас?

—Живет в Хусте, работает учителем. Он хороший учитель, — добавил Вольф.

— Надо думать: такая жизненная школа, — задумчиво произнес шафер. — Этот Попович учился с тобой в одном классе?

—Да, в одном классе.

—Надо же! А я ни разу не встречался ни с опрышками, ни с революционерами.

—Еще успеешь, — заметил Вольф, — ты ведь недавно приехал из-за границы.

—И все-таки интересно увидеть близко человека, который готов «жизнь отдать за счастье человечества», — театрально рассуждал шафер, и в его голосе звучала насмешливая ирония. — Вообще, я думаю, что все эти ярые революционеры, опрышки просто фанатики! Но мне все равно очень хотелось бы встретиться с кем-нибудь... Я не видел в своей жизни ни одного фанатика.

И тут возница не выдержал и крикнул, крепко сжимая в своих руках вожжи:

—Упаси вас Господь, пане, от таких встреч!.. Эти люди царя убили в России!

—Не волнуйтесь, здесь такого не будет! — крикнул ему в ответ шафер.

—Все может быть! — заметил Вольф.

—Не будет! — возразил шафер. — Спорю на что угодно — не будет! Разве не знаешь нашего народа? Он в массе своей инертен и действует только по законам толпы. Народ живет примитивно и не любит напрягать мозги. Даже так называемые образованные люди и те ленятся работать над своим развитием. Спросишь, например, кто составил школьные учебники — «Арифметику» или «Краткую общую географию», — не знают. Ты думаешь, что многие назовут имена Раковского или даже Духновича? Скажи, Вольф, только честно, я что-то не так говорю о народе?

—Ты же понимаешь, что народ — это множество индивидуальностей, — ответил Вольф. — Я уважаю этот народ за то, что он

терпим к чужой вере и к чужим традициям. Руками этих простых людей, замечательных мастеров, строятся церкви, возводятся новые ратуши, дома, ротонды. Эти люди достойны лучшей доли. Но есть разные пути, которые ведут к счастью. Лично я думаю, что правы были французские просветители, которые считали, что народ можно освободить только путем просвещения. Просвещение помогает человеку возрасть в себе то призвание, которое даровал ему Господь, только после этого возвращения человек способен принести пользу и обществу, и себе. Люди часто ориентируются только на церковные проповеди, но этого мало.

Как сказано? «Учите детей и не отпускайте их в мир без ремесла. У кого ребенок имеет желание учиться — посылайте в высшую школу, если ребенок не способен до учебы — дайте ему другое ремесло. Но люди часто благодарят Бога за физическое здоровье ребенка, а когда тот вырастет, то берет в руки торбу, ничего не умея. Вот такая жизнь часто вызывает жалость. Но надо отдать должное чехам: у нас все-таки строятся школы.

«О, какие у панов разговоры! — подумал возница. — Разве с такими поговоришь просто, по-человечески?»

—Н-н-о-о! — он хлестнул лошадь и не стал больше прислушиваться к разговору молодых людей, сидящих за его спиной.

Повозка ехала по перевалу. Стемнело, но глаза опытного возницы прекрасно видели дорогу, а лошади чувствовали ее еще лучше. На перевале было безлюдно, не утихал ветер. В низком небе куда-то бежали огромные черно-серые облака.

Внезапно на дороге появились две мужские фигуры: одна высокая, другая — на голову ниже.

Незнакомец среднего роста ловко остановил лошадь:

—Стой!

—Ты знаешь, кого я везу? — возмущенно спросил возница, помня о том, что за его спиной сидит сам судья и бояться ему нечего. — Ты кто такой, чтобы останавливать нас?!

—Я — Никола Шугай, — ответил незнакомец. — Кого везешь, — сейчас узнаем. Ты можешь не отвечать, сам увижу, — сказал он и направился прямо к Вольфу:

—Добрый вечер!

—Добрый вечер! — ответил Вольф.

Никола узнал его по голосу.

—Это случайно не Мендель? — как бы шутя спросил Шугай.

—Да, это я!

—Я слышал, что ты работаешь в суде. Может быть, едешь по мою душу? — поинтересовался Никола.

— Не нужна мне твоя душа, Николо. Мне бы со своей разобраться. Но тебя давно хочу спросить: не надоело бегать по лесным тропинкам? Не пора ли выйти на дорогу? Ты понимаешь меня, Николо?

— Понимаю, но нельзя мне идти по широкой дороге: поймут, засудят, а после.

Тут их разговор прервался, потому что между Юрой и шафером началась ссора.

— А тебя не учили, мой мальчик, что некрасиво брать чужие вещи? — спрашивал Юрку спутник Вольфа.

— Юра, ты что там требуешь? — со злостью в голосе спросил Никола. — Стань в сторонку и замри!

— Этот ребенок хочет отобрать мои часы! — возмущался шафер.

— Юра! — строго обратился к брату Никола. Тот послушно отступил на обочину дороги.

— Можно подумать, что он эти часы заработал потом и кровью, — пробурчал Юра себе под нос.

— Это уже не твое дело, а тебе ничего не дам, понял? Разбойнички! — презрительно сказал шафер. — Хотите нас ограбить, а потом убить? Вы хотя бы знаете, какое наказание понесете за убийство судьи? — стальные нотки слышались в голосе молодого шафера.

Юра пристально посмотрел на брата.

— Николо, ты слышишь, как он презрительно разговаривает со мной? — спросил он. — Убей эту ученую собаку, я тебя прошу!

— Я же сказал тебе — молчать! — снова прикрикнул на него Никола.

— Послушай, мальчик, лучше быть ученой собакой, чем быть таким невежественным, как ты! — с возмущением говорил шафер.

Молчание сгустилось, точно перед грозой.

Николу будто ударили в самое сердце. Впервые в жизни он не знал, что ответить. Но в жестоких словах признал правду, и эта правда ранила его. Этот чужой человек вытащил на поверхность и показал всем то, что он все время прятал глубоко в своей душе. Этот незнакомец указал ему на СВОЕ место в жизни. Указал так, как указывают собаке на собачью будку. Никола был просто раздавлен.

Шугай подошел к лошади, на ходу коснулся ее гривы и тихо сказал вознице:

— Трогай!

Повозка тронулась. Братья смотрели ей вслед.

— Ты почему их просто так отпустил? — спросил со злостью Юра. — Что они подумают о тебе? Теперь хвастаться будут, что ты слабый и трусливый как заяц!

— Пусть хвастаются. Мне все равно! — ответил старший брат. Юра был в ярости, но молчал.

Никола не замечал его настроения. Он хотел остаться один и пошел в глубину леса. Там, в объятии тишины и ночи, он упал лицом на землю, уже прохладную от ночной росы, и глухо застонал от унижения и боли.

XLIII.

На следующий день было воскресенье. Звон церковных колоколов был слышен даже в горах. В бинокль можно было разглядеть, как нарядно одетые крестьяне шли в храм на утреннюю службу. Погода стояла теплая, мягкая, солнечная. После ночевки братья пошли в землянку, взяли из запасов черствого хлеба, сала, попили воды из ручья. Вот и весь завтрак. Говорили мало, больше молчали. Никола сказал:

— Сегодня и завтра мы еще на свободе, а послезавтра вернемся в Колочаву. Навсегда!

— Зачем нам возвращаться? — спросил Юра.

— Не спрашивай! Отдыхай, пока свободен, дыши свежим воздухом! Мы пойдем в село и не будем больше прятаться. А сейчас, просто так, на всякий случай, сходим к условленному месту.

Пошли. Никола был очень удивлен тем, что в дупле старого дерева лежал старенький глиняный свисток.

— Что это такое?

— Условный знак.

— Что он значит? — Юра округлил глаза.

— Встретиться со мной хотят, — ответил Никола.

— Кто? — спросил Юра.

— Друзья мои.

— Когда?

— В понедельник, — ответил Никола.

— Понедельник? Да это уже завтра! — воскликнул Юра. — Вот и хорошо, ты рад? Может быть, друзья что-то придумали!

— Теперь уже неважно, что они придумали, — равнодушно ответил Никола.

В ночь на понедельник Никола долго не мог уснуть. В конце концов ему надоело лежать, и, пока Юра спал крепким безмятежным сном, его старший брат спустился с оборога и присел под ближайшим деревом, прислонившись спиной к шершавому стволу.

Прислушался к шелесту деревьев, к еле слышным ночным звукам. Завтра он пойдет на встречу с друзьями, а после этой встречи — сразу в село. Значит, сегодня его последняя ночь в лесу? Да, последняя. Но что будет завтра? Он посмотрел в ночное небо. Оно показалось ему странным и загадочным. Почему в жизни так много загадок, которые не суждено человеку разгадать? Он ничего не знает. Не знает, кем был до рождения. Что будет с его душой после смерти. Человек не знает, сколько в небе звезд, человек даже не знает, доживет ли он до завтрашнего дня.

О загадках жизни Никола задумался еще в раннем детстве, когда однажды на берегу реки он нашел маленький камень с замысловатыми узорами. Он долго рассматривал свою находку и еще дольше носил ее в кармане. Все надеялся узнать, как появляются эти узоры. А спросить некого было, рядом лишь сверстники, такие же пацаны, как и он.

* Жванка — жженая смола, которую употребляют как жвачку (диал.).

И, простому мужику, забивать голову всякими премудростями? Есть, конечно, люди, которые учатся всю жизнь, но какая с того польза, если все равно умрешь?

Где-то рядом каркнула ворона, и снова стало тихо.

Никола все сидел, о чем-то думал, будто боялся проспать что-то очень важное. И лишь ночной холод заставил его снова забраться на макушку оборога и укрыться сухим сеном.

XLIV.

На следующий день братья пошли на встречу с друзьями. Никола так давно их не видел, что испытывал легкое волнение. День был погожий. Самое время работать в поле. Братья пришли заранее к назначенному месту, чтобы осмотреться как следует. На участке Дербака не было никого. Место было огорожено, хозяйская рука Василя все еще чувствовалась здесь. Братья устроились на возвышенности, откуда могли видеть тропинки, ведущие к поляне. Времени было хоть отбавляй. Никола стал вдруг очень разговорчив и весел. Вспоминал разные истории из прошлого. Вспомнил и Менделя.

— На этом месте мы с Вольфом однажды палили жванку*. Видишь, Юрко? — он показал рукой на верхний край.

— Во как! С какой стати?

— Был какой-то праздник. Иду я по улице, присматриваю себе напарника, чтобы в лес пойти: одному неохота. Навстречу Мендель идет, а я ему:

—Сервус, Вольф!

—Сервус! — ответил он спокойно, но был слегка удивлен моим приветствием.

—Хочешь, покажу тебе, где можно найти белую жванку? — спрашиваю.

—Хочу! — ответил он.

—Пошли!

Мы свернули в сторону леса. Всю дорогу мирно беседовали, потом зашли глубже в лес, начали жечь смолу. Когда это нам надоело и мы проголодались, то собрали сыроежки, нанизали их на деревянную ветку и стали жарить на огне. Мимо прошел старый Маркович, посмотрел на нас и сказал мимоходом:

—Что, вкусно, чертенята?

—Вкусно, вкусно! — закивали мы.

—Эту еду будете помнить всю жизнь! — крикнул он нам и значительно поднял верх кривой палец с черным ногтем.

Вдруг Юрка воскликнул:

— Они пришли! — и посмотрел на брата с беспокойством. Да, друзья пришли. Их было четверо, они гуськом, медленно шли по тропинке.

— Да, это они, — подтвердил Никола.

Впереди шел Иван с ангельским лицом. Дальше Игнат — сумрачный, молчаливый парень. Данил с лукавой усмешкой на лице. Он уже не бедный поденщик, а сильный, уверенный в себе человек, потому как есть у него хорошо спрятанные деньги, которые он не тратит.

Друзья сбросили торбы и принялись за работу. Полдень.

«Почему Адам здесь? — размышлял Никола. — Или пришел сюда, чтобы отомстить мне за своего отца? Не простил мне пожара?»

Адам разделся до пояса, обнаружив свое прекрасное телосложение. Загоревшие широкие плечи блестели под лучами солнца. Он ловко орудовал небольшим топориком.

—Почему Адам здесь? — спросил и Юрка, угадывая мысли брата.

—Это земля его отца, а теперь она принадлежит ему, — ответил Никола. — Друзья пришли ему помочь. Понимаешь, жандармы за ними наблюдают, может быть...

—Николка, пойдем отсюда! — попросил Юра с тревогой в голосе.

—Что за глупости? — рассердился брат. — Наконец-то люди пришли, могут что-то сказать, а я от страха побегу в лес? А ты что, испугался, разбойничек? — Никола подмигнул Юрке.

—Не за себя боюсь, Николко! — ответил тот.

—Не надо бояться... Мы вооружены.

—Да, у нас винтовки, — согласился Юра, понутив голову.

—Запомни: если что, стрелять будешь только после того, как я подам тебе знак. Обещаешь?

—Обещаю!

Пока Никола с братом шли на встречу, у друзей были свои разговоры.

Игнат обратился к Даниле:

—Абрам сказал, что тот, кто поймает Николу, получит не только деньги, но и хорошую должность. Как думаешь, не обманут?

— Если по-умному с ними договориться, не обманут! — уверенно ответил Данила.

— Я хотел бы работать обходчиком в Воловском районе.

— Не говори «гоп», пока не перескочишь! Не бери греха на душу раньше времени!

— Ты о чем? Какой грех? Имеешь в виду Николу? Я не собираюсь никого убивать! Ради бога, пусть себе живут братья Шугаевы! Мы должны их только задержать! Правильно?

— Правильно! Сперва выслушаем Николу. Если он о чем-то догадывается — свидетели нам ни к чему!

Друзья встретились. Обменялись рукопожатиями, сдержанно улыбаясь, и направились к ручью. Шли гуськом. Никола впереди, за ним — Юра.

Вот и ручей. Иван постелил на зеленую траву большой рушник, выложил на него еду: белый хлеб, зеленый лук, вареные яйца, водку. Данил поставил вторую бутылку. Никола сел на землю. Рядом с ним Игнат, дальше Юра, Данил, Иван. Адам стоял в сторонке, присматривая себе место.

—Адам, ты не знаешь, куда сесть? — спросил весело Никола. Тот пожал плечами.

—Ну, давай иди поближе ко мне! Что у тебя с ногой? — только сейчас Никола заметил, что Адам немного хромает.

— Вывихнул недавно, — ответил Адам и сел рядом с Николой.

— Вот сейчас плеснем тебе водочки — и утихнет твоя нога, — смеясь, утешил Адама Шугай.

Друзья сидели молча. У Николы было прекрасное настроение:

—А давно мы с вами не собирались вот так вместе. Правда? Соскучился я по вас, честное слово!

Он тихо напел:

*Ой, тїду я у катуни,
Люба моя мати,*

*Кому будеш опівночи
Двері відмикати?*

— Помните, друзья мои, как весело мы гуляли?

— Как не помнить? — со вздохом ответил Иван, и тень грусти пробежала по его ангельскому лицу. Шугаю показалось, что только Иван способен на нежные чувства. Но он ошибался. Иван планировал свою жизнь далеко вперед. Он работал на лесосплаве, но эта работа нужна была для того, чтобы никто не догадался о его побочных доходах. Деньги свои опасался тратить. Был холост и намерен был жениться, как только жандармы покинут Колочаву.

— Сейчас согреем грудь водкой и будем все вспоминать! Правду говорю, Николо? — обратился Иван к Шугаю. — Давай наливай!

Шугай налил. Все выпили.

Установилась молчаливая пауза.

— Скажите мне, дорогие друзья, — спросил Никола, — кто убил семью «американцев» в Буштыно? Что это за дикари?

Друзья переглянулись.

— Ну, ты вспомнил?! — подал голос Игнат. — Об этом даже газеты уже не пишут!

Никола посмотрел на него. Игнат сидел к нему боком. На его зубах громко захрустел лук. Будто впервые Шугай обратил внимание на его выдвинутую вперед нижнюю челюсть. Было в этом что-то недоброе.

Никола незаметно прошупал взглядом всех сидящих по кругу. Всех подряд. От него не ускользнул и красноречивый взгляд, которым обменялись Игнат и Данило. Этот взгляд подтвердил его самые плохие предположения. Теперь он был полностью уверен в том, о чем прежде только догадывался.

— Это сделали вы? — спросил Никола.

Его вопрос никого не удивил. Все только будто призадумались, глядя перед собой. Только Адам старательно резал большими кусками пшеничный хлеб, умело работая блестящим острием маленького топорика. Он был спокоен, почти равнодушен. Он здесь — случайный человек, ему и говорить нечего.

— Ты о чем? — спросил Игнат.

— Хочу сказать, что это вы убили буштынских «американцев»! И вы убили людей на перевале, в том числе купца Ивана Бойко!

— Да, это мы! И что дальше, Николо? Чем ты недоволен? Обиделся, что тебя не взяли в это дело? Или надо было попросить у тебя разрешения? Стыдишь нас, будто ты судья, а мы — убийцы и разбойники?! — откровенно возмущался Данила.

Никола повернулся в сторону Юры, но Игнат мгновенно навалился на Шугая своим громадным телом, прижав его к земле. В это же мгновение Адам набросился на Юру. Раздались выстрелы.

Вечером того же дня жандармы нашли в лесу убитых братьев.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

На место убийства жандармы пришли во главе с капитаном. Друзья Николы были арестованы. На суде они доказывали, что Никола Шугай и его брат напали на них и хотели убить. Им пришлось защищаться. Ничего другого им не оставалось.

Прошли годы.

Жизнь каждого из друзей Николы сложилась по-разному.

Один из них стал обходчиком леса, но не справился с работой и через какое-то время был уволен.

Второй друг Николы купил в Сваляве хороший деревянный дом, но через полгода этот дом сгорел. После пожара его хозяин пережил инсульт. Причину своей болезни он объяснял тем, что ему приходилось тяжело работать на лесосплаве, где он подорвал здоровье.

Третий друг Николы жил скромно и неприметно в Колочае. Он выращивал для продажи свиней. В тысяча девятьсот тридцать девятом году Закарпатье было оккупировано венгерскими войсками. Была введена карточная система на продукты питания. Крестьянам запрещено было продавать мясо в понедельник, вторник и пятницу. Нарушителей строго наказывали, отправляли в тюрьму на полгода. Третий друг Николы нарушил этот закон и был наказан. Из тюрьмы домой так и не вернулся. Что с ним случилось — неизвестно.

Агафья после женитьбы Адама старалась угодить и ему, и невестке, и внукам, часто вспоминая то счастливое время, когда был еще жив ее муж — Василь Дербак. С улыбкой рассказывала, как любили они сидеть рядышком, как уважали друг друга и были счастливы. Если при ней говорили о гадалках, она советовала никогда к ним не ходить, «бо то все дурница, і жчого тратити грош».

Марта попрощалась с капитаном, и он вернулся в Прагу. В первую ночь она очень плакала, потом грустила еще две недели. Но тут зашла к ней родственница из соседнего села и пригласила ее к себе на храмовый праздник. Храмовый праздник в селе — событие, и Марта с удовольствием приняла приглашение. Она появилась там в своей васильковой безрукавке, в белой блузке, в черной юбке. Как можно было не заметить Марту? Она понравилась почти всем местным парням, но приняла ухаживания лишь одного из них — молодого Михайла. Так что не успел еще капитан отдохнуть после Колочае, а Марта уже знала, что у нее скоро будет свадьба.

Капитан же, приехав в Прагу, получил поощрение «за блестящее проведение операции и обезвреживание преступника». Он в тот же день отпраздновал это событие вместе со своими сослуживцами. Они сидели в своей любимой пивоварне «У Флеков», в своем любимом зале «Старочешской избы», и пили пиво. После этого капитан отправился к Божене. И хотя, глядя на нее, он часто вспоминал Марту, но чувствовал — пройдет немного времени, и все забудется. Божена знала его вкусы: какой кофе он любит, какое пирожное ему нравится. С ней было легко и просто, а главное — не надо было решать каких-либо проблем. Новак твердо пообещал себе, что женится только на Божене. Только не сейчас, а попозже.

У Абрама Бера все было хорошо. Но, когда немцы захватили Чехословакию, а венгры — Подкарпатскую Русь, над здешними евреями нависла туча. Началось все с ограничений, а весной 1944 года фашистские власти Венгрии загнали в гетто, а потом вывезли из Закарпатья все еврейское население. Их отправляли в концлагеря. Увезли на рассвете и семью Абрама Бера. Никто никогда больше не видел и не слышал о них.

Эржика родила девочку. Вместе с рождением ребенка она и сама возродилась. Знала теперь одно: нужно жить ради своей дочери. Жила трудно. После смерти отца вышла замуж за крестьянина по фамилии Штаер.

Когда в Закарпатье пришла советская власть, была написана новая история края. О Николе Шугае стали говорить и писать так: «Никола — один из видных борцов против угнетения народа». И порой Эржике казалось, что теперь это имя — Николы Шугая — уже навсегда принадлежит совсем незнакомым людям. О жизни Николы Шугая часто писали в газетах и со многими вопросами обращались к Эржике. Журналисты хотели узнать о жизни Николы Шугая что-то новое. Каждый искал свою правду в этом сюжете. Но эти поиски казались Эржике напрасными. Она, как и многие люди, была убеждена в том, что никто не знает правды, кроме Бога.

Но, когда ей приходилось ходить по знакомым лесным тропинкам, всегда вспоминался Никола. Казалось: вот-вот выйдет он из леса, черноволосый, стройный, и радостно воскликнет: «Моя любя Эржико! Як ся маеш?» Воспоминания тут же растворялись в тишине. Тропинки Сухарского леса надежно хранили свои тайны.

Литературно-художественное издание

Киселева Елена Васильевна

ТРОПИНКИ СУХАРСКОГО ЛЕСА

Роман

Редактор В. Григорян. Корректор И. Иванова. Художественный редактор Е. Костяшова. Подписано в печать 07.04.09. Формат 60х84 1/16. Бумага офс. - 80 г. Усл. п. л. 10,1. Уч.-изд. л. 8,4. Тираж 100 экз.

Издательство «Эском» 167982, Россия,
Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. К.
Маркса, 229.